они были почти хозяевами в городе. В мае 1982 г. – распоряжение из Москвы: «по просьбе афганского правительства» оказать помощь в успокоении душманов-моджахедов. Об этом распоряжении стало известно всему советническому аппарату, находившемуся в Талукане.

23 мая 1982 года в гарнизон для организации и проведения боевой операции прилетел начальник 48-го погранотряда подполковник Ю.В. Романов. К нему на встречу потянулись советники со своими предложениями по целям и месту проведения операции. Одни предлагали провести операцию по захвату двух французских журналистов, якобы документирующих зверства советских военнослужащих, вторые предлагали окружить и разгромить банд-группу из 30 человек, переодетых в форму царандоя, и ряд других предложений. Подполковник Романов обещал оценить инфо. По завершении «визитов» потребовал оценки предложений советников у своего разведчика. Из-за несоответствия перечисленных предложений реальной обстановке советнические варианты были забракованы. Выбор остановили на собственном.

Через Талукан проходит дорога Кундуз–Файзабад. По ней примерно раз в 2 недели проходили колонны с материально-техническим обеспечением частей 40-й армии, дислоцированных в Файзабаде. Ни одна проводка не обходилась без двух-трех засад на маршруте, в которых армейцы несли потери. Наши колонны тоже не были исключением на участке этой дороги между Ханабадом и Талуканом. К одному из «узких» мест душманы словно прикипели – мост

После операции

Банги через реку Талуканку. Небольшая группа душманов, примерно 20–25 человек, используя естественный рельеф местности, регулярно внезапно нападала на колонны и после короткого боя растворялась в «зеленке». Было решено наказать их.

План операции был прост. 24 мая ММГ с афганской пехотой выдвигается северо-западнее Талукана в район Бахарак, афганские подразделения прочесывают эту группу кишлаков, собирают призывников. На ночь остаются в предгорьях западнее Бахарака. Предполагалось, что призывников наберут человек 100. 25-го должны возвращаться через мост Банги. На подходе передают на командный пункт, что до места осталось минут 10–15. По этой команде из Талукана взлетают 2 вертолета, наносят РБУ по месту засады и кружат над ним, имитируя намерение нанести еще один РБУ: отвлекают внимание душманов и заглушают действия ММГ и афганской пехоты. В это время саперы разминируют подходы, афганские военнослужащие идут в атаку и на проческу.

План был утвержден, операция прошла в точном соответствии с разработанным сценарием. Утром 24-го в Талукан на нашу точку прилетел Ми-26, выгрузил заправщика керосином, запас НУРСов для боевых вертолетов. После его отлета прилетела боевая пара. Днем они прикрывали с воздуха проход в Бахарак, 25-го после поступившего от ММГ сигнала с разведчиком в качестве наводчика (это и был как раз я) взлетели для нанесения РБУ.

Результат: трое душманов убиты, афганцы набрали 101 новобранца, захватили 12 вооруженных моджахедов, небольшой схрон с оружием и боеприпасами. С нашей стороны и со стороны правительственных сил потерь не было. По меркам 1982 года успех был значительным. Вечером 25-го Ю.В. Романов принимал горячие поздравления от советников. Засады на мосту Банги на некоторое время прекратились.

***Янкаускас Ромас Юозо** (р. 07.08.1954), заместитель начальника Западного регионального управления ФПС России, генерал-майор, заслуженный пограничник Российской Федерации, почетный сотрудник органов госбезопасности. Участвовал в боевых действиях в Республике Афганистан в 1982 и 1987–1989 гг. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» 4 степени с мечами, «За военные заслуги», «За личное мужество», медалями «За боевые заслуги» и «За отличие в охране государственной границы СССР».*

Елена Кандыбко

Призвание – разведка

В июне 1976 года, получив диплом об окончании училища и надев лейтенантские погоны, Ромас Янкаускас по распределению попадает в Прибалтийский пограничный округ. Должность офицера разведотдела в Кенигсбергском орденов Ленина и Красной Звезды 95-м пограничном отряде, дислоцировавшемся в Калининграде, стала для него стартовой. Отдел возглавлял многоопытный офицер – полковник А. Азаров. Для недавнего выпускника училища Александр Тихонович был настоящим учителем. Вдумчивый, толковый и рассудительный, он на деле показывал применение тех знаний, которые Ромас получил в ввузе.

В июне 1982 года Ромас Юозо был командирован в Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ. Туркменская ССР радушно встретила офицера цветущим Ашхабадом. Вид благоухающей зелени, жаркого солнца и пестрых цветочных клумб никак не вязался с тем, что всего в нескольких сот километрах отсюда в Афганистане идет война.

В разведотдел Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа, который возглавлял генерал-майор Байназар Артыкбаев, оперативник из Прибалтики был назначен на должность старшего офицера по информационно-аналитической работе. Через неделю после тщательного изучения обстановки Янкаускас был переведен в 68-й Тахта-Базарский пограничный отряд, откуда под руководством начальника оперативной группы П. Луникова его перебросили на территорию Афганистана.

Там, в провинции Бадгис, центром которой был населенный пункт Калайи-Нау, в курс дела его должен был ввести заместитель начальника ОГ подполковник Вячеслав Семенов. Однако сердечный приступ, случившийся с Семеновым спустя несколько дней, нарушил все планы. Подполковника

Осмотр местности после обстрела 10-й пограничной заставы Керкинского погранотряда. Крайний слева – подполковник Р. Янкаускас, 1989 г.

увезли в госпиталь, а Ромас остался без поддержки на участке один. Не зная ни местности, ни специфики службы, не имея знакомств среди старейшин и местных жителей, он оказался в весьма затруднительном положении.

Хотя активных действий тогда еще не проводилось, тот период, по воспоминаниям ветерана, стал для него поистине настоящей школой мужества и выживания. Он оказался совершенно один, без поддержки, в том мире, про который имел весьма расплывчатое представление, полученное им из ранее прочитанных книг и аналитических справок. Не зная языка, национальных особенностей и уклада быта, он не мог позволить себе расслабиться даже на минуту.

Через время на подмогу прилетел бывший однокашник по училищу капитан Иван Самохвалов. За короткое время, что работали вместе, Ромас Юозо успел восполнить пробел и запастись необходимым багажом знаний. Жили в землянке. Поначалу, конечно, все было непривычно. И горячий ветер, и теплая, словно чуть остывший чай, вода, и пыль, оседавшая серым слоем на одежде, и песок, скрипевший на зубах. Но рассуждать о неудобствах было совершенно некогда. Дни за работой пролетали с такой быстротой, что иногда даже путался в датах.

Его основной задачей был сбор информации из самых разных источников, ее обобщение и анализ. Янкаускас, имея аналитический склад ума, справлялся с этим в полной мере.

Раз в неделю оперативная группа организовывала колонну для доставки в лагерь необходимых запасов, воды, медикаментов, угля и стройматериалов. С этой целью проводились боевые операции. Путь проходил через местность с густой растительностью, так называемую «зеленку». Душманы, не упускавшие шанс поохотиться на «шурави», устраивали засады, и каждый раз обстреливали колонну. Иногда с главарями банд удавалось договориться, и тогда операция проходила более успешно и с наименьшими потерями. Однако, несмотря на договоренность, готовились всегда очень тщательно: верить бандитам все равно было нельзя.

Встреча с Хаджи Бакиль Абдулло. Фарьябская провинция, 1989 г.

– Успех оперативного работника, – высказывает мнение генерал-майор в отставке Ромас Юозо Янкаускас, – зависит не только от четко выстроенного плана операции, но и от того, какие качества характера преобладают в человеке. Азарт, импульсивность и безответственность в нашем деле совершенно не допустимы! Сотрудник разведки должен быть рассудительным, спокойным, эрудированным, ответственным и последовательным, он должен не только уметь управлять своими эмоциями, но и подчинить себе собеседника.

Ни в коем случае нельзя слепо гнаться за результатом. Важен комплексный подход при проведении любой операции. И стимулом для успешного проведения мероприятий должны быть не награды и звания, а четкое выполнение поставленных задач и достижение конкретных целей.

Работа в афганской провинции Бадгис стала для Ромаса Юозо бесценным опытом и прекрасной школой оперативного мастерства. Каждый день был полон событиями, встречами с разными людьми. Ритм жизни, требующий ежеминутного контроля, приучил к внимательному и всестороннему анализу обстановки.

В июне 1987 года майору Янкаускасу предложили перевод на другой участок. Ромас Юозо, не раздумывая, дал согласие. Хотелось применить свои знания и опыт в более сложной обстановке.

Прибыв в разведотдел 48-го Пянджского пограничного отряда, офицер под руководством начальника отдела подполковника А. Суворова стал детально изучать ситуацию, дотошно вникая во все нюансы. Перелопатив все дела отдела и полностью овладев элементами оперативной обстановки, он через два месяца убыл в Афганистан. Должность заместителя начальника полевой оперативной группы «Талукан» Янкаускас принял от подполковника Григория Морина, который убыл в Одессу.

Вспоминая тот период, Р. Янкаускас говорит, что к работе он приступил тогда с большим удовольствием. Восстановить все былые связи с осведомителями ему помог опытный офицер Андрей Силаев, чьи наработки тогда очень помогли прибывшему из Калининграда оперативнику.

Оперативная группа располагалась в провинции Тахар, центром которой являлся Талукан. Условия жизни сильно отличались от

тех, в которых он жил, будучи в Афганистане в командировке. Сейчас они проживали в доме с большими комнатами и прекрасным садом, где росли персики и груши. Недалеко от дома находилась река, где можно было в жаркий день искупаться.

Повезло Ромасу и в том, что старшим советником от КГБ провинции был земляк – латыш, полковник Э. Гайлиш, с которым сложились не только служебные, но и дружеские отношения.

В тот период в Афганистане уже начался процесс национального примирения. Уставшие от войны, люди хотели найти выход из того кризиса, в который попала страна из-за бесконечных военных действий. В большинстве провинций областные центры, уезды и населенные пункты уже контролировались национальной армией.

В Талукане Янкаускас быстро наладил взаимоотношения с руководством находящейся в подполье Рабочей партии РОТА, в том числе с Самадом, ставшим впоследствии генералом и командующим вооруженными силами РОТА. Они охотно сотрудничали при ликвидации банды Саида Насыра, которая регулярно обстреливала позиции оперативной группы и город. Боевики держали в страхе жителей местных кишлаков. Из-за них никак не налаживалась мирная жизнь.

Кстати, майор Янкаускас был первым представителем, которого приглашали на закрытые выездные заседания Центрального комитета РОТА. Это был показатель высокого доверия к советскому пограничнику. Санкции на участие в таких мероприятиях на первом этапе ему не выдавались, но упускать такой шанс было нельзя, поэтому, взвесив все «за» и «против», Ромас Юозо выезжал туда вдвоем с переводчиком Зафаром.

Владение обстановкой сказывалось на высоких результатах. Операции и акции возмездия приносили свои плоды. Но, к сожалению, не все мероприятия проходили по запланированному сценарию. Так, в декабре 1987 года Ромас Юозо с группой оперативников ехал на очередную встречу с главарем местной банды. Но добраться до места назначения им не удалось: в районе Каульбарса они попали в засаду. Душманы, организовавшие ловушку, знали о ехавших на БТРе русских от радиста той бандгруппы, с главарем которой они должны были встретиться.

Завязался бой, длившийся несколько часов. Пограничники не сразу смогли вызвать на подкрепление бронегруппу. Несмотря на то, что вырвались с большим трудом, к счастью, никто из военнослужащих не пострадал.

Быстрому налаживанию мирного процесса в Афганистане мешало то обстоятельство, что большинство высокопоставленных чиновников, представляющих теперь народную власть, в прошлом являлись главарями бандформирований. В угоду политическому курсу объявив себя приверженцем революции, многие из них по-прежнему продолжали контролировать ту или иную местность, руководя деятельностью душманских групп. Поскольку такие формирования содержались за счет чиновников, то получили свое название – «карманные банды». Зачастую вооружение для этих банд закупалось на деньги, предназначенные на строительство гражданских объектов, дорог или инфраструктуры населенных пунктов. Конечно, эта информация очень тщательно скрывалась как самими чиновниками, так и представителями силовых местных структур.

Из-за этой ситуации возникало много трудностей. Разрабатывая операцию по ликвидации той или иной душманской банды, надо бы-

Передача гуманитарной помощи представителям Афганистана. Крайний слева – майор М. Козлов, третий слева – подполковник Ромас Янкаускас, 1988 г.

Трофеи после проведения операции по разгрому банды, 1984 г.

ло учитывать и этот момент. Планируемые пограничниками мероприятия согласовывались с представителями царандоя, Службы государственной информации Афганистана и партийным комитетом НДПА провинции. Иногда согласование тормозилось или вовсе отменялось из-за принадлежности какого-нибудь формирования местному начальнику.

Бывало и так, что отношение какой-нибудь банды к кому-либо из высокопоставленных чиновников провинции выяснялось уже после ее ликвидации. Так, например, было в июне 1988 года с «карманной бандой» одного из руководителей местного ХАДа. Разъяренный главарь уничтоженной банды поклялся убить Янкаускаса, проводившего операцию. Тогда, чтобы спасти жизнь офицеру, руководство ОГ «Душанбе» перевело его в 47-й Керкинский пограничный отряд, предварительно отправив в отпуск.

Работу майора Янкаускаса высоко оценило как советское, так и афганское руководство. За успешное проведение ряда операций он был награжден орденом Красной Звезды и афганским орденом «Звезда» II степени.

Начав службу на новом месте в должности заместителя начальника разведотдела, он в скором времени стал его руководителем. В кратчайшие сроки изучив участок, офицер Янкаускас стал выстраивать работу в провинции Фарьяб. О том, что в ближайшее время состоится вывод советских войск из Афганистана, уже никто не скрывал, поэтому старались вывести отношения с представителями местной власти уже на другой уровень. Устанавливали контакты с главарями бандгрупп Ахмадом Пахлавоном и руководством пуштунского племени Мамадхель. В южной зоне на стыке участков Тахта-Базарского и Керкинского пограничных отрядов провели огромную работу, результатом которой стало создание на базе пуштунского племени 525-го пограничного полка Республики Афганистан. Формированию, перешедшему на сторону революции, при выводе наших войск были переданы часть вооружения и боеприпасов.

С руководством полка была достигнута договоренность о том, что они берут на себя ответственность по недопущению минирования дорог, нападения на советские колонны, обеспечению безопасности транспортных коммуникаций и беспрепятственного вывода советских войск из Афганистана. Это соглашение, имеющее огромное значение, стало результатом ежедневного труда и многочисленных переговоров.

К чести командира афганского полка Салухана, он полностью выполнил взятые на себя обязательства. Во время нахождения наших войск на контролируемой полком территории, а также во время вывода войск и в дальнейшем на участке ответственности не было допущено ни одной провокации.

Основная активная работа легла на плечи разведчиков Ромаса Юозо и его подчиненных – старшего лейтенанта Араза Бердыева, капитанов Юрия Холодова и Игоря Хренкова. Ветеран пограничной службы с большой теплотой и благодарностью отзывается об этих офицерах, с которыми они были вместе практически 24 часа в сутки. Офицеры были замечательными знатоками пуштунского народа. Они прекрасно знали их язык, культуру и обычаи. Природная тактичность, эрудированность и ответственность делали их незаменимыми сотрудниками.

В ноябре 1990 года на левом фланге 14-й пограничной заставы Керкинского пограничного отряда произошел прорыв: на террито-

Слева направо – подполковники Б. Радченко, В. Кащеев и Р. Янкаускас, Афганистан, 1988 г.

рию Афганистана с советской территории прошел нарушитель государственной границы. Из близкого окружения главаря бандгруппы Ахмада Пахлавона, который контролировал участок местности, прилегающей к афгано-советской границе, стало известно, что сбежавший является не просто гражданином СССР, а ведущим сотрудником одного московского научно-исследовательского института, занимавшегося разработкой по ядерной физике. При уточнении ситуации стало известно, что с собой у мужчины имеется сумка с докторской диссертацией по ядерным исследованиям. Научный сотрудник должен был добраться в Пакистан, а уже оттуда – в США. Ценнейшие разработки могли попасть в руки враждебного лагеря, отчего последствия были бы необратимыми.

Времени на раздумывание не оставалось, требовалось быстрое принятие решения. Возможность перехватить бежавшего ядерщика, хоть как-то повлиять на ситуацию исчислялась минутами. Рассмотрев всевозможные варианты, 34-летний начальник разведотдела подполковник Янкаускас принимает решение – связаться с Ахмадом Пахлавоном и настоять на встрече, взяв, таким образом, всю ответственность за проведение операции на себя.

Связавшись через представителей с Ахмадом, у которого благодаря стараниям офицеров разведотдела в Советском Союзе лечился брат, стали готовиться к переговорам. Согласившись на встречу, Пахлавон назначил местом для ее проведения афганскую территорию напротив участка государственной границы, находящуюся в зоне ответственности Керкинского пограничного отряда. Надо было срочно переправляться на катере в Афганистан.

Начальник отряда подполковник Василий Самохин разрешил офицеру действовать на свое усмотрение. Совместно с начальником особого отдела подполковником Владимиром Орловым разработали подробный план, после чего стали готовиться к переправе. Опасаясь запрета, в Москву решили доложить только после проведения операции или, наоборот, в случае провала. Обговорили также и худший вариант: если Ромас Юозо в назначенное время не вернется из Афганистана, то было решено направлять боевые группы из числа афганцев.

Взяв с собой старшего лейтенанта Араза Бердыева и старшего лейтенанта Геннадия Крекунова, Янкаускас вылетел на участок 14-й пограничной заставы, где произошел прорыв. Ахмад, подтвердивший согласие на встречу, поставил

Сбор старейшин в провинции Бадгис. Афганистан, г. Калайи-Нау, 1982 г.

Проведение инструктажа царандоя перед зачисткой кишлака. Афганистан, окраина г. Рустак, 1987 г.

еще одно условие – на переговоры без оружия должны прийти только Ромас и переводчик.

Оставив Крекунова, оперативники вдвоем на катере переправились через реку Аму-Дарья и убыли к месту встречи в 20 километрах от границы. Уравновешенный и спокойный Бердыев, являясь выходцем из влиятельного туркменского рода Теке, прекрасно знал все тонкости Востока и как нельзя лучше соответствовал обстановке. В кишлаке, где должна была состояться встреча, собралось большое количество старейшин. Рахмона (так называли Янкаускаса афганцы) и Араза встретили как самых дорогих гостей. Усадив за стол, от души потчевали их всевозможными национальными явствами и фруктами. Такой прием был показателем высокого доверия афганцев к советским пограничникам и гарантом того, что им не угрожает опасность. Правда, с самим Ахмадом им увидеться не удалось, зато он выполнил все обещания, что дал шурави. После радушного общения с аксакалами офицерам передали бежавшего ядерщика и пожелали хорошего возвращения домой.

С пограничной заставы вертолет прямиком полетел в г. Керки, откуда бывшего сотрудника НИИ в сопровождении спецслужб отправили сначала в Ашхабад, а затем в Москву.

Итог операции, проведенной подполковником Р. Янкаускасом, был высоко оценен и одобрен начальником разведотдела округа генерал-майором Б. Агаповым, начальником Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа генерал-лейтенантом А. Богдановым. Это был тот случай, когда говорили: «Победителей не судят!».

По итогам успешной операции подполковник Янкаускас был награжден высшей ведомственной наградой – знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Анализируя сейчас события тех лет, заслуженный пограничник РФ уверен, что их успех стал результатом четко спланированной и шаг за шагом (пункт за пунктом) просчитанной операции. Сейчас разведчик признает, что, несмотря на договоренность, риск все равно был. Но в данном случае, уточняет Ромас Юозо, риск был оправдан высокой целью безопасности страны. Слишком многое тогда было положено на чашу весов. При этом пограничник добавляет, что без поддержки начальника пограничного отряда и начальника особого отдела выполнение операции было бы невозможно. Ветеран очень благодарен этим людям, не побоявшимся ответственности. Они, по мнению Р. Янкаускаса, настоящие профессионалы своего дела, офицеры с большой буквы.

На вопрос, как бы он действовал сейчас, повторись та ситуация, ветеран без колебаний отвечает, что для него другого варианта нет: он вновь поступил бы точно так же. Самое главное в такой ситуации – это знание обстановки и вера в тех людей, с кем тебе приходится работать.

Коварная итальянская мина взорвалась точно под командирским БТРом. Контуженный экипаж оглох и истекал кровью, а в голове ***Владимира Романца*** *мелькнула мысль: «Вот и меня вычислили...». В горячке он-таки довел колонну до места, вошел в землянку, а оттуда его уже выносили на носилках – шок прошел. Впереди был госпиталь, но слух до сих пор оставляет желать лучшего.*

А. Анохин

Охраняли свою страну

Второй день рождения

23 декабря 1983 г. для командира мотоманевренной группы Пограничных войск КГБ СССР Владимира Ивановича Романца стал вторым днем рождения. Выполняемая задача была опасной, но почти рядовой. Его мангруппа сопровождала колонну наливников, транспортных автомобилей с боеприпасами, продовольствием, дровами и гуманитарной помощью.

Почти весь маршрут прошли спокойно. Предварительно дорогу проверили саперы с собаками, но в 15 километрах от места назначения произошел тот самый взрыв.

– Моя машина в колонне была 17-й по счету, однако впереди идущие все прошли спокойно, а под нами рвануло. Это говорит о том, что разведка у душманов работала – мину настроили на подрыв именно командирского БТР, – рассказывает Владимир Иванович. – В совпадения я не верю, тем более, что с нами следовали бойцы царандоя. У тех разные настроения гуляли, и утечка информации вполне возможна. Моджахеды старались в первую очередь наших офицеров уничтожать. Поэтому все ходили в одинаковой форме, без знаков различия.

Зеленый буфер

О роли пограничников в той войне долгое время молчали. Лишь несколько лет назад эта завеса тайны была приоткрыта. Мало кто верил, что «зеленым фуражкам» после начала активных боевых действий в Афганистане пришлось углубиться на вражескую территорию и создать многокилометровую буферную зону. Мотоманевренные группы пограничников пресекали наркотрафик, транспортировку оружия, возможности подготовки и заброски диверсионных групп на территорию Советского Союза, оказывали гуманитарную помощь. Но больше проводили рейды, устраивали засады, порой участвовали в войсковых операциях.

– В районе Мазари-Шарифа находился крупный укрепленный пункт моджахедов – гнездо бандита Гафура. Прямо в горных массивах была создана целая база с системой многочисленных тоннелей и переходов. Все подступы заминированы, танки и пехота пройти не смогут. Пришлось его блокировать и полтора месяца из окопов наблюдать массированные артиллерийские и ракетно-бомбовые удары наших войск. Условия были тяжелейшие. Ни умыться толком, ни передохнуть.

В Калайи-Нау было место дислокации 1-й мотоманевренной группы Тахта-Базарского пограничного отряда. Это между нашей Кушкой и афганским Гератом. Оттуда мы совершали рейды на стык трех границ – Афганистана, Ирана и нашей Туркмении. Там советская территория как бы врезалась углом в территорию Афганистана. Вот на этом углу душманы все время пытались путь сократить, через туркменские горы караваны с наркотиками вести, в обратную сторону оружие и другую контрабанду.

Борода для солидности

Войдя в Афганистан, пограничники сразу отказались от политики агрессии в отношении местных пуштунских племен. Многие проблемы решались на «дипломатическом уровне» с лидерами общин. Путь к взаимопониманию не был прост, но результативен. Племена отвечали лояльностью, иногда открыто предупреждали о появлении в районе враждебных отрядов.

– Чтобы этого добиться, приходилось изучать менталитет, приспосабливаться к местным порядкам и культуре. Как-то был на встрече с губернатором местной провинции. А к моему возвращению в расположение мангруппы как раз комиссия из Москвы прилетела. Спрашивают, где командир? То есть мной интересуются. Пограничники в мою сторону показывают, дескать, это он едет. Проверяющие смотрят на нашу машину и спрашивают: «А зачем он этого душмана с собой везет?» Про душмана – это про меня. Я к тому времени бороду отрастил, на встречи с местными лидерами надевал афганскую военную форму.

Это очень сильно помогало общий язык найти. У них ведь борода – признак солидного положения в обществе. Бывает, едешь, они все уважительно кланяются.

Отдельная тема – взаимодействие с армейскими и другими силовыми структурами. Это касается царандоя и ХАД (служба государственной безопасности Демократической Республики Афганистан). Более-менее положиться можно было только на ХАД. Там служили люди, преданные делу афганской революции. Очень грамотные, почти все выпускники советских вузов. Чего не скажешь о других. Вроде общее дело делаем, но как только проводим совместную операцию – то и дело утечка информации, что сильно влияло на конечный результат. Вот так и приходилось работать, постоянно оглядываясь и проверяя все и вся.

Школа войны

В Афганистане Владимир Иванович провел без малого два года и два месяца. Перед отъездом в Советский Союз сбрил бороду (за это афганцы даже кланяться на прощание отказались) и вернулся на Дальний Восток. 13 лет возглавлял сержантскую «учебку» в поселке Прогресс. При нем часть вошла в число лучших учебных подразделений Советского Союза. Сегодня эта воинская часть дислоцируется в селе Николаевка Тамбовского района Приамурья и при этом не теряет лидирующих позиций.

– Об Афганистане не всегда приятно вспоминать, но он стал хорошей военной школой. Ее уроки мы преподавали нашим подчиненным.

У Владимира Ивановича двое детей. Сын и дочь были маленькими, когда их отец ушел выполнять интернациональный долг, и сильно повзрослели к его возвращению. Кстати, сын тоже носит погоны, недавно своим появлением на свет обрадовал внук.

О той войне напоминает парадный мундир с наградами да возможность открыто говорить про «зеленые фуражки» в Афганистане. В силу особой конфиденциальности об этом долго приходилось молчать...

Как это было

После операции в Гормаче боевая группа ММГ-1 «Калайи-Нау» выдвигается на помощь РММГ Тахта-Базарского отряда в Кайсар. 28 мая 1982 г. боевая группа «Калайи-Нау» прибывает в Кайсар, РММГ Тахта-Базарского отряда через пару дней выходит в Союз, оставив трофейную пушку и подбитый БТР. В Союзе РММГ формирует нештатную десантно-штурмовую заставу и выполняет поставленные задачи в рамках частной операции по очистке «зеленой зоны» – приграничных районов на рубеже Андхой, Меймене (против смежных флангов Тахта-Базарского и Керкинского пограничных отрядов). Операция эта не имела серьезных боевых столкновений, но три формирования мятежников вступили после этого в переговоры с властями и изъявили готовность сложить оружие. Нештатная десантно-штурмовая застава резервной мотомангруппы Тахта-Базарского пограничного отряда была десантирована в район Меймене.

Численность боевой группы ММГ-1, оставшейся в Кайсаре, была около 120 военнослужащих: огневой взвод минометной батареи с шестью минометами (3 – 120-мм, 3 – 82-мм), почти полностью взвод управления минбата с транспортными машинами, груженными минами, БМП, БТРы, противотанковый взвод (ПТВ), связь, часть ВБО, БРМ со взвода разведки, саперы.

6 июня 1982 г. днем при обстреле опорного пункта мотомангруппы в Кайсаре получил осколочное ранение в голову рядовой Владимир Кряквин из минометной батареи ММГ-1 «Калайи-Нау». Легкое на вид ранение имело серьезные последствия, у раненого перестала двигаться нога. Рядовой В. Кряквин был отправлен на излечение сначала в окружной госпиталь в Ашхабаде, потом в Москву, откуда был комиссован из войск.

7 июня 1982 г. в 19.50 при внезапном обстреле расположения боевой группы ММГ-1 «Калайи-Нау» в Кайсаре из минометов погиб один офицер и семь военнослужащих были ранены. Обстрел велся с заранее пристрелянных позиций, практически все мины буквально со второго выстрела ложились на территории старой больницы, где располагался лагерь мотомангруппы. Вертолеты за ранеными прилетели только на следующий день, садились под плотным огнем ДШК, получили несколько пробоин.

7 июня 1982 г. в районе Кайсара погиб командир инженерно-саперного взвода мотоманевренной группы в Калайи-Нау лейтенант О.Ю. Шаевич. Ранение получили офицер и 7 военнослужащих срочной службы: заместитель начальника 1-й пограничной заставы лейтенант А. Дрововозов (серьезное ранение в руку), В. Швецов, Р. Набиуллин, Н. Николаев (все трое – 1-я погранзастава); водитель автомашины ЗИЛ-131 рядовой А. Демидов (ВБО); наводчик миномета Г. Парахин, сержант В. Денников (оба – минометная батарея); сержант А. Михейкин (инженерно-саперный взвод).

Пулеметчика Рашида Набиуллина, потерявшего при ранении сознание, вынес из-под огня командир его отделения сержант В.А. Наумов.

Обстрел лагеря продолжался всю ночь, в том числе из стрелкового оружия и ручных гранатометов. Утром 8 июня прилетевшие для эвакуации раненых борты были при посадке и на взлете обстреляны из ДШК. Вертолет с бортовым номером 30 получил серьезные повреждения, в результате с трудом дотянул лишь до Тахта-Базара, откуда раненых другим бортом доставили в окружной госпиталь в Ашхабад. Ранение во время обстрела получил командир вертолета.

Но и банда не ушла от возмездия. Усилиями разведчиков установили ее местонахождение и действиями подразделений из Кайсара и Меймене, во взаимодействии с батальоном царандоя, ее уничтожили. Было убито 37 душманов, захвачено трое, а также 2 миномета и 15 единиц стрелкового оружия.

19 октября 1982 г. в районе к. Чечакту километрах в 10 до Кайсара колонна мотоманевренной группы-1 попала в засаду. При обстреле погиб водитель взвода боевого обеспечения мотоманевренной группы-1 А. Демидов. Смертельно раненный, он отвел машину от столкновения с бензовозом. Несколько человек получили ранения. У БТР-70 взрывом было оторвано переднее колесо. На помощь колонне из Кайсара вышла бронегруппа под командованием начальника Тахта-Базарской РММГ капитана В.М. Волка, а также были вызваны вертолеты 17-го отдельного авиаполка из Союза для нанесения РБУ.

25 октября 1982 г. в Кайсар из Андхоя прибывает резервная мотомангруппа Керкинского пограничного отряда, которая меняет РММГ Тахта-Базарского пограничного отряда и встает в Кайсаре на постоянное место дислокации. В этот же день колонна роты подвоза, РММГ Тахта-Базарского отряда и ММГ-1 «Калайи-Нау» предприняла попытку выдвинуться из Кайсара в Союз, однако под Чечакту снова попала в засаду. Обстрел был достаточно плотным, поэтому колонна была вынуждена вернуться в Кайсар, где переночевали на площади перед расположением мангруппы в старой больнице.

26 октября 1982 г. резервная мотомангруппа Тахта-Базарского пограничного отряда вместе с транспортной колонной и боевой группой ММГ-1 вновь выдвигается из Кайсара. Передвижение колонны на этот раз прошло практически без обстрелов. Видимо кайсарские бандформирования получили информацию о том, что мангруппа уходит из их района, и не стали препятствовать. Тахта-Базарская РММГ выходит в Союз для дальнейшего участия во внеплановой совместной с 40-й армией операции «Гульран».

За семь лет службы в Краснознаменном Среднеазиатском пограничном округе ныне подполковник в отставке ***Борис Семёнович Радченко*** *награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За отличие в охране государственной границы СССР».*

Елена Кандыбко

Между прошлым и будущим…

Из Латвии – в Туркмению

В 47-й пограничный отряд, расположенный в туркменском городе Керки, Б. Радченко приехал в марте 1982 года из латышского Вентспилса, где служил в разведотделе 8-го пограничного отряда Прибалтийского пограничного округа. Перевод стал результатом положительного решения на предложение окружного разведотдела

Капитан Борис Радченко

о выполнении интернационального долга в Демократической Республике Афганистан.

Сам он, как сейчас вспоминает ветеран оперативных органов, о службе на территории Афганистана тогда не задумывался. Предложили – не отказался. Привык идти по жизни прямой дорогой, не увиливая от ответственности и не выискивая легких путей.

Первая командировка на территорию Афганистана для старшего офицера разведотдела состоялась уже 7 апреля 1982 года. Свой первый полуторачасовой полет в 1-ю мотоманевренную группу «Меймене» он помнит до мелочей, словно это было вчера. Во время полета над территорией Туркмении вертолет шел на обычной высоте, но как только пересекли советско-афганскую границу, пилот, опасаясь ракет типа «стингер», резко снизил высоту. Так на предельно низкой высоте долетели до аэродрома в г. Меймене. В тот весенний день капитан Радченко первый раз ступил на афганскую землю. Там, в провинции Фарьяб, в районе афганского аэродрома дислоцировалась 1-я ММГ Керкинского 47-го пограничного отряда. Подчинялась она 1-й полевой оперативной группе отряда (1 ОГ «Меймене»), которая находилась там же.

Познакомиться сразу со всеми офицерами ОГ не получилось, так как в то время они находились в районе кишлака Кайсар, где боевая группа от ММГ участвовала в операции по выдавливанию душманских банд и установлению народной власти. Знакомство состоялось лишь через две недели, когда, успешно выполнив задачу, они вернулись в лагерь.

В тот момент подразделения, размещаясь в палатках, вели инженерные работы по строительству землянок, оборудованию позиций для боевых машин, обустройству окоп по всему периметру обороны. Командовал оперативной группой подполковник Николай Нестеров. Мотоманевренную группу возглавлял майор А. Калинин.

В особенности оперативной обстановки, складывающейся в провинции Фарьяб, капитана Радченко ввел заместитель начальника

Б. Радченко в землянке

оперативной группы по разведке подполковник Равшан Ходжакулиев. Его наставления и рекомендации потом не раз помогали Борису Семеновичу в службе.

Вновь прибывшего офицера вскоре представили советникам от Вооруженных сил, КГБ и МВД, познакомили с руководством провинциального комитета, отделом Службы государственной информации Афганистана (организация, аналогичная нашему КГБ. – *Прим. автора*), МГБ провинции, командованием афганского полка и царандоя.

За спиной – граница

Главной задачей пограничных войск в афганской войне было прикрытие подступов к Государственной границе Советского Союза. Пограничники стояли на пути душманских банд, хорошо оснащенных итальянским, китайским и американским оружием.

Чтобы не допустить обстрелов советской стороны и проникновения на территорию страны воинствующих душманов, офицеры разведки оперативных групп проводили специальные операции. Для склонения душманов к отказу от ведения боевых действий и недопущения враждебных акций на границе, с их главарями велись переговоры. С целью получения информации о возможной подготовке провокаций устанавливались доверительные отношения со старейшинами кишлаков, население которых занималось сельским хозяйством в непосредственной близости от границы.

Отдельные бандгруппы после переговоров переходили на сторону властей. После этого на их базе создавались группы защиты революции, и бывшие бандиты, имея другой статус, получали жалование как военнослужащие. Часть формирований негласно сотрудничала с властями, отказываясь от ведения боевых действий и совершения терактов.

Информация собиралась по крупицам в ежедневных встречах с самыми разными людьми, будь то представители местных органов власти, члены групп защиты революции или простые жители кишлаков. Работа с людьми требовала сдержанности, рассудительности и хладнокровия. Ходили всегда с переводчиком, главная задача которого была максимальная точность перевода сказанной афганцами речи.

Борис Семенович до сих пор добрыми словами вспоминает пе-

На очередной встрече. В центре – Борис Радченко

реводчиков, с которыми ему пришлось служить. Это сержанты С. Муйдинов, Н. Юсупов, Р. Каримов, прапорщики Х. Сабиров и М. Акдодшоев.

Одной из первых десантных операций, в которой участвовал пограничник Радченко, была высадка в составе десантно-штурмовой группы 47-го пограничного отряда в район Ширинтагоба. Там находилась горная гряда, являющаяся самой высокой точкой в провинции Фарьяб. С нее прекрасно просматривалась вся густонаселенная местность, заросшая кустарником, садами и деревьями, так называемая «зеленка».

Через эту местность, которую бандгруппы использовали для устройства засад, пограничникам приходилось с боями и потерями проводить свои и афганские колонны, обеспечивающие жизнедеятельность города Меймене. В этой «зеленке» Борис Семенович много раз участвовал в боевых рейдах, во время которых завязывались знакомства не только с простыми афганцами, но и старейшинами кишлаков. Там же неоднократно встречался с главарями бандгрупп, собирая информацию об их планах и намерениях.

Так за оперативной работой, которая велась в районе центров Кайсар, Альмар, Токали-Намуса, Ширинтагоба, Джумабазара и Даулатабада, быстро пролетали дни, отчитывая на календаре недели и месяцы. Со временем капитан Радченко даже перестал следить за продолжительностью своего пребывания в Афганистане. Изучая кишлаки Джалаирской долины, через которую дорога прямиком выходила на границу, он с головой окунулся в работу.

В апреле 1983 года заместителем начальника ОГ по разведке был назначен майор Николай Ачилов. Эрудированный и рассудительный, он быстро обосновался в сплоченном и дружном коллективе.

Вскоре после тщательно спланированного оперативного мероприятия им удалось склонить к отказу от боевых действий главаря душманов района Джумабазара. Избежание кровопролитных столкновений с бандгруппой, численность которой превышала 300 человек, было большой удачей.

В этом составе оперативники проработали вместе до перевода Б. Радченко в 68-й Тахта-Базарский пограничный отряд в декабре 1984 года.

Колонна жизни

Для бесперебойного обеспечения жизнедеятельности гарнизона ММГ «Меймене» к советской границе через Ширинтагобскую «зеленку» периодически формировалась автоколонна. Это позволяло пополнить запасы продуктов, оружия, ГСМ, медикаментов, угля и стройматериалов. По пути следования колонна систематически подвергалась обстрелу со стороны боевиков, поэтому офицеры разведки при проведении оперативных действий настойчиво искали возможность для организации нового более безопасного маршрута.

Большую роль в этом сыграло установление доверительных отношений с главарями бандгрупп. Личное знакомство капитана Радченко с пуштунским старейшиной кишлаков Джалаирской долины и тщательная разведка проходимости дорог для проезда тяжелой техники стали определяющими факторами для прокладки нового маршрута, по которому колонна впервые пошла в марте 1983 года.

Новый маршрут по Джалаирской долине выводил транспортную тыловую колонну на линию государственной границы в район 1-й заставы 47-го пограничного отряда (район 51-го пограничного знака).

Слева направо: Б. Радченко, Р. Ходжакулиев, Н. Нестеров

На встрече со старейшиной Джалаирской долины. В центре – Б. Радченко

– Этим маршрутом, – делится воспоминаниями Борис Семенович, – обеспечивалось тыловое снабжение мотомангруппы вплоть до вывода войск из Демократической Республики Афганистан. По нему 15 февраля 1989 г. Фарьябскую провинцию покидала и наша 1-я ММГ.

Каждая проводка колонн всегда была боевой операцией, в которой совместно с боевой группой от ММГ «Меймене» принимали участие подразделения 35-го афганского пехотного полка и оперативный батальон царандоя.

Как вспоминает Борис Радченко, из лагеря выходили с рассветом около 5 часов утра. Пыль от колонны поднималась высоко вверх, поэтому автомобильный караван был хорошо виден в пустынной местности за несколько километров вокруг. Это позволяло душманам следить за движением колонны, заблаговременно минируя дороги и устраивая засады.

При подходе колонны к населенному пункту оперативники внимательно наблюдали за жизнью в кишлаках. Первым признаком, что в деревне все спокойно и не стоит опасаться засады, была детвора, которая забиралась на крыши домов и оттуда с интересом следила за приближением боевой техники и ее прохождением через населенный пункт. Вторым признаком было поведение взрослых жителей, которые обычно продолжали заниматься своими повседневными делами. То есть кишлак жил своей привычной размеренной жизнью и можно было не опасаться засад как в кишлаке, так и в его «зеленке».

А вот если в населенном пункте было непривычно тихо и пустынно, словно он весь вымер, значит, там поджидает засада душманов. Обманчивая тишина указывала на то, что колонну ожидает бой. Как правило, в этом случае первыми в кишлак в пешем порядке заходили солдаты царандоя и 35-го афганского пехотного полка, которые осматривали места возможных засад – сады, заброшенные дома и разрушенные строения. При обнаружении боевиков они вступали с ними в бой. Огневую поддержку оказывали боевая группа ММГ и артиллерия афганского полка. Выбив душманов из кишлака, колонна продолжала путь. Нередко бывало и так, что душманы после обнаружения их засады, не принимая бой, покидали кишлак и отступали в горы.

Предугадать, какой кишлак встретит шурави приветливо, а какой – огнем, было невозможно. Поэтому полагались не на интуицию, а на опыт и всесторонний анализ оперативной обстановки. Именно этим и занимались Мейменинская ОГ и ММГ.

Если до захода солнца не успевали дойти до советской границы, то до наступления темноты ММГ в поле разбивала лагерь, занимала круговую оборону, размещая транспортную колонну в центре лагеря. Подразделения же афганского полка и батальона царандоя располагались отдельным лагерем, также устраивая круговую оборону.

Бдительность и осторожность нельзя было терять ни на секунду. Собранность, слаженность и четкое распределение обязанностей помогали избегать серьезных потерь. Всегда учитывались быстро меняющаяся обстановка, особенности местности, погодные условия и время года.

Школа жизни

В провинции Фарьяб, как и во многих других, обычно выращивали два урожая зерновых в год. Когда приходило время посевной поры, банды заключали мирные договоры, и все афганцы занимались посадкой. Если где-то и происходили какие-то военные действия, то они были слабо текущими и незначительными. Так же происходило и во время сбора урожая.

К тому же афганцы в этот период избегали пользоваться трассерами, опасаясь, как бы от них на полях не произошло возгорание. Советские подразделения также не использовали трассирующие патроны. Таков был негласный закон войны. Афганцы очень бережно собирали урожай зерновых, поскольку он составлял основной рацион их питания. И если выгорало поле со злаками, то вся деревня потом жила впроголодь.

Борис Семенович вспоминает, что у него на первых порах совершенно не было опасения оказаться раненым, контуженным или захваченным в плен. Страх появился после того, как однажды в сентябре 1983 года во время операции в районе кишлака Токали-Намуса подорвалась на мине их командно-штабная машина на базе БТР-60 («Чайка»). Взрыв под левым колесом был мощным. Майора Радченко откинуло ударной волной на люк машины. Ударившись спиной о металл, он чудом не сломал позвоночник. Голова гудела так, что казалось, будто весь мир давит на тебя со всех сторон. Очень хотелось пить, но фляги с водой, привязанные до взрыва к БТРу, разлетелись на десятки метров в стороны и оказались пустыми. По чистой случайности никто не погиб. Кроме Радченко контузию получили члены экипажа и заместитель начальника ОГ майор Р. Фахарисламов, находившийся вместе с ним на БТР. От контузий они отходили уже в санчасти отряда.

Спустя время Б. Радченко встретился с бывшим главарем банд-группы кишлака Токали-Намуса, организовавшим взрыв «Чайки». Правда выступал тот уже совершенно в другом качестве. Его банда в полном составе перешла на сторону органов власти и из нее была сформирована группа защиты революции. При встрече главарь совершенно не отрицал того, что мина была поставлена по его распоряжению. Ничуть не испытывая чувства вины, он утверждал, что тогда они стояли по разные стороны конфликта и были врагами, а сейчас они «братья по оружию», поэтому он с уважением относится к советским солдатам. Причиной для такого отношения были не только храбрость шурави, но и доброе отношение к мирным жителям кишлаков.

Надо отметить, что душманы в борьбе с советскими военными проявляли незаурядную изобретательность и находчивость. Наглядной иллюстрацией, по мнению подполковника в отставке Б. Радченко, может служить случай психологической атаки, который произошел с ним в районе к. Альмар. Тогда мангруппа расположилась на ночевку на открытом месте примерно в 2–3 км от кишлака. Примерно в два часа ночи со стороны населенного пункта тишину нарушил нарастающий гул приближающейся с громкими воплями огромной толпы. Создавалось такое впечатление, что через минуту разъяренная толпа будет уже на позициях наших пограничников. От душераздирающей молитвы по коже пробежал мороз.

Не дожидаясь неблагополучного развития событий, мангруппа ответила беглым огнем из миномета. После нескольких выстрелов установилась оглушительная тишина, ночь вновь наполнил стрекот кузнечиков. С рассветом на поле обнаружили исковерканный взрывом магнитофон с огромными колонками и кассетой, на которую были записаны вопли орущей толпы.

Отношение к шурави

Больше всех от войны страдали мирные жители. Им, по большому счету, было все равно, кто стоит у власти, лишь бы жить мирно, растить детей, иметь возможность ухаживать за стариками и выращивать хлеб.

Подрыв «Чайки»

Офицеры разведки В. Кащеев и Б. Радченко (справа)

Война, измотавшая людей, заставляла некоторых покидать родные края и бежать в соседние страны Пакистан и Иран.

Однако часто приходилось слышать, что русские воюют честно, не делают подлости и всегда выполняют обязательства по достигнутым договоренностям.

Был у афганцев и еще один повод уважать русских. Это готовность советских медиков, находившихся при военных подразделениях, оказать посильную помощь в лечении местных жителей. Врачам в самых разных условиях приходилось не только лечить от простуды, кишечных расстройств, обрабатывать раны и ожоги, но и спасать от кровопотери, выводить из шоковых состояний, ставить капельницы.

Врача мотомангруппы капитана Валерия Юсова местные просто боготворили и часто обращались к нему за медицинской помощью. Надо отдать должное, он был настоящим фанатом своего дела. Иначе как объяснить его терпеливую покорность при таких экстремальных нагрузках?

Повседневность

В декабре 1984 года майор Радченко был переведен в разведотдел Тахта-Базарского 68-го пограничного отряда (Туркменская ССР), а в апреле 1985 года был направлен на трехмесячные курсы усовершенствования офицерского состава при Московском высшем пограничном Краснознаменном училище им. Моссовета. После окончания учебы вернулся в разведотдел и в ноябре этого же года был переведен офицером оперативно-войскового отдела «Душанбе» Управления войск Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа (КСАПО).

Во время службы в оперативной группе «Меймене» у пограничника Радченко сложились хорошие отношения с командованием 35-го афганского пехотного полка, который дислоцировался в г. Меймене. Стабильным было и взаимодействие с командованием отдельного оперативного батальона Службы государственной информации (СГИ). В составе этого батальона ему неоднократно приходилось участвовать в операциях против бандгрупп.

В июле 1986 г. вместо оперативно-войскового отдела была создана оперативная группа (ОГ) «Душанбе». В нее был включен и майор Б. Радченко. Начальником ОГ КСАПО был назначен генерал-майор И. Коробейников. Впоследствии его сменил генерал-майор А. Мартовицкий. Разведотдел возглавил полковник С. Минаков, а в 1988 году его преемником стал полковник А. Суворов.

Начальнику оперативной группы подчинялись спецподразделения пограничных войск, расположенные на афганской и советской территории. Основной ее задачей было обеспечение безопасности границы и недопущение нападений со стороны бандформирований. С 1986 по 1988 годы в зоне ответственности погранвойск КСАПО от Тахта-Базарского до Хорогского погранотряда оперативной группой было проведено 12 окружных операций.

В оперативной группе «Душанбе» Борис Семенович прослужил четыре года и с большим уважением отзывается о руководителях разведотдела, которые сумели работу выстроить таким образом, что все сотрудники понимали друг друга буквально с полуслова и всегда готовы были прийти на помощь по первой необходимости.

Ответственная работа требовала постоянного внутреннего напряжения. Самой большой наградой для пограничника были встречи с семьей, которая всегда следовала за мужем. Характер своей супруги, сдержанный и спокойный, Борис Семенович по-настоящему

оценил только тогда. Оптимистка Зоя Григорьевна никогда ни в чем не упрекала супруга. Борис Семенович, возвращавшийся домой, был окружен заботой, теплом и любовью.

После недолгих встреч с семьей вертолет неизменно увозил Бориса Семеновича на территорию Афганистана. Нехитрый быт в лагере он воспринимал спокойно. Работа отнимала много энергии, поэтому не хотелось тратить силы на пустые эмоции.

Провокации на границе

Жизнь шла своим чередом. Однако ее мирному течению пытались периодически помешать афганские бандгруппы, которые стягивали в приграничные территории вооружение, щедро поступающее к ним из США.

8 марта 1987 года бандгруппам удалось обстрелять советскую территорию. Тогда душманы выпустили реактивные снаряды в таджикский районный г. Пяндж, расположенный у самой границы с Демократической Республикой Афганистан. Во время обстрела погиб один человек, двое получили ранения, в том числе и ребенок.

Сразу же после первых разрывов снарядов наши пограничники ответили душманам минометными залпами. В результате операции возмездия, проведенной советской стороной с 9 по 18 марта, банда была уничтожена. К сожалению, за период ее проведения были ранены 18 советских пограничников, один погиб.

После обстрела Пянджа афганские бандформирования не отказались от попыток обстрела советской территории. Осенью того же года разведчики получили оперативные данные о создании в афганской провинции Фарьяб базы снабжения оружием. В районе приграничного кишлака Дарбанд увеличилось количество прибывающих на базу караванов с вооружением, большую часть которых составляли тяжелое оружие и реактивные снаряды. Оттуда вооружение распределялось по бандгруппам, которые дислоцировались в приграничных с СССР районах. Из-за этого создавалась опасность обстрела советской территории. Пограничники понимали, что счастье и покой советских семей теперь напрямую зависят от их профессионализма.

Во избежание провокаций на границе командование поставило перед разведотделом ОГ «Душанбе» задачу активизировать разведку по всем бандгруппам. С целью сбора данных о деятельности душманов майор Борис Радченко был направлен в ОГ «Меймене», в которой прослужил более двух лет.

Совместно с заместителем начальника ОГ «Меймене» по разведке подполковником В. Кащеевым были проведены оперативные мероприятия, в результате которых была получена ценная информация о численности и вооружении бандгруппы, охраняющей базу «Дарбанд», а также ее главаре Ермомаде.

Сама база находилась в горном, труднодоступном районе в 18 километрах юго-западнее гарнизона 1-й ММГ 47-го пограничного отряда (г. Меймене). Склады с оружием и боеприпасами располагались в сухом русле. В самом кишлаке к тому же находилась тюрьма, в которой содержались дехкане (крестьяне), подозреваемые в связях с органами власти.

С воздуха базу, получившую одноименное название от близлежащего кишлака «Дарбанд», прикрывали 15 крупнокалиберных пулеметов ДШК, 3 противозенитных ракетных комплекса типа «стингер», на подступах по всему периметру были заложены фугасы. Связь между базой и своими позициями душманы осуществляли по телефону, а с бандами близлежащих кишлаков – по радио. Вооружение из складов пещерного типа,

Вручение ордена Красного Знамени

Борис Радченко с семьей (супруга Зоя Григорьевна, внучка Александра и дочь Оксана), 2017 г.

расположенных в ущелье, распределялось во все бандформирования. По мнению душманов база считалась неприступной.

Для сбора сведений о душманской базе была проведена аэрофотосъемка местности, уточнялись оборона, средства и позиции ПВО, места складирования оружия, возможные пути отходов и численность душманов, охраняющих базу. Когда вся оперативная информация была собрана, в строжайшей тайне разработали план многоэтапной операции по захвату и уничтожению душманской базы. Детали всей предстоящей операции знали только руководители оперативной группы: начальник полковник А. Мартовицкий, начальник политотдела подполковник В. Кудрявцев и заместитель начальника по разведке подполковник С. Минаков.

Операция началась 8 декабря 1987 года с обстрела душманских позиций из БМ-21 и десантирования с вертолетов ДШМГ 47-го и 81-го пограничных отрядов на позиции банды. Овладев опорными пунктами душманов, пограничники блокировали кишлак и обеспечили десантирование афганского оперативного батальона УМГБ.

Вместе с афганским оперативным батальоном летели майор Б. Радченко, заместитель начальника ДШМГ 81-го пого по разведке капитан М. Смирнов и переводчик.

– Но наш вертолет МИ-8 с бортовым номером 34, – уточняет участник тех событий Борис Радченко, – до места назначения не долетел. Его подбили душманы над склонами гор, окружающих базу. Благодаря умелым действиям командира экипажа майора Б. Гарманова, вертолет не загорелся и не свалился в пропасть, до которой оставалось не более 4-х метров. С переломами и контузиями экипаж борта и Б. Радченко были эвакуированы в госпиталь Ашхабада.

В результате успешно проведенной операции были захвачены сотни реактивных снарядов, противотанковые мины, мины к минометам, выстрелы к ручным противотанковым гранатометам, десятки пулеметов с боеприпасами, средства радиосвязи. К тому же были освобождены узники тюрьмы кишлака Дарбанд и, самое главное, ликвидирована опасность обстрела советской территории.

В ликвидации базы участвовали боевые группы Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа: ММГ «Калайи-Нау», ММГ «Кайсар» 68-го Тахта-Базарского пограничного отряда; ДШМГ и ММГ «Меймене», «Шибирган», «Мордиан», ПЗ «Файзабад» 47-го Керкинского пограничного отряда; ДШМГ, ММГ «Ташкурган» 81-го Термезского пограничного отряда; авиагруппа ПВ 17-го авиаполка и усиленный батальон 122-го МСП 201-й МСД 40-й армии. Участие приняли также и афганские подразделения 18-й ПД, оперативный батальон УМГБ провинции Фарьяб, подразделения 511-го национального полка.

Борис Семенович получил второе ранение. После лечения в Ашхабадском, а затем и в Душанбинском госпиталях он вновь вернулся в оперативную группу «Душанбе» КСАПО.

Вскоре заслуги офицеров, участвовавших в операции по ликвидации базы «Дарбанд», во время которой не погиб ни один советский пограничник, высоко оценило руководство страны.

27 июля 1988 года майор Борис Радченко в числе других заслуженных оперативников был награжден орденом Красного Знамени. Эту награду ему в Москве вручил начальник Пограничных войск КГБ СССР генерал армии Вадим Матросов.

Афганистан для Бориса Семеновича закончился 29 декабря 1989 года. В этот день ему предложили перевод в Прибалтийский пограничный округ...

У автора сохранились дневниковые записи тех лет, охватывающие следующие периоды (ввод первых мотоманевренных групп в Афганистан в 1982 г., февраль–март 1984 г. и с августа 1984 по февраль 1987 г.). В двух 100-листовых блокнотах зафиксированы, в основном, все происходившие тогда события, в которых он в той или иной мере принимал участие. Записи сделаны с детальной привязкой к датам, времени и месту. Имеются наброски планов инженерного обеспечения тех или иных действий наших подразделений, копии служебных донесений из маневренных групп и оперативных групп пограничных отрядов в части, касающейся инженерного обеспечения, статистика успехов и неудач саперов и многое другое…

С.Н. Гордеев

Инженерное обеспечение ввода спецподразделений в Республику Афганистан

В 1980–1981 гг. я проходил службу в должности начальника инженерного отделения знаменитого 57-го Краснознаменного Уссурийского пограничного отряда (г. Дальнереченск или по прежнему названию г. Иман), которым в то время командовал подполковник А.Н. Мартовицкий (впоследствии генерал-майор – начальник оперативной группы КСАПО в г. Душанбе).

В ноябре 1981 г. приказом начальника войск Тихоокеанского пограничного округа я был назначен офицером инженерного отдела округа, а дела и должность сдавал в декабре 1981 г. после окончания работ по инженерному оборудованию границы и возвращению в пункт постоянной дислокации инженерно-саперной роты отряда. Накануне Нового, 1982 года меня вызвал к себе начальник отряда и объявил о предстоящей командировке в КСАПО со 2 января 1982 г. Так в первых числах января 1982 г. я оказался в Среднеазиатском пограничном округе. Из других пограничных округов также прибыли офицеры – саперы, разведчики.

Вначале я прибыл в Ашхабад, в инженерный отдел округа, где нам (я имею в виду прибывших из других округов офицеров-саперов) было доведено, что мы будем прикомандированы к маневренным группам пограничных отрядов (как правило, к своим родным, т.е. которые формировались в наших округах). Наша задача заключалась в оказании помощи командованию маневренных групп в подготовке личного состава к вводу на территорию Афганистана, организации и выполнении задач инженерного обеспечения в ходе ввода и обустройства подразделений в местах постоянной дислокации. В частности, мне было приказано убыть в город Термез для инженерного обеспечения ввода мангруппы, сформированной в нашем Тихоокеанском пограничном округе, куда я и прибыл 6 января...

Две мотоманевренные группы (от Тихоокеанского и Закавказского пограничных округов) располагались в учебном центре 81-го пограничного отряда, где проходило их боевое слаживание. Личный состав ММГ (в том числе и офицеры) жили в полевых условиях, в палатках. При каждой ММГ была полевая оперативная группа, в которую входили: начальник полевой ОГ, начальник штаба ОГ, 2–3 офицера-разведчика, переводчик.

Полевой оперативной группой Тихоокеанской мотоманевренной группы командовал майор Владимир Бушуев, начальником штаба был майор А.С. Симкин. Начальником маневренной группы был майор Г.К. Бушин, начальником штаба – майор Г.А. Тропин (57-й пограничный отряд), заместителем по политической части – капитан Селиверстов, заместителем по технической части – старший лейтенант Г. Лагута, начальниками застав старший лейтенант И. Ткаченко (застава БТР) капитан Свеженцев (застава БМП), заместителем по политической части заставы майор Киреев (у Свеженцева), командиром минометной батареи – капитан Виктор Топорков (все из 57-го пограничного отряда).

Термезским пограничным отрядом в этот период командовал подполковник З.М. Файзиев, кото-

рый уже имел солидный опыт боевых действий в составе СБО на участке Хорогского и Московского пограничных отрядов в 1980–1981 гг. (в январе 1980 г. в звании майора он был начальником штаба СБО-1). Он же и руководил операцией по вводу двух маневренных групп в зону ответственности своего отряда. Общее руководство операцией по вводу мотоманевренных групп на участке войск округа (операция «Долина-82») осуществлял начальник Пограничных войск КГБ СССР генерал армии В.А. Матросов, его заместителем был действующий начальник войск КСАПО генерал-майор Г.А. Згерский. Первыми вводились мотоманевренные группы на участках Керкинского и Тахта-Базарского пограничных отрядов.

Переход Государственной границы СССР для 1-й и 2-й мотоманевренных групп был назначен на 6.00 10 января 1982 г. Пропуск через государственную границу личного состава, боевой техники и вооружения ММГ осуществляли пограничные наряды заставы Термезского пограничного отряда по спискам, без досмотра, по понтонному мосту, который существовал с 1979 г. Воздушное прикрытие вводимых маневренных групп осуществляли летчики отдельной Душанбинской эскадрильи.

После пересечения границы мотоманевренные группы сосредоточились в походных колоннах южнее порта Хайратон, привели вооружение в боевую готовность и по команде руководителя операции начали движение на юг. Если описывать свои личные ощущения на этот момент, то их можно выразить как «ныряние в глубину на незнакомом водоеме», т.е. в неизвестность. Конечно же, было волнение и крайней степени сосредоточенность, которые постепенно улетучились по мере продвижения колонны в глубь Афганистана. Уверенность придавало присутствие пары пограничных боевых вертолетов Ми-24, которые периодически появлялись над колонной и барражировали над прилегающей местностью.

Совместное движение мотоманевренных групп осуществлялось до развилки дорог на города Мазари-Шариф и Ташкурган (в этом районе нес службу дорожно-комендантский пост 40-й армии). После прохождения перекрестка колонны маневренных групп уже следовали к назначенным районам сосредоточения раздельно.

Движение колонны двух маневренных групп происходило довольно-таки оживленно, так как шли по асфальту, видимость прекрасная. Личный состав мотоманевренной группы находился внутри боевых машин, минометная батарея – на своих штатных ГАЗ-66. Навстречу колонне попадались армейские БТР, транспортные машины и наливники. Что меня удивило – личный состав групп сопровождения армейцев находился на броне. Это потом к нашим командирам и бойцам пришло понимание, что движение на броне гораздо безопаснее в случае подрыва техники на противотанковых минах и фугасах. А вероятность поражения от пуль и осколков мала, так как весь личный состав, кроме прочего, был в бронежилетах. Ну а пока мы, судорожно сжимая оружие и прильнув к бойницам, внимательно разглядывали новую для себя страну, в которой нам предстояло выполнять боевые задачи.

Миновав по ходу движения, справа в 200–300 м от дороги, гарнизон Советской Армии, как позже выяснилось – 122-го мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии, наша мангруппа, не дойдя 2–3 км до города Ташкургана, сошла с трассы влево. В 300–400 м от дороги группа рассредоточилась, заняв классический круговой район обороны на площади 3,0 на 2,5 км. Местность в данном районе слегка всхолмленная, с небольшими песчаными барханами (высотой до 2–3 м), поросшими редким гребенщиком и саксаулом. Судя по разветвленной сети арыков в этом районе и наличию ровных участков местности (зачастую строго прямоугольных или имеющих четкие геометрические формы), мы попали на поля афганских дехкан. Почва на этих клочках земли суглинистая, запорошенная снегом (в дневное время на солнце превращалась в раскисшую глинистую кашу). Весь марш от порта Хайратон до района расположения маневренной группы занял примерно четыре часа. В районе сосредоточения дали команду обедать, правда, как и утром, сухим пайком, лишь к вечеру повара приготовили горячий ужин.

Перекусив, приступили к инженерному оборудованию района сосредоточения. Для боевой техники отрывались полукапониры, минометная батарея оборудовала огневые позиции. Инженерно-саперный взвод с вечера приступил к установке сигнальных мин на подступах к району сосредоточения. Причем сигнальные мины устанавливались на отдельных, наиболее вероятных для скрытого подхода направлениях (в арыках, лощинах). В светлое время были определены позиции для прожекторной техники и РЛС, а с наступлением темноты расчеты прожекторов АПМ-90 и РЛС («Кредо» и

«Фара-У») приступили к боевой службе.

Первая ночь на территории Афганистана мне, во всяком случае, запомнилась тем, что в основном никто не спал: одни несли боевую службу, другие их меняли, а остальные от некоторого возбуждения не могли уснуть (такое же возбужденное состояние бывает после первого в жизни боя). Кроме того, сторожевые посты постоянно использовали осветительные патроны и ракеты для освещения местности, потому что за каждым кустом казалось, что притаился враг. Не обошлось в первую ночь и без стрельбы, результатом которой стал убитый корсак (степная лиса).

Утро следующего дня было хмурое, временами летел снежок, дул сырой и пронизывающий ветер. Повара не смогли вовремя разжечь свои походные кухни, поэтому завтрак был с большим смещением по времени, где-то часов в 10–11. Ближе к обеду погода немного улучшилась, выглянуло солнце. В это время рядом с районом расположения маневренной группы приземлился вертолет Ми-8МТ, на котором прилетел генерал-майор Г.А. Згерский с губернатором Саманганской провинции и ядром местной власти (улусвольства). Он провел короткое совещание с подполковником З.М. Файзиевым и улетел, после чего поступила команда саперам быть в готовности к проведению инженерной разведки.

Как выяснилось впоследствии, местные власти в лице прибывшего главы организационного ядра города Ташкургана (партийный секретарь улусвольства и улусвол) настоятельно просили командование пограничников о вводе нашей маневренной группы непосредственно в город. Таким образом, с вводом в Ташкурган нашей мангруппы сразу решалась важная военно-политическая задача – установление народной власти еще в одном населенном пункте Саманганской провинции. Впрочем, до самого вывода наших войск из Афганистана авторитет и влияние народной власти в городе распространялись лишь на небольшую часть кварталов Ташкургана, непосредственно прилегающих к нашему месту дислокации (и то только в дневное время, а ночью в городе безраздельно хозяйничали различные группировки моджахедов). Территория города была густо изрезана магистральными арыками, которые пополнялись водой из реки Саманган, а затем они дробились на множество мелких арыков, которые впоследствии терялись в песках. По сути дела эти арыки делили город на кварталы, в которых осуществляли «верховную» власть исламские комитеты различной политической ориентации (ИОА, ИПА, ДИРА и т.д.), иногда такое мирное сосуществование заканчивалось, и между ними происходили самые настоящие бои.

Вообще только в Афганистане я встретился с уникальным явлением природы. Многочисленные небольшие речушки имели свои истоки, но в дальнейшем они никуда не впадали, просто, разветвляясь на множество мелких ручейков, арыков, они исчезали в никуда.

Для проведения рекогносцировки места предстоящего базирования 2-й мотоманевренной группы была сформирована боевая группа на четырех-пяти БТР. Боевую группу возглавил начальник 81-го пограничного отряда подполковник З.М. Файзиев. В состав боевой группы, помимо десанта, вошли также два офицера ГУПВ, начальник полевой ОГ, разведчики. В этой же группе был и я с командиром инженерно-саперного взвода старшим лейтенантом С.В. Медведевым и инженерно-саперным отделением сержанта М. Скачкова. Одновременно с нами на прибывших из г. Айбак (центр провинции Саманган) автомашинах выдвинулись представители ядра народной власти.

Боевая группа лихо подкатила на БТР к северному въезду во дворец, мы спешились, и саперы приступили к своей работе. Визуально, а также с помощью щупов и миноискателей был проверен въезд на территорию дворца, затем имеющиеся на аллеях мостки. Ну а потом саперы приступили к обследованию самого дворца. К этому времени маневренной группе была передана команда на свертывание временного лагеря и выдвижение в новый пункт дислокации.

Обследование дворца было начато с визуального осмотра всех помещений первого этажа, верхнего этажа, центрального купола. Особенно тщательно был осмотрен и изучен подвал дворца. Во-первых, потому что в подвале предполагалось разместить склад боеприпасов к стрелковому оружию и продовольственный склад. Во-вторых, сыграло свою роль устоявшееся мнение о том, что все замки, дворцы и прочие сооружения, особенно на Востоке, имеют потайные ходы, тайники, схроны и т.д. Впоследствии через местных ХАДовцев удалось добыть чертежи этого дворца, которые были тщательно изучены, но никаких тайных ходов обнаружено так и не было.

Въезд техники маневренной группы на территорию дворца тоже происходил с определенными

нюансами. Дело в том, что арка въездных ворот в северном торце крепостной стены и сами колонны выложены из обожженного красного кирпича на цементном растворе (в отличие от самих стен), а ширина проема такова, что БТР проходил буквально впритирку. Некоторые водители делали по 3–4 попытки въезда. Поэтому, после того как техника ММГ оказалась внутри территории дворца, въездные ворота представляли собой жалкое зрелище, а борта БТР были отшлифованы кирпичом. Поэтому сразу же встал вопрос на будущее, как быть в случае экстренного выхода техники с территории дворца? Впоследствии в южном торце крепостной стены был сделан основной въезд на территорию, но это было уже без меня.

После составления и утверждения детального плана инженерного оборудования района расположения маневренной группы работа закипела. Практически весь личный состав инженерно-саперного взвода, за исключением внутреннего наряда, ежедневно был занят на инженерных работах. Часть необходимого инженерного имущества и материальных средств была привезена с собой транспортом мангруппы, оставшаяся же часть доставлялась приходящими транспортными колоннами пограничного отряда (колонны прибывали практически еженедельно).

Угловые башни крепостной стены сразу же были приспособлены для несения службы постов боевого охранения (были сделаны бойницы для наблюдения и ведения огня в определенных секторах). Впоследствии с наружной стороны этих башен были отрыты окопы для личного состава боевого охранения, скрытый ход сообщения из которых вел в башню (т.е. личный состав боевого охранения либо прибывший по тревоге резерв мог скрытно занять позицию в окопе). А от одной из угловых башен, расположенной с юго-запада (ближней к шоссе Ташкурган–Айбак), был отрыт скрытый ход сообщения (длиной до 50–60 м) на позицию боевого охранения, где в том числе была оборудована выносная позиция РЛС и позиция АПМ-90, которые в свою очередь были выгорожены забором из колючей проволоки и МЗП.

Прилегающий к крепостной стене участок (шириной до 8–10 м) был с внешней стороны огражден проволочным забором (высотой до двух метров) из колючей проволоки и пакетов МЗП. В этой выгороженной полосе местности были установлены сигнальные и противопехотные мины натяжного действия (ПОМЗ-2М, ОЗМ-72). Чтобы исключить случайный заход своих военнослужащих на минное поле, с внутренней стороны минные поля были ограждены невысоким оградительным забором. Таким образом, подходы со стороны города и шоссе, а также от русла реки Саманган были тщательно прикрыты инженерными заграждениями, в т.ч. минно-взрывными.

Въездные ворота с северного торца прикрывались сторожевым охранением и переносными инженерными заграждениями (типа «рогаток, ежей»).

Несколько сложнее было выполнить прикрытие подступов с восточного фаса крепостной стены, так как здесь в непосредственной близости было действующее кладбище, поэтому за нашей работой очень тщательно наблюдали как местные жители из близлежащих домов, так и моджахеды с использованием оптики из района старой крепости на противоположном берегу р. Саманганки. Работу саперов прикрывали посты боевого охранения. На боевых позициях на всякий случай находился дежурный расчет минометной батареи. На верхней площадке дворца у купола постоянно находились офицеры-наблюдатели минометной батареи, которые одновременно выполняли свою задачу – выявляли потенциальные объекты и цели для огневых ударов и наносили их на схему и осуществляли визуальный контроль обстановки в городе и прилегающих районах.

Непосредственно на территории мотоманевренной группы были отрыты котлованы, в которых были смонтированы два убежища из комплектов КВС-У. Рядом с бассейном был оборудован полевой пункт водоснабжения с использованием автомобильной фильтровальной станции МАФС-3. Воды в бассейне хватало на все хозяйственно-бытовые нужды, тем более, что регулярно шло его наполнение из протекавшего по территории арыка.

Моя первая командировка в ДРА длилась 45 суток, в конце февраля (25 февраля 1982 г.) я убыл в свой округ (КТПО), в котором служил в должности офицера, старшего офицера инженерного отдела округа до 1984 г.

***Кнерик Николай Иванович**, командир боевой группы Керкинской ДШМГ, старшина запаса. Участник боевых действий в Республике Афганистан с 1982 по 1984 год.*

Записки на память

За бортом самолета проплывает пустыня. Наконец появляются кишлаки, глиняные хижины. Не верится, что где-то здесь находятся банды, на борьбу с которыми мы брошены сюда. Через несколько минут я впервые вступлю на чужую землю... Как встретит она?..

У нас приказ – без причины огня не открывать, соблюдать строжайшую конспирацию. Вертолеты летят на малой высоте – делают резкий разворот, плавно садятся. Мы, как на тренировке, десантируемся, занимаем круговую оборону. Борты уходят.

Я – заместитель командира боевой группы. Ребят не узнать, все сосредоточены и внимательны. Впереди метрах в двухстах – кишлак, там, по данным разведки, должна находиться банда. Кишлак кажется вымершим... У командования – совещание. Что-то по карте не сходится место нашего десантирования. Тут, кстати, задержали двух стариков – мирные дехкане. Через переводчиков узнаем, что нужный нам кишлак находится километра три правее. Видимо, вертолетчики очень за нас волновались...

Приказ: с соблюдением мер предосторожности, в боевом порядке выдвинуться к заданному рубежу. Моя боевая группа прикрывает правый фланг подразделения.

Я иду в правом боевом дозоре. По пути осматриваем разные строения из соломы и тростника. При осмотре одного из них на нас бросились две собаки ростом с теленка, пришлось нарушить и без того не очень соблюдаемые меры скрытности...

Головной разведдозор сообщил, что в километре замечено передвижение каких-то групп. Над нами засвистели пули. Душманы засели как раз в том месте, где должны были десантироваться мы по плану. А место там действительно для засады очень удобное – старый дом-крепость, высохшие арыки, дувалы, деревья. Крепко окопались душманы. Мы залегли. В дело вступили минометчики и взвод гранатометчиков, обработав район, который сразу же окутался дымом и пылью. Уже без единого выстрела мы выдвинулись и заняли основные позиции противника, чтобы не дать уйти из кишлака басмачам. Но теперь задача наша осложнилась – в тылу оказалась еще одна группировка противника, которая открыла огонь по нам.

Мне повезло – в первую боевую операцию (а я охраняю тылы и у меня три позиции) находимся в настоящей крепости с башнями. На каждой башне – по позиции. В общем, удобно: и тыл охраняем, и круговую оборону держим. До наступления темноты занимались оборудованием позиций. У меня «блик» – ночной бинокль, нужная вещь. Со мной на позиции замполит – капитан Бочков. Ночь отдежурили нормально, изредка срабатывали «сигналки». Место сработки сразу же обрабатывалось пулеметами и автоматическими гранатометами.

XI/1982.

Аму-Дарья – коварная река, меняющая русло и даже фарватер. Нас выбросило на узкий перешеек между рекой и плоскогорьем на тропу, по которой, согласно данным разведки, проходили частенько банды, малочисленные и трудноуловимые. Сосредоточив четыре позиции на левом фланге, мы начали окапываться. Не заметили, как стемнело. У первой боевой группы чуть не произошло ЧП. Двое солдат – Голубовский и Сергеев – ставили «сигналки». Неожиданно одна сработала.

Охранение, увидев в свете ракет людей у «сигналок», открыло огонь по ним, благо товарищи успели укрыться в расщелине. Но в свете ракет увидели и другую группу – это были душманы. Мы, обнаружившие себя раньше времени, вынуждены были только обстреливать их издали.

Мой наблюдатель, снайпер Кудрицкий, доложил, что у нас по фронту, метрах в двухстах, кто-то передвигается. Отсюда стрелять не имело смысла, и я, захватив Кудрицкого и Скажевского, на свой страх и риск, позабыв все инструкции, пошел туда, набрав побольше гранат. Но мы никого не нашли.

Неожиданно метрах в сорока сработала «сигналка». Наши открыли огонь, мы залегли. Вокруг стали рваться мины. В общем, подавленные, но невредимые мы вернулись на позиции.

Утром оказалось, что басмачей мы все же пропустили. Они

прошли всего в полукилометре слева, обогнув наши позиции. Сплоховали наблюдатели, нужно было смотреть не только вперед, но и на фланги.

XI/1982.

Разведка показала, что в ходе наших операций многие душманы скрывались на островах Аму-Дарьи. Нас срочно выбросили в район их предполагаемого местонахождения, но, кроме тростника, мы ничего там не нашли. На острове и остались на ночь. Около трех часов ночи наблюдатели сообщили, что по ночным приборам видно, как на остров переправляется большой табун лошадей или стадо коров. Замечены также и люди.

Нас не очень прельщало, что стадо прокатится по нашим позициям. Пришлось открыть заградительный огонь.

Испуганные пастухи, поившие коров, разбежались, неуправляемое стадо всю оставшуюся ночь оглашало окрестности ревом. Утром за нами пришли борты.

XI/1982.

Нас предупреждали, что там, куда нас выбросят, раньше была неофициальная база душманов, поэтому готовились тщательно. Моя боевая группа расположилась сверху над кишлаком четырьмя позициями. Было тихо. Горный кишлак казался вымершим. Задержали двух дехкан на ослах. При осмотре нашли исламскую литературу и пистолет, сразу же их отправили в тыл на КП. А около ущелья разгорелся бой. Душманы из пещеры вели огонь.

Шура Шатров из станкового гранатомета стал обстреливать пещеру. Один душман не выдержал, побежал, но его тут же подстрелили. Он свалился в яму. Для его захвата выделили восемь человек из моей группы. Долго спускались, наконец, нашли раненого душмана – ноги у него были перебиты, рана в боку. Пошли дальше,

ДШМГ ведет бой

напоролись на банду. Боевики открыли огонь. В результате двоих мы уничтожили, двоих ранили и четырех взяли в плен. При тщательном осмотре нашли в пещере еще одного моджахеда. Надо было возвращаться. Как раз подошли сарбозы. Всех пленных сдали им. Но опять началась стрельба – еще в одной пещере нашли душманов. Они скоро сдались. Поднялись наверх только вечером. Все очень устали.

XII/1982.

В районе Калайи-Нау, куда нас выбросили, европейцев ни разу не видели. Душманский район. И неудивительно, что при десантировании уже вовсю нас обстреливали. Появились раненые. Я, Лопушко и Поршнев пошли головным дозором и сразу же напоролись на двух боевиков, которые открыли огонь. Перед собой мы увидели фонтанчики земли от пуль. Душманы уходили, а затем спрятались на берегу ручья. Мы спустились за ними. Володя Поршнев – молодец! Он увидел расщелину, услышал шорохи. Рисковать не стали и бросили гранату. И не ошиблись. Уничтожили спрятавшегося бандита с оружием.

Затем из маленького кишлака, что был внизу, стали по нам стрелять. Мы открыли огонь в ответ. Вскоре стало ясно, что нас слишком мало, чтобы прочесывать местность. Вертолеты задерживались. Огонь душманов усилился, с соседних гор и сопок к ним стало подтягиваться подкрепление. Мы лихорадочно стали готовиться к круговой обороне. Но вот услышали долгожданный гул вертолетов, те сделали несколько заходов, обработали нурсами позиции душманов и забрали нас.

I/1983.

Операция в Андхое запомнилась мне на всю жизнь.

Густой туман, вечер. Борты идут низко, нас – человек сорок. Летим организовать засаду на пересечении дорог. Вертушки, резко завершив разворот, высаживают нас и улетают. Необходимо скрытно пройти километр и там окопаться. Подразделение стало передвигаться в заданном направлении, я руководил отправкой грузов. Со мной – Скажевский, Кудрицкий. Тем временем совсем стемнело, хоть глаз выколи. Закончив работу, мы по ошибке пошли не к нашим позициям, а в другую сторону. У меня радиостанция, нас спрашивают, мы отвечаем, что идем. Уже прошли километра три вместо одного. Услышали звон пастушьего колокольчика, пошли на него. Залаяла собака, на звук выскочили люди с фонарями. На свету мелькнуло оружие. Скажевский подлетел сзади, выбил у одного пистолет, остальные, увидев нас, вооруженных до зубов, подняли руки вверх. Захватив пленных, мы нашли своих. Быстро окопались, саперы установили на дорогах мины направленного действия с дистанционным управлением.

Где-то в полночь увидели свет фар двух машин. Они быстро приближались. Мы ждали команду открыть по ним огонь. Неожиданно метрах в пятидесяти машины остановились. В прибор ночного видения четко было видно, что в кузове сидят душманы. Около сорока человек. На кабинах – пулеметы. Наступила тишина. Почему-то не сработали мины. Именно их взрывы являлись сигналом к открытию огня. Один из «духов» с автоматом и гранатой в руке пошел на наши позиции. Саша Михальков крикнул «стой!» и открыл огонь. Первый выстрел гранатомета не попал в машину. Душманы стали выскакивать из автомобилей и открыли ответный огонь. Небо озарил фейерверк трассирующих пулеметных и автоматных очередей. Со второго выстрела гранатомета загорелась одна машина, затем подбили и вторую. Бой разгорелся. У нас появились погибшие.

Бандиты метались перед позициями. Вдалеке остановилась и повернула назад третья машина. Перестрелка шла всю ночь. Работали в основном снайперы и пулеметчики с приборами ночного видения. Утром, осмотрев местность, нашли около двадцати убитых и несколько человек тяжелораненых. В этом бою погиб лейтенант Савин, наш командир.

II/1983.

Вокруг «зеленой зоны» – высокие холмы. «Зеленку» прочесывают. Нас выбросили на холмы, чтобы бандиты не ушли. Естественно, уже при высадке началась стрельба. Вертолеты не касались земли, и мы прыгали с высоты 2–3 метров. Заработал наш АГС, прикрывая высадку. Бандиты переправлялись через ручей. В общем, проползали часа два по сопкам, но бандитов не выпустили. В сопках сделаны укрытия от пыльных бурь. Там они и укрылись. Мы повели прицельный огонь по этим щелям. Прямо-таки не верилось, когда из небольшой щели вылезало человек по пятнадцать с поднятыми руками. Но было и такое, когда один душман, укрывшись в пещерах, держал всю нашу группу в течение двух часов, не давая высунуться. Вел прицельный огонь. Пришлось вызвать вертолеты и бомбить.

III/1983.

Самая длительная операция проходила целый месяц в Аккупруке. Началась она в Мазари-Шарифе, где душманы захватили наших специалистов, работающих на заводе. Хотели переправить их в Пакистан. Нас срочно выбросили в горы Аккупрука, что в двухстах километрах от Кабула. Выбросили удачно – у сына главаря банды была свадьба... А то бы триста штыков встретили нас у вертолетов. Быстро заняли круговую оборону, окопались. Поставили минные заграждения и начали работать – где-то здесь прятали наших специалистов. Работа была в основном разведывательная, так как конкретного местонахождения пленных мы не знали.

Зарылись в землю, в скалы. Каждую ночь ждали нападения. Но в течение трех недель результатов не было. Ночью иногда вели переговоры с представителями банды. В конце концов захватили одного моджахеда в плен. Ночью он пытался бежать, захватив у сарбозов автомат. Его обнаружили – при побеге упал в яму и сломал ногу. Утром, зная, что за побег его расстреляют, стал давать показания и все, что знал, рассказал. Через двадцать минут в небе увидели борты, они шли штурмовать крепость, где находились наши специалисты. Крепость взяли штурмом. В результате нашли наших: шесть раненых, шесть убитых, шесть здоровых. В целом операция прошла удачно, если не считать одного нашего подорвавшегося на мине солдата и нескольких раненых.

28.V/1983.

На праздник прилетели на базу, пошли в баню. Неожиданно «тревога», срочно на аэродром. Снова – на операцию. В беду попала наша маневренная группа. Душманы устроили засаду и расстреливали ее в упор из гранатометов. Мы впервые в истории боевых операций совершили ночной десант на вертолетах в районе боевых действий. Кругом все горело, было много подбитых машин. Оцепили район, чтобы ни одна живая душа не ушла.

Утром отправили раненых, нас бросили на прикрытие остатков маневренной группы. Душманы закрепились на одной стороне дороги, мы – на другой. Ведем перестрелку. Огонь плотный. Я высунулся, и сразу же в лицо брызнула земля. Рядом со мной ранило в горло начальника заставы Койду. Но вот на дороге показались БМП и БТРы, они из пушек и пулеметов поддержали нас.

VI/1983.

Прочесывали местность. Никого не обнаружили, хотя район считается душманским. Стали ждать вертолеты, через час они пришли. Улетели на базу. Нет нигде Кудрицкого, оставили там одного. А прошло уже полтора часа. У него с собой только винтовка. Срочно выделяют три борта, и мы летим обратно. Начинаем волноваться за Кудрицкого. Садимся. Наш Кудрицкий преспокойненько сворачивает плащ-палатку – только что проснулся.

VII/1983.

Жарко, кругом песчаные барханы и верблюжьи колючки. Нас выбросили, как обычно, с дневным запасом воды и двухдневным сухим пайком. На солнце жара шестьдесят градусов. Цель старая – не дать уйти банде из близлежащих кишлаков.

Кто-то что-то не рассчитал, но в такую жару днем вертолеты не летают. Вода кончается. Кругом пески. Остатки воды вскипятили с верблюжьей колючкой. Говорят, что такой навар лучше жажду утоляет. Пьем через полчаса по глотку. На третьи сутки ребята стали закапываться по горло в песок, чтобы легче переносить жару. Начался «афганец» – сильный ветер. Ничего не видно, но стало немного легче. Утром на четвертые сутки захватили небольшой караван из пяти верблюдов. Искали воду. Но ее оказалось очень мало – на полсотни человек. Почувствовав на губах влагу, ребята одурели. Оставив заложников, отправили караван за водой. Через четыре часа они привезли воду, сами ее при нас попробовали. Когда мы напились, как по заказу прилетели вертолеты. До операции у меня вес был семьдесят два килограмма, после стало шестьдесят четыре.

VIII/1983.

К этому времени мои ребята поднакопили опыт, стали выносливее. Куда-то исчезли игривая показная бравада, детская невыдержанность. А отличаются они друг от друга не сроком службы, а мастерством и смекалкой. Мы стали специалистами по рытью позиций, лазанию по сопкам, большим марш-броскам... Одного нам не хватало: умения прочесывать большие кишлаки. Ташкурган и стал тем большим населенным пунктом, где с лихвой хватало и домов, и населения, и басмачей. Остановились мы в бывшей резиденции шаха – место очень красивое: зелень, дворец, бассейн. Жили в больших землянках.

В своих записках я вспомнил только некоторые боевые эпизоды, они скорее похожи на донесение. Но в этих строчках – моя память...

Турулов Анатолий Анатольевич *(03.11.1953–06.03.2018), заместитель начальника Главного штаба пограничных войск – начальник Управления охраны границы и службы пограничного контроля Комитета по охране государственной границы Республики Узбекистан, Полномочный представитель пограничных войск в Межгосударственной комиссии по вопросам делимитации и демаркации государственной границы Республики Узбекистан, полковник. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1980–1989 гг.: начальник 2-й заставы мотоманевренной группы Кара-Калинского пограничного отряда, начальник штаба, затем начальник десантно-штурмовой маневренной группы Керкинского пограничного отряда, заместитель начальника оперативной группы Термезского пограничного отряда, офицер штаба оперативной группы войск Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени.*

В составе Керкинской ДШМГ

Уничтожение горной базы «Шардара»

«10 июля 1982 года проходила операция по ликвидации бандитского формирования в ущелье Шардара, в 20 км восточнее кишлака Чахи-Аб. Ранним утром с восходом солнца 6 июля 1982 года мы уже сидели в вертолетах и летели над горами к месту десантирования. Ми-8, как обычно, завис над землей в 3–5 метрах, и мы «как горох» посыпались из «вертушки». Первым десантировался сапер, потом я. Выскочили и заняли круговую оборону. Пока высаживался остальной десант, я провел рекогносцировку и уточнил командирам отделений и группового оружия позиции. Выбрал безопасное место для организации приема следующего борта с боеприпасами и грузом.

Наша группа расположилась над обрывом ущелья, невдалеке от перевала. Справа и слева находились СБО мотоманевренных групп Московского пограничного отряда. К полудню были оборудованы позиции, организована система огня и наблюдения. Началось боевое дежурство на позициях и дооборудование опорного пункта группы. Наблюдатели доложили, что на противоположной стороне ущелья, в районе перевала, началось какое-то движение людей с оружием. Значит это и есть опорный пункт бандитов и их база.

В течение 4 дней вертолеты наносили ракетно-бомбовые удары по выявленным огневым точкам и базе душманов. Поступила команда на завершение операции. С утра 10 июля, собравшись по площадкам, мы были готовы к вылету. Прилетели вертолеты, как обычно провели бомбометание, стали заходить к нам на позиции. Один вертолет был подбит, упал в ущелье и взорвался.

Недалеко от места падения находилась позиция Кара-Калинской ДШГ. Сразу же был выслан разведчик с радиостанцией, который обнаружил борт, лежащий на окраине кишлака. Хвостовая часть была оторвана, лопасти тоже, сама кабина разорвана в клочья. Погибшие летчики лежали рядом с вертолетом.

Минут через 20–30 прибыла моя группа в количестве 6 человек. Начали спуск к упавшему борту. «Духи» тоже ринулись к месту падения Ми-8. Огонь из ДШК не прекращался. Пограничники спускались как можно скорее, по ним все время вели огонь, но они прятались за валунами, уступами. Уже внизу огонь прекратился, так как «духи» не видели наших за деревьями и сопками. С нашей группой было несколько сарбозов (афганских солдат), которые начали собирать местных жителей для помощи. Сделали носилки, уложили и накрыли тела погибших летчиков.

Началась операция по подъему тел погибших, которая длилась целый день под постоянным огнем противника. Бойцы, поднимаясь в гору, чуть ли ни зарывались в землю, прячась от свистящих пуль, неся с собой тела погибших летчиков. Мы ничем не могли им помочь, слишком большое расстояние.

Лишь с позиции «каракалинцев» вели огонь из СПГ-9, АГС-17 и то неэффективный из-за большого расстояния. Вертолеты ушли на базу, на дозаправку и пополнение боекомплектом. Вышли парни наверх уже к вечеру. Погрузили тела в борт и отправили в Союз. На следующий день в район оборонительных сооружений «каракалинцев» прибыли расчеты 120-мм минометов и боеприпасы.

Через пару дней «каракалинцы» улетели, на их позициях остались наши минометные расчеты, которые в течение нескольких дней выпустили по опорному пункту и базе душманов как минимум два боекомплекта мин. Продолжалось и бомбометание с вертолетов – ответ за погибших товарищей-вертолетчиков. Когда и мы снялись с позиций, поднялись в небо на бортах, увидели маленький кишлак, где-то там, внизу, лежал одинокий погибший наш Ми-8... Так закончилась эта операция.

Личный состав Кара-Калинской ДШГ был представлен к награждению государственными наградами. Меня представляли к награждению орденом Красной Звезды.

Операция в районе Андхой

13 марта 1983 года личный состав 1-й десантно-штурмовой группы Керкинской ДШМГ вылетел для организации засадных действий на одну из дорог возможного прорыва бандитской группы из блокируемого района северо-западнее города Андхой. Прорыв блока, по данным разведки, планировался на первую половину ночи. На командном пункте была развернута радиолокационная станция «Кредо», и оператор, внимательно наблюдая за монитором, обнаружил групповую цель, двигающуюся в нашем направлении. Поступила команда: «К бою! Открытие огня по моей команде».

Бойцы внимательно всматривались в темноту, используя приборы ночного видения и ночные прицелы. Ждали команды. Ждали, когда замаячат в лунном свете фигуры, когда приблизятся так, что каждый выстрел будет наверняка. Вскоре наблюдатели доложили, что на дороге наблюдается свет фар движущихся автомашин. Как только машины поднялись на горку из лощины, раздались два выстрела из гранатомета – по первой и по последней машине.

Одна машина вспыхнула: взорвался бензобак. Бандиты, не ожидавшие такого шквала огня, с криками устремились к нашим позициям. Бойцы не растерялись, кинжальный огонь велся по всему фронту обороны, пошли в ход и ручные гранаты. Первая атака «духов» захлебнулась. А через несколько минут они поднялись вновь, но снова были отброшены. Несколько раз «духи» ходили в атаку, несколько раз рассекали темноту огненные автоматные и пулеметные строчки. Но столько же раз боевики натыкались, словно на стену, на плотный огонь пограничников.

Бой длился, как мне показалось, недолго. А время приближалось уже к рассвету. Распростертые тела бандитов белели в лунном свете. С рассветом, осмотревшись, стали, с мерами предосторожности, осматривать «поле брани». Две сожженные автомашины были разбросаны по всем барханам. По всей видимости в кузовах были боеприпасы. Более двадцати бандитов лежали убитыми. Стрелковое оружие, гранаты были собраны и с прибытием вертолетов отправлены на командный пункт, в крепость на окраине города Андхой.

В течение 7 дней продолжалась тщательная проверка кишлака Чакмани-Бала. В одном из схронов были обнаружены главарь банды Панджи Пахлаван – «Беспалый» и пять его заместителей. Всего было задержано 97 членов бандформирования.

Операция в кишлаке Чакмани-Бала стала самой эффективной не только на участке Керкинского пограничного отряда, но и во всей зоне ответственности Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа.

За успешное выполнение задания и проявленное мужество весь личный состав группы был представлен к государственным наградам.

Высадка ДШМГ на «точку»

Операция «Анджир»

В мае-июне 1984 года десантно-штурмовыми маневренными подразделениями пограничных войск была проведена операция «Анджир» по уничтожению горной базы в районе кишлака Сари-Джуй южнее населенного пункта Рустак, провинция Тахар. Здесь действовала банда «инженера» Наби.

30 мая авиационный полк в составе трех десантных эскадрилий и группы огневой поддержки Ми-24 прибыл в район высадки десанта возле горной базы «Сари-Джуй». Все три группы вертолетов при подлете к базе были встречены сильным огнем ПВО противника. Вертолеты вступили в бой и уничтожили две огневые позиции ДШК, но два из них получили повреждения. Противодействие ПВО оказалось настолько сильным, что руководителем операции было принято решение вернуть десант на исходные позиции. Плановое и внезапное десантирование в этом боевом вылете не получилось. Зато была доразведана система ПВО и опорные пункты противника. Ситуация сложилась, прямо скажем, непростая. Пришлось осмыслить обстановку и подкорректировать ранее намеченные планы. Это дало возможность нанести бомбо-штурмовой удар полковым вылетом авиации ТуркВО, а к концу дня без потерь высадить десант Пянджской и Московской ДШМГ на господствующие высоты на безопасном удалении вокруг базы.

Получив 31 мая 1984 года задачу осуществить захват опорного пункта бандитов, прикрывавшего подходы к горной базе «инженера» Наби у кишлака Сари-Джуй, мне довелось лично возглавить боевую группу захвата.

Десантировавшись на голову противника, пограничники вступили в рукопашный бой. Благодаря организованному взаимодействию сил и средств мы выбили бандитов из района обороны.

Заняв тактически выгодные рубежи и удерживая с горсткой солдат почти четырехкилометровую позицию, мы организовали отражение двух контратак противника и обеспечили наращивание наших сил на захваченном горном плацдарме. Успех операции был предрешен.

В это время в кишлаке Сари-Джуй, который находился за хребтом, до 200–250 душманов перегруппировались для очередной контратаки. Было видно, как бандиты разворачивают зенитную установку, минометы и крупнокалиберные пулеметы ДШК. Быстро определив данные для стрельбы, подоспевший расчет СПГ-9 открыл меткий огонь. Первым выстрелом была уничтожена зенитка вместе с расчетом, а второй выстрел повредил один из минометов. Не успевшая вылететь мина разорвала миномет и разметала расчет.

В этом скоротечном, но упорном и жестоком бою десантники уничтожили до 30 бандитов, захватили 3 опорных пункта боевиков, 2 крупнокалиберных и 2 станковых пулемета, миномет, 4 гранатомета... С нашей стороны потерь не было. В ходе операции непримиримый бандитский главарь «инженер» Наби был убит.

По завершении операции в районе населенного пункта Рустак и ликвидации основной базы боевиков в числе многих трофеев были захвачены штабные документы. Их изучение показало, что главарь (убитый в ходе операции) и его окружение постоянно поддерживали радиосвязь с центром в Пешаваре (Пакистан), а само формирование именовалось «полком». Представляла интерес и организация этого «полка»: в нем имелись группы войсковой разведки, терактов и диверсий, минирования дорог и др. В штабе формирования имелась группа, занимавшаяся сбором информации и поддерживавшая связь с осведомителями из числа местных жителей.

Прибывший на захваченный плацдарм начальник войск КСАПО генерал-майор Згерский лично пожал руку каждому десантнику из передовой группы захвата горной базы с благодарственными словами.

За этот бой я был награжден орденом Ленина...

***Самохин Василий Васильевич** (р. 20.04.1952), начальник пограничного отряда, старший преподаватель кафедры академии ФПС России, полковник. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1982–1989 гг.: офицер 1-го отдела штаба Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа КГБ СССР, заместитель начальника штаба – начальник 1-го отделения штаба 81-го пограничного отряда, начальник штаба – заместитель начальника 91-го пограничного отряда, начальник 47-го пограничного отряда. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.*

Участие 47-го Керкинского погранотряда в афганской войне

В начальный период войны (1980–1982 гг.) в отряде создавались сводные боевые отряды (СБО) на базе резервных подразделений: взвода повышенной боеспособности (ВПБС), резервной пограничной заставы, нештатной десантно-штурмовой группы, резервной мотоманевренной группы. Первый СБО Керкинского отряда вошел в ДРА 16 апреля 1980 г. Утром личный состав СБО вылетел на Ан-26 в Пяндж, оттуда во второй половине дня на вертолетах в Янги-Калу. Первым встреченным там офицером был подполковник Опенышев – начштаба Керкинского отряда. Из Янги-Калы на БТРах перебрались в район кишлака Чахи-Аб (родина «инженера» Башира). Там обустроили гарнизон, который функционировал до вывода войск.

ВПБС Керкинского погранотряда численностью около 20 человек одним из первых подразделений отряда приступил к выполнению боевых задач на сопредельной территории. Задачами взвода были контроль ситуации в зоне ответственности Керкинского отряда, подготовка маршрутов и баз для ввода штатных мотоманевренных групп. Поставленные задачи решались с помощью десантирования с вертолетов для проведения засад на путях вероятного выдвижения бандгрупп к советской границе и осуществления локальных операций в районе газопровода. Старший лейтенант Виктор Кривонос – первый командир Керкинского ВПБС, который под его командой в 1980–1981 гг. выполнял задачи в составе Пянджской ДШМГ (командир полковник Файзиев).

Еще одной задачей этого немногочисленного подразделения была охрана вантового моста с газопроводом на Келифе. В августе 1981 г. Керкинская резервная застава и ВПБС тянули систему и оборудовали огневые точки на Келифе. 1 октября 1981 г. для усиления охраны газопровода на Келифе силами ВПБС был основан СБО «Келиф».

С октября 1980 по март 1982 г. в зоне действия Керкинского погранотряда выполнял боевые задачи СБО «Серахс», сформированный на базе ВПБС Серахского погранотряда, который участвовал в боевых операциях в районах н.п. Баламургаб, Калайи-Нау, Шаршари, Андхой, Каркин, Ислампенджах, Келиф, Шортепа и др.

В первой декаде ноября в округах завершалось формирование мотомангрупп (Северо-Западный, Прибалтийский, Закавказский, Восточный, Забайкальский, Дальневосточный и Тихоокеанский погранокруга формировали по одной маневренной группе, а Среднеазиатский – две резервные).

23 ноября 1981 г. на базе ВПБС была создана резервная мотоманевренная группа (Керкинская РММГ) численностью 160 человек (3 заставы, минометный взвод и хозяйственный взвод). Первым командиром РММГ стал майор Колено, начальником штаба майор Дука (позднее его сменил майор Лазаренко), замполитом капитан Кузнецов. На вооружении РММГ было 4 БМП, 8 БТР-60, по 4 миномета 82-мм и 120-мм.

20 декабря 1981 г. для обеспечения ввода штатных мотоманевренных групп в пункты постоянной дислокации в северные провинции Афганистана Керкинская РММГ выдвинулась в район г. Андхой (провинция Фарьяб). Первоначально гарнизон расположился в поле, но вскоре был передислоцирован в старую английскую крепость (бывший кожевенный завод). В Андхойской крепости пограничники обосновались более чем на 7 лет – вплоть до вывода советских войск из Афганистана.

В приграничных с СССР провинциях ДРА планировалось очистить от мятежников районы севернее линии Файзабад – Талукан – Кундуз – Айбак – Мазари-Шариф – Меймене и содействовать закреплению в этих районах местных органов власти. В реализации этих задач значительная роль отводилась пограничным мотомангруппам, последовательный ввод которых начался с первой декады января 1982 г. в ходе серии операций «Долина-82».

8 января 1982 г. в северные провинции ДРА начался ввод штатных пограничных подразделений, и уже в феврале пошла планомерная очистка полосы ответственности погранвойск от бандформирований. На сопредельную территорию были введены две штатные ММГ Керкинского погранотряда: ММГ-1 в г. Меймене (центр провинции Фарьяб) и ММГ-2 в г. Шибирган (центр провинции Джаузджан – столица газовой промышленности ДРА).

В марте 1982 г. РММГ была передислоцирована в район Кайсара для обеспечения ввода ММГ Тахта-Базарского погранотряда. Потом РММГ ушла на боевую операцию в район Довлетабада. Спустя два месяца она вернулась в Кайсар на постоянное место дислокации.

В марте пограничные подразделения (четыре мотомангруппы) начали частную операцию в полосе Тахта-Базарского и Керкинского погранотрядов на рубеже Баламургаб, Гармач, Меймене. Действовали они в основном в походных порядках вдоль коммуникаций, что приводило к выталкиванию мятежников из занимаемых районов и рассеиванию.

В то же время пограничники ММГ-1 «Меймене» совместно с 177-м отрядом спецназа ГРУ провели результативную операцию в к. Джамшири юго-восточнее Меймене.

В июне действия пограничников в ДРА завершались операцией по очистке «зеленой зоны» – приграничных районов на рубеже Андхой, Меймене (против смежных флангов Тахта-Базарского и Керкинского погранотрядов). Операция эта не имела серьезных боевых столкновений, но три формирования мятежников вступили после этого в переговоры с местной властью.

...21 мая поступило срочное сообщение: взорван газопровод Акча – госграница СССР. Практически он не охранялся и всегда существовала угроза его подрыва, что наносило ущерб государственному бюджету ДРА. На его ремонт направили специалистов под охраной ММГ.

1 июля в 4.00 вновь взорван газопровод вблизи кишлака Ферокала (район Акчи). Вышедшая сюда ММГ обнаружила банду и уничтожила ее. Здесь же восстановили органы власти и организовали отряд защиты революции. Повреждения на газопроводе устранили специалисты под охраной ММГ. Это был уже третий подрыв неохраняемого объекта. Ущерб, нанесенный бюджету ДРА, составил до 2 млн долларов.

...С 26 июня силами четырех мотомангрупп совместно с афганским подразделением начата операция в прибрежной зоне и районе кишлака Акча (провинция Джаузджан) в целях разгрома бандгрупп и обеспечения безопасности газопровода, идущего в СССР. В результате боевых действий в течение месяца уничтожено более 1000 бандитов, в том числе 11 главарей, захвачено 560, из них 3 главаря. Изъято и уничтожено 280 единиц оружия, взорваны 7 складов с боеприпасами и продовольствием, 56 единиц автотехники. Задержано 120 бандпособников.

12 сентября 1982 г. в Керкинском погранотряде была создана штатная десантно-штурмовая маневренная группа (Керкинская ДШМГ).

В декабре оперативными мерами удалось инициировать столкновение двух отрядов – пуштунского и узбекского – с крупным формированием известного главаря М. Гапура (активно действовавшего против участков Тахта-Базарского и Керкинского погранотрядов), в ходе которого формирование Гапура понесло тяжелые потери и вынуждено было уйти из «зеленой зоны».

В первой половине декабря завершилась операция в окрестностях Мазари-Шарифа и в районе Балха («зеленая зона»). В операции участвовали две мотомангруппы и десантно-штурмовая маневренная группа Термезского и Керкинского погранотрядов, эскадрилья вертолетов, а также несколько афганских армейских и пограничных подразделений, сотрудников СГИ и царандоя. Формирования мятежников уклонялись от боевых столкновений, рассеивались на мелкие группы и уходили в

горы. Тем не менее, намеченные районы были очищены, а базы и места укрытия мятежников уничтожены.

В конце 1983 г. Керкинскую РММГ с ППД в Кайсаре передали в оперативное подчинение Тахта-Базарского погранотряда.

14 февраля 1983 г. в зону ответственности Керкинского погранотряда была введена ММГ-3, первоначально в Андхой, откуда после двухмесячной «стажировки» передислоцирована в к. Мардиан (провинция Джаузджан). СБО «Келиф» был передан в оперативное подчинение ММГ-3 в качестве отдельной заставы «Келиф» для охраны переправы газопровода через Аму-Дарью.

14 февраля 1983 г. в Андхойскую крепость введена ММГ-3 Керкинского погранотряда под командой капитана О.Н. Рассадкина. В последних числах апреля после очередного подрыва бандитами газопровода пограничникам приказали взять под охрану трассу газопровода от поселка Джаркудук к границе СССР и далее через вантовый мост на Келифе на советскую территорию. После этого ММГ-3 была передислоцирована на ППД в район селения Мардиан.

В ночь на 23 февраля 1983 г. группа мятежников организовала засаду, обстреляв пограничный наряд из 3-х пограничников на ГАЗ-66 на участке 8-й погранзаставы Керкинского погранотряда (в районе стыка 7-й и 8-й застав). Один из пограничников 8-й ПЗ, находящийся в кузове автомобиля, был убит, а нападавшие скрылись. Оставшиеся в живых пограничники открыли ответный огонь, ранив одного из нападавших.

3 марта 1983 г. Керкинская ДШМГ участвовала в проведении операции «Возмездие» в районе города Андхой по поиску и уничтожению террористической группы басмачей, которая неделей раньше перешла границу СССР и на дозорной тропе совершила нападение на наш пограничный наряд. В ходе операции удалось задержать большинство участников той засады.

В апреле разведчики Керкинского погранотряда под руководством полковника Мамаджанова опять сумели склонить несколько вооруженных групп пуштунов к выступлению против крупного формирования мятежников известного главаря Мавлави Гапура, активно действовавшего против участков Керкинского и Тахта-Базарского погранотрядов.

Самой показательной операцией по разгрому бандгруппировки в городе явилась Андхойская, проведенная в июле 1983 г. под руководством генерал-майора Г.А. Згерского и его помощников – полковников В.Н. Смирнова и И.М. Коробейникова. Андхой был превращен душманами в мощный оборонительный узел и оснащен укрепленными бронированными подземными сооружениями, подходы к которым были заминированы управляемыми фугасами. Мятежники оказали упорное сопротивление. При этом душманы широко использовали заблаговременно подготовленные огневые точки, управляемые фугасы и защитные укрытия. Для ликвидации опорных пунктов, узлов сопротивления мятежников в этой операции активно применялась авиация (боевые вертолеты). В ходе операции по ликвидации андхойской группировки противника пограничники впервые применили саперные группы, которые в ходе очистки кварталов блокировали и взрывали доты и другие подземные сооружения душманов. В итоге операция завершилась разгромом и большими потерями для мятежников.

В августе в результате успешной засады (тремя экипажами БМП 1-й ПЗ ММГ-2 «Шибирган» Керкинского погранотряда во главе с капитаном В.В. Горшковым) в пустыне на стыке дорог восточнее Андхоя (провинция Фарьяб) уничтожен Малахан Ишан – один из крупных бандглаварей (шариатский судья) Андхойского улусвольства. Захвачены в плен его приближенные и архив документов, фотоматериалов, медикаменты, деньги...

24–25 февраля 1984 г. силами подразделений Керкинского погранотряда проведена успешная операция в районе к. Акча против крупной банды. Старший лейтенант В. Овечкин возглавил группу, которая первой 24 февраля 1984 года высаживалась в районе к. Акча, на месте дислокации крупной банды. Задача: принять на себя удар душманов, не дать им вырваться из блокированного советскими и афганскими подразделениями района.

В бой группа вступила с ходу. Банда предполагала, что горстка солдат во глазе о офицером дрогнет. Они и не могли рассуждать иначе, потому что ведение боевых действий для них тут, в «зеленой зоне», пронизанной тонкими нитками многочисленных арыков, дело привычное. Но они просчитались. Группа старшего лейтенанта В. Овечкина отразила нападение душманов, рассеяла банду. Побросав убитых и раненых, бандиты откатились к кишлаку. А через час противник снова пошел в атаку. Но уже не один. Впереди себя душманы гнали стариков, детей, женщин, пытаясь вырваться под их прикрытием. Словно шакалы,

выглядывая из-за спин детей и женщин, вели они огонь по нашим позициям.

Ни один волос не упал с голов мирных жителей. Проявив высокую выучку, мастерство владения оружием, самообладание и осуществив маневр силами, группа В. Овечкина отсекла бандитов от местного населения и, нанеся противнику решительное поражение, не допустила выхода его из блока.

Банда душманов до 50 человек в ночь на 25 февраля 1984 года предприняла попытку выйти из заблокированного нашими подразделениями к. Акча. Прорваться они решили на направлении, которое прикрывала боевая группа под командованием старшего лейтенанта А. Кременского. Солдаты внимательно всматривались в темноту. Ждали команды, ждали, когда замаячат в лунном свете фигуры, когда приблизятся так, что каждый выстрел будет наверняка. И когда старший лейтенант А. Кременский выкрикнул команду «Огонь!», по бандитам в упор ударили автоматные очереди. Первая атака захлебнулась.

А через несколько минут душманы поднялись вновь. В темноте раздался клич «Аллах акбар!», и душманы устремились в атаку. Но снова были отброшены. Четыре раза ходили они в атаку, четыре раза рассекали темноту огненные автоматные строчки, четыре раза эхом прокатывался по нашим позициям их боевой клич. Но четырежды натыкались на стену, воздвигнутую мужеством советских бойцов.

Бой длился три часа. Распростертые тела бандитов белели в лунном свете. Крики, которыми они пытались сломить волю наших солдат, уже не нарушали ночной тишины...

В первых числах августа 1984 г. Керкинскую ДШМГ перебросили в Московский погранотряд. Началась подготовка к длительной многоэтапной операции по разгрому бандгруппы Хасана. В течение двух недель личный состав жил в палатках на взлетной полосе и проводил горные тренировки в окрестных сопках. 14 августа Керкинская ДШМГ была десантирована в район Куфаба, в окрестности кишлаков Шхаро и Шхаровари. Проведя около недели на блоке, группа совершила пеший переход через перевалы Шодвист и Хамбев к кишлаку Бахаро, а оттуда вертолетами была переброшена в верховья р. Куфаб, к кишлаку Газев. В течение двух ночей выставлялись засады на берегах реки, но без результатов. С 20 августа началась проческа кишлаков, расположенных вдоль берегов р. Куфаб.

24 августа 1984 г. бойцы 3-й ДШЗ попали в засаду, организованную бандформированием Хасана. 25 августа всю группу сняли в Московский отряд. Сутки личный состав ДШМГ провел в Московском ПО, а затем опять был десантирован на летник Чашм-Дара, где десантники провели на блоке еще неделю. Завершилась операция 7 сентября 1984 г. (продолжительность операции 24 дня).

С конца февраля по май 1985 г. в составе Андхойского гарнизона ММГ-2 боевую стажировку проходила Дальневосточная ММГ, убывшая затем на стык ирано-афгано-советской границы.

С 17 по 23 августа 1985 г. Керкинской ДШМГ проведена десантная операция по ликвидации бандгруппы в провинции Бадгис в районе к. Лангар (20 км восточнее г. Калайи-Нау). За подвиг, совершенный в бою с многократно превосходящими силами противника у к. Лангар, командир боевой группы Керкинской ДШМГ старшина Капшук Виктор Дмитриевич удостоен звания Героя Советского Союза.

В августе 1985 г. для охраны газопромысла и работающих на нем советских специалистов в ММГ-2 была сформирована 4-я отдельная усиленная резервная застава (4-я УРПЗ) в к. Джангали-Колон.

29 ноября 1985 г. в районе к. Мугулькишлак на о. Даркад, закрыв собой командира, смертельное ранение получил замкомандира инженерно-саперного взвода Керкинской ДШМГ старший сержант Рзянкин Андрей Николаевич (посмертно представлялся к званию Героя СССР, награжден орденом Ленина). От полученных ран Андрей скончался в госпитале на следующий день.

18 марта 1986 на въезде в г. Андхой попала в засаду и была расстреляна практически в упор из гранатометов и автоматического оружия колонна роты подвоза из 5-ти транспортных машин, сопровождаемых тремя БТРами 3-й ПЗ ММГ-2 «Шибирган» Керкинского погранотряда. Благодаря мужеству и находчивости пограничников, а также оперативно подоспевшей помощи с 3-й и 4-й застав ММГ-2 колонну удалось отбить. Несмотря на выход из строя пяти из восьми единиц техники и тяжелые ранения большинства участников боя, погибших среди пограничников не было.

В апреле в Андхойском районе была проведена крупная операция «Возмездие». Перед ней (в конце марта – начале апреля) силами пограничных подразделений Керкинского, Термезского, Тахта-Базарского погранотрядов совместно с подразделениями 201-й мотострелковой дивизии проведена очередная операция по очистке

района Акчи. К началу второй декады апреля эти силы были передислоцированы под Андхой.

10 апреля 1986 г. при совершении марша на операцию в район Андхоя совместно с афганскими подразделениями в районе Атоханходжи во время стоянки подверглась нападению колонна ММГ-1 «Меймене». В результате сильного минометного обстрела противником большие потери понесли афганские военнослужащие пехотного полка и царандоя из г. Меймене, у пограничников 1 человек погиб, 4 ранены. В БТР № 732 пограничников 2-й ПЗ ММГ-1 попала мина, но экипаж, находясь в окопе, не пострадал.

В начале августа силами подразделений Керкинского и Термезского погранотрядов была проведена операция в районе Акчи с целью захвата Ашура Пахлавона. За ходом операции следил сам начальник Пограничных войск КГБ СССР генерал армии В.А. Матросов. Это по его приказу предстояло атаковать формирование Ахмада Пахлавона, насчитывающее несколько сотен человек. Мятежники пытались завладеть стратегической инициативой во всей зоне ответственности советских пограничников в данном районе Афганистана. Действовали они всегда неожиданно, напористо, имели свою разветвленную агентуру среди местных жителей, и поэтому после каждого из нападений им удавалось уходить из-под ударов пограничников. Но в этот раз успешно сработали наши разведчики. Они определили точное местонахождение базы «духов».

Окруженные нашими подразделениями моджахеды вели огонь из-за каменных укрытий, из домов кишлака. Штурм этой базы без поддержки с воздуха мог принести

Подготовка плана проведения операции по выводу войск из Афганистана. В центре – начальник Керкинского погранотряда подполковник В.В. Самохин, 1989 г.

немалые потери. А четкое взаимодействие наземных и воздушных сил обеспечивало верный успех операции. Отряд же Ахмада Пахлавона был практически полностью уничтожен.

С января 1986 по сентябрь 1988 г. 1-я ПЗ ММГ-2 несла службу в отдельном гарнизоне у к. Файзабад (провинция Фарьяб), созданном совместно с ММГ-1.

С конца 1986 до лета 1987 г. 2-я ПЗ ММГ-2 несла службу по охране газораспределительной станции в районе Ходжа-Гогирдаг (восточнее г. Шибирган). Летом 1987 г. в районе Ходжа-Гогирдаг 2-ю ПЗ ММГ-2 сменила 3-я ПЗ ММГ-3.

Большую угрозу советской южной границе против участка Керкинского погранотряда в районе Меймене представляло бандформирование Ермамада, отдельные группы которого выходили на границу, обстреливали погранотряды, грабили местное население, похищали скот. Это бандформирование имело вблизи границы большие склады с оружием и боеприпасами, средствами подрыва и диверсий. В связи с этим в ноябре 1987 г. генерал армии В.А. Матросов дал команду тщательно изучить обстановку на керкинском направлении и внести предложения по ее стабилизации. В результате была спланирована многоэтапная операция по ликвидации формирования Ермамада, а также складов с оружием и боеприпасами. Замысел операции под руководством начальника оперативной группы КСАПО полковника А.Н. Мартовицкого заключался в следующем: спецподразделениями со средствами усиления под прикрытием с воздуха, с ходу разгромить противника в районе Джумабазар и Морчегаль, соединиться в районе Меймене с гарнизоном ММГ-1 и в дальней-

шем уничтожить горную базу противника «Дарбанд» и опорный пункт Атаханходжа. Операция отличалась скрытностью подготовки и внезапностью действий, активным применением авиации и реактивной артиллерии для подавления огневых точек и позиций душманов, десантирования подразделений.

Операция началась в 20-х числах ноября неудачно. Из-за сложного горного рельефа техника могла пройти только через кишлаки. Бандиты вдоль узкой дороги под дувалы посадили детей. Стрелять было нельзя. В центре первого кишлака внезапно из-за дувала была подбита и загорелась автомашина с минами. Колонна была перерезана пополам: первая ее часть пошла вперед, а вторая с боем начала отступать. Появились потери. Колонна вышла из кишлака, и подразделения перешли к обороне. В последующем попытка преодолеть кишлак удалась, и обе части колонны соединились.

Замысел второго этапа операции состоял в том, чтобы с позиций гарнизона нанести огневой удар по базе «Дарбанд», подавить огневые средства противника боевыми вертолетами, высадить десант и совместно с подошедшими наземными силами и средствами завершить уничтожение группировки душманов и ликвидировать базу.

Операция по ликвидации базы «Дарбанд» 8 декабря была неожиданна для душманов, десантирование осуществлялось прямо на позиции противника. За несколько часов база перестала существовать. Захвачено большое количество вооружения и пленных. На последнем этапе операции в районе к. Атаханходжа бойцами Керкинской ДШМГ была захвачена реактивная пусковая установка.

За эту операцию многие военнослужащие были награждены государственными наградами, а капитану Н.Н. Лукашову присвоено звание Героя Советского Союза.

В сентябре 1988 г. совместный гарнизон ММГ-1 и ММГ-2 в к. Файзабад сменила ММГ-5 из Забайкальского погранокруга. Одновременно из зоны ответственности Тахта-Базарского погранотряда из к. Карабаг в зону Керкинского погранотряда передислоцирована ММГ-3 «Карабаг», вставшая двумя гарнизонами в к. Атаханходжа и к. Токали-Намуссо (провинция Фарьяб).

В течение всего периода афганской кампании на базе Керкинского погранотряда были сформированы или прошли боевые стажировки несколько мотоманевренных групп, прибывших из других пограничных округов, а также несколько боевых групп спецназа КГБ СССР.

В феврале 1989 г. вывод войск начался строго по плану. Управление осуществлялось:

– общее – с командного пункта в Термезе. Руководитель – начальник войск округа генерал-майор И.М. Коробейников. Офицеры КП: подполковник В.В. Седых, начальник отряда подполковник В.Я. Дмитриенко (погиб во время боевой операции в Таджикистане);
– 47-й погранотряд – Керки. Руководитель операции – полковник А.И. Тымко. Офицеры КП: начальник отряда подполковник В.В. Самохин, начальник разведки майор Р.Ю. Янкаускас.

Общее руководство выводом подразделений Керкинского и Тахта-Базарского направлений осуществлял генерал-лейтенант Г.А. Згерский.

В период 1980–1989 гг. пограничники спецподразделений Керкинского отряда выполняли интернациональный долг в Афганистане, контролируя участок афганской территории трех провинций, примыкавших к Керкинскому погранотряду протяженностью до 300 км и глубиной более 100 километров. Подразделения прикрытия, состоящие в разные годы из 3–5 мотоманевренных групп, десантно-штурмовой маневренной группы, 5 отдельных застав и постов, были разбиты на две полевые оперативные группы, которые в самые жаркие годы афганской войны вели интенсивные боевые действия. Максимальная численность группировки спецподразделений погранотряда достигала до 4000 человек.

Звания Героя Советского Союза в этот период были удостоены капитан Лукашов Николай Николаевич в 1988 г., старший сержант Капшук Виктор Дмитриевич в 1985 г. Тысячи воинов-пограничников были награждены орденами и медалями.

На базе спецподразделений Керкинского погранотряда в этот период проходили боевые стажировки бойцы спецподразделений КГБ СССР.

В 1983–1987 гг. в составе мотоманевренных и десантно-штурмовой групп 47-го Керкинского погранотряда на территории Афганистана прошли боевую стажировку 125 сотрудников подразделения антитеррора (группы «А»).

В 1992 г. в связи с распадом СССР Керкинский погранотряд прекратил существование под юрисдикцией РФ, но российские пограничники продолжали службу на этом участке туркмено-афганской границы вплоть до 1995 г.

***Симаков Геннадий Николаевич** (р. 24.03.1957), начальник редакционно-издательского отдела Пограничного научно-исследовательского центра, полковник. С 1982 по 1984 год в составе десантно-штурмовой маневренной группы Краснознаменного Восточного пограничного округа принимал участие в боевых действиях на территории Афганистана. Только в 1982 г. принял участие более чем в 93 боевых вылетах (боевых операциях). Кандидат исторических наук. Награжден орденом Красной Звезды.*

Афганистан – моими глазами

Мои воспоминания посвящаются офицерам, прапорщикам, солдатам, сержантам десантно-штурмовой группы Краснознаменного Восточного пограничного округа КГБ СССР, с кем в 1982–1984 гг. довелось участвовать в боевых действиях на территории Республики Афганистан, и в первую очередь тем нашим боевым товарищам, о ком мы храним нашу светлую память.

В настоящее время удалось установить автора и композитора песни «Полчаса до боя», посвященной десантно-штурмовой группе Восточного пограничного округа, которая стала фактически ее гимном. Стихи к песне написал заместитель по политической части оперативной группы КСАПО полковник В.М. Шевелев, мелодию подобрал командир взвода ДШМГ КВПО лейтенант К. Плотников.

Свои воспоминания хочется начать именно с этой песни, в которой раскрываются сущность и боевые традиции десантно-штурмовой группы Восточного округа:

Памятник пограничникам ДШМГ, погибшим в Афганистане, г. Пржевальск

«Опять настало время для десанта.
Вращает лопасти усталый
вертолет.
Опять звучит суровая команда:
Летать туда, где нас никто не ждет!

Глоток воды из фляги перед взлетом,
Мы верим в дружбу
и не верим в чудеса.
Ясна задача и по всем подсчетам
До боя нам осталось полчаса.

Крылатыми солдатами
зовемся мы не зря,
Сроднились, словно братья, мы
В стремительном, отчаянном ДэШа.
Подруга наша верная, о нас не забывай!

Ты нам, судьба военная,
Удачи, удачи пожелай!
Удачи, пожелай!
Встречали скалы нас
свинцовым ураганом.

Не позабыть Памир, Куфаб, Герат.
Под Шибирганом и под Талуканом
Теряли мы в боях своих ребят.
Пройдут года и вспомним мы когда-то

Друзей-товарищей и тот последний бой,
И эту песню, что храним мы свято,
Про наш отряд
десантно-штурмовой».

Последнее письмо

Не верьте тому, кто говорит, что на войне не испытывал чувство страха, не верьте ему заранее, какие бы аргументы он ни приводил. В боевой обстановке жизнь будет зависеть от того, насколько владеешь своими эмоциями и чувствами. Во время боя, а особенно в его начале, как правило, взгляд подчиненных обращен к офицеру – от него ждут оптимального решения, четкой команды. От этого зависит успех боя, от этого зависит жизнь всего подразделения.

Подготовка к бою начинается заранее, она многогранна и включает в себя не только разработку предстоящих боевых действий и материальное обеспечение боя, главное – это состояние военнослужащего, которому предстоит вступить в бой.

... Вечерний весенний воздух кружил голову и заставлял думать о чем угодно, только не о войне. На траве возле раскидистого дерева вели беседу два друга – Сергей и Владимир. Тем для разговора было много, и этому способствовала весна. И все-таки, несмотря на лирическое настроение, ход беседы незаметно изменился и перешел к будничным делам, к заботам десантно-штурмовой группы.

Сформированная на базе Пржевальского пограничного отряда в марте 1982 г., десантно-штурмовая группа была откомандирована для выполнения специальных задач в Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ. 21 апреля 1982 г. личный состав впервые привлекался к боевой операции, проводимой на территории Афганистана, в районе города Ташкургана.

Начальник ДШМГ КВПО майор И.П. Барсуков объявил перед строем о предстоящей первой операции. Никто, включая даже офицеров, точно не знал, сколько брать с собой боеприпасов, сколько банок сухого пайка. Понятие о том, что десантное подразделение действует автономно и не имеет своей боевой техники, у всех имелось, но насколько хватит всего необходимого для боя, никто не представлял. В первый раз загружались по полной программе, что называется, под завязку. В вещевые мешки укладывались цинки с трассирующими и обычными боеприпасами, оборонительные и наступательные гранаты, осветительные патроны, три суточные нормы сухого пайка и вдобавок спальный мешок. Экипированный таким образом десантник в большей степени напоминал тяжелого средневекового рыцаря, который, упав с коня, без помощи оруженосца не мог подняться, чем активного и подвижного на поле боя военнослужащего.

Перед выходом в засаду. Слева направо: начальник штаба ДШМГ майор П.Д. Ушкалов, зам. начальника заставы по политической части старший лейтенант Г.Н. Симаков, старший офицер разведки ДШМГ капитан В.Б. Чередниченко, командир боевой группы 2-й ДШЗ прапорщик С. Юдин. Гарнизон «Бандар-пост», 1983 г.

После первой операции многие поняли, что лишняя тяжесть ни к чему и... ударились в другую крайность – брать с собой в бой минимальное количество необходимого снаряжения и боеприпасов. Подобная практика жестко пресекалась офицерами, но понимание «золотой середины» пришло-таки не сразу, а через голод и полное отсутствие боеприпасов.

Много чисто психологических переживаний было перед первым боем. Что будет завтра? А вдруг не вернусь? Ночь перед боем – диалог с самим с собой, со своим прошлым и настоящим, неизвестным будущим, ночь рассуждений и переживаний, и только предстоящий день расставит все по своим местам, определит дальнейшую судьбу.

Летом 1982 г. десантно-штурмовая группа действовала в зоне ответственности Пянджского пограничного отряда. Ежедневные вылеты «на ту сторону» в течение месяца стали обыденными, в действиях появились уверенность и надежность. Подъем в четыре утра, завтрак, выезд на аэродром, постановка боевой задачи, вылет.

Выход группы личного состава ДШМГ в район засады на озеро Дюферен, 1983 г.

В ходе выполнения поставленной задачи, рассчитанной на световой день, осуществляли блокирование населенных пунктов, поиск вооруженных формирований оппозиции. Если противник не был обнаружен, перед наступлением темноты возвращались в Союз. Дома ужин и сон, а с утра все сначала. Сомнения были побеждены, но со всем ли можно свыкнуться?

Вспомнили, как в одной из таких боевых операций ДШМГ заблокировала один из кишлаков. Душманы, услышав гул вертолетов, из кишлака бросились на участок сельскохозяйственного поля, на котором находилось значительное количество стогов сена. Вот из них и пришлось извлекать несколько десятков «борцов ислама».

Помолчали, и каждый подумал о своем, вспомнил пережитое.

– Сергей, – обратился к своему другу Владимир Чернухин, – посмотри, у меня на руке наколка.

Он вытянул правую руку, и Сергей увидел на фаланге указательного пальца татуировку небольшого православного крестика.

– Когда я уходил в армию, – продолжал Владимир, – мне моя бабушка говорила, что крестик будет моим талисманом и должен оберегать мою жизнь.

Овчинников удивленно посмотрел на товарища.

– Знаешь, Сережка, в последнее время у меня появилось предчувствие беды, а точнее, моей смерти.

– Брось, – перебил Владимира Сергей.

– Я понимаю, на войне все мы ходим под Богом, и никто из нас не знает, кто живым вернется домой. Зачем ты зазываешь к себе беду? У тебя все в порядке, недавно к тебе приезжали мать, невеста. Что тебе еще надо? Для чего ты завел этот разговор? Выкинь всю эту дрянь из головы!

Владимир закурил.

– Подожди, не перебивай. Посмотри на мой крестик внимательно. Смотри, он начал загнивать сверху. Что только я ни делал, все равно гниет. Учти, вся эта зараза началась ни с того ни с сего, не было у меня на руке каких-либо царапин или ссадин, загнивание идет изнутри.

Выпалив эти слова как из пулемета, Владимир глубоко вздохнул и тихо добавил:

– Вот увидишь, Сережка, предстоящая операция для меня будет последней. И не надо меня переубеждать, это бесполезно, я это чувствую.

Владимир поднялся с примятой травы и скомандовал:

– Пошли спать, завтра вылет...

Вертолеты высадили десантно-штурмовую группу в горах, в районе перевала Шаркаталь. Мармольская операция (март 1983 г.) уже началась. Задачей группы являлся захват и удержание перевала с целью недопущения прорыва противника из блокируемого района. С места высадки подразделение выдвинулось на указанные рубежи и приступило к оборудованию огневых позиций, неоднократно подвергаясь обстрелам противника.

Конвоирование пленных душманов, захваченных в районе озера Дюферен. Бандар-пост, 1983 г.

Погода в горах может меняться в считанные минуты. Весеннее солнце радовало до полудня и неожиданно скрылось за тучами, которые принесли холодный дождь, затем разразились градом, к вечеру повалил снег, ударил мороз. Весна отступила, в горы вернулась зима.

Продолжая оборудование оборонительных сооружений основными силами группы, часть личного состава занялась подготовкой укрытий от дождя и снега. При полном отсутствии леса и даже мелкого кустарника пришлось вырывать норы в обрывистых склонах холма. Поздней ночью работы были завершены, выставлено боевое охранение, и не задействованный на службе личный состав смог отдыхать.

На командном пункте, расположенном в бывшем зерновом хранилище, было слышно потрескивание работающей радиостанции. Три офицера и дежурный связист молча слушали радиоэфир. Разговаривать не хотелось, да и о чем говорить, когда в голове только одна мысль: когда же кончится этот ужасный холод?!

– Первого вызывает пятый, первого вызывает пятый. Разрешите произвести смену? – раздалось из наушников.

– Передай пятому, смену разрешаю, – отдал команду старший лейтенант Анатолий Исправников связисту.

– Первый, первый, – послышался тревожный голос по радиостанции, – прибудьте срочно к нам, я пятый, прием.

– Что случилось? – запросил первый пятого.

– У нас обвал, землей завалило смену. Как понял, прием.

– Связист на месте, остальные за мной, – прокричал старший лейтенант А. Исправников и побежал к вырытым в земле «норам».

Инструктаж перед выходом в засаду личного состава 2-й заставы проводит начальник ДШМГ КВПО майор Р.Ф. Ракимов. Бандар-пост, 1983 г.

К обрушившимся укрытиям десантники добрались быстро и приступили к откапыванию засыпанных землей товарищей.

Когда их засыпало? Сколько прошло времени? Эти вопросы интересовали каждого. Через несколько минут увидели спальный мешок и, расчистив вокруг землю, вытащили засыпанных. В спальном мешке лежали Кузнецов и Чернов. Моджахеды, обнаружив оживление с нашей стороны, открыли по позициям десантников беглый огонь. Десантники, не обращая внимания на начавшийся обстрел, продолжали оказывать помощь товарищам. Никто не верил, что случилось страшное. Искусственное дыхание не помогло, промедол тоже. Пульс не прослушивался, дыхание отсутствовало. А. Кузнецов и В. Чернухин продолжали спать.

Наступило хмурое утро, а было ли оно утром? Просто стало светло. В глазах слезы, на душе лед.

Старший лейтенант А. Исправников подошел к одному из офицеров и протянул сложенный четырехугольником листок. И произнес чужим голосом:

– Прочитай, остальное тебе расскажет Сергей Овчинников, он вчера с Владимиром долго разговаривал.

В записке Владимир Чернухин писал: «Дорогие мама и папа, простите меня, если я был плохой сын. Если у меня родится сын, назовите его моим именем».

Янги-Кала

Дежурная служба в считанные секунды оповестила личный состав десантно-штурмовой группы о внезапном вылете. Через несколько минут в полной боевой готовности десантники построились вдоль палаточного городка в ожидании боевой задачи. Майор И.П. Барсуков о предстоящих боевых действиях доложил кратко и лаконично. В районе населенного пункта наша колонна попала в засаду, в настоящее время там идет бой, других данных обстановки командование не имеет.

Осуществив десантирование, вертолеты совершили несколько облетов высаженных десантных групп и ушли на заправку.

Группа старшего лейтенанта Анатолия Исправникова была десантирована восточнее населенного пункта Янги-Кала и, развернувшись в боевой порядок, выдвигалась на указанные рубежи. Десантников поразила тишина, никаких признаков боя слышно не было. Все молчало. Тихий весенний вечер, мирный афганский поселок – ничто не напоминает войну.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился к старшему группы Исправникову связист рядовой Г. Поляков, – на второй площадке высадки раненый.

– Какой раненый? – удивился А. Исправников, – мы не слышали ни одного выстрела.

– Так точно, – подтвердил Г. Поляков, – группа старшего лейтенанта Н. Липатова запросила фельдшера.

– Поляков, срочно запроси Н. Липатова, что у них случилось, – распорядился А. Исправников. – Ко мне срочно фельдшера, сержанта Воротылкина и рядового Стрельцова.

Когда они прибыли, им было приказано выдвинуться к группе старшего лейтенанта Н. Липатова. Короткими перебежками боевая группа начала выдвижение вперед. Тишина разорвалась хлесткими автоматными очередями.

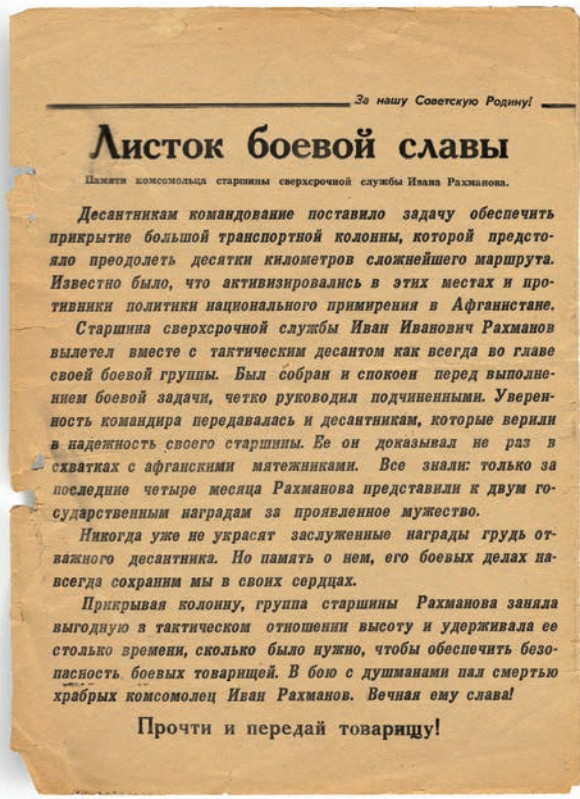
Район, где было осуществлено десантирование, представлял собой заросшую кустарником и густой травой местность с разветвленной и обширной арычной системой. К одному из пересохших арыков и устремилась группа Исправникова. Расположившись в арыке, словно в огромном окопе, десантники изготовились к бою.

Полученный боевой опыт научил с возникновением внезапного боя не теряться, а в первую очередь уяснить и выявить, где находится противник, где расположены его огневые средства, и только после этого открывать огонь на поражение. В течение нескольких секунд огневые точки противника были обнаружены.

– Поляков, – пытаясь перекричать автоматные и пулеметные очереди, закричал старший группы, – уточни обстановку у других наших групп, что у них происходит.

– Понял!

Группа прапорщика Валерия Карасева осуществляла выдвижение к близлежащим окраинам кишлака, когда противник открыл огонь по боевым порядкам подразделения. Десантники залегли, укрылись от беспорядочного огня за развалинами хозяйственной постройки и открыли ответный огонь по моджахедам. Как выяснилось после боя, этот участок противник наметил для прорыва из блокируемого района.



За нашу Советскую Родину!

Листок боевой славы

Памяти комсомольца старшины сверхсрочной службы Ивана Рахманова.

Десантникам командование поставило задачу обеспечить прикрытие большой транспортной колонны, которой предстояло преодолеть десятки километров сложнейшего маршрута. Известно было, что активизировались в этих местах и противники политики национального примирения в Афганистане.

Старшина сверхсрочной службы Иван Иванович Рахманов вылетел вместе с тактическим десантом как всегда во главе своей боевой группы. Был собран и спокоен перед выполнением боевой задачи, четко руководил подчиненными. Уверенность командира передавалась и десантникам, которые верили в надежность своего старшины. Ее он доказывал не раз в схватках с афганскими мятежниками. Все знали: только за последние четыре месяца Рахманова представили к двум государственным наградам за проявленное мужество.

Никогда уже не украсят заслуженные награды грудь отважного десантника. Но память о нем, его боевых делах навсегда сохраним мы в своих сердцах.

Прикрывая колонну, группа старшины Рахманова заняла выгодную в тактическом отношении высоту и удерживала ее столько времени, сколько было нужно, чтобы обеспечить безопасность боевых товарищей. В бою с душманами пал смертью храбрых комсомолец Иван Рахманов. Вечная ему слава!

Прочти и передай товарищу!

Листок боевой славы. Памяти комсомольца старшины сверхсрочной службы Ивана Рахманова

Пленные моджахеды доставлены в гарнизон «Бандар-пост», 1983 г.

Моджахеды своим огнем стремились прижать десантников к земле, не дать возможности прицельно стрелять, а затем снести их с пути своего прорыва. Прапорщик В. Карасев, оценив обстановку, понял, что его группа находится в данный момент не в лучших условиях. Особенно беспокоило то, что противник ведет огонь с подготовленных позиций. Наиболее близкой и опасной являлась расположенная за дувалом огневая точка душманов, с которой простреливалась занятая пограничниками позиция.

«Автоматным и даже пулеметным огнем мы их не возьмем, – подумал В. Карасев, – гранатой бы за дувал, было бы дело. Но для этого нужно встать в полный рост, размахнуться и точно бросить гранату. Нет, такой возможности нам не дадут, изрешетят».

– Лавров, – обратился В. Карасев к саперу группы. – У тебя сколько гранат?

– Четыре.

– Слушай меня, сейчас я попытаюсь забросать гранатами «друзей», что за дувалом, твоя задача в это время меня прикрыть. Понял?

– Так точно.

– Давай гранаты.

– Товарищ прапорщик, но...

– Никаких «но». Посмотрим, кто кого.

Предпринятая В. Карасевым попытка встать на колени успеха не имела и вызвала со стороны противника ожесточенную стрельбу. Перекатившись, прапорщик занял новую позицию. Что ж, остается одно – метать гранату лежа. В. Карасев лег на спину, повернул голову в сторону дувала, мысленно рассчитывая, каким образом необходимо кидать. Выгнул спину и метнул гранату. Щелчок запала, взрыв.

Заседание комитета комсомольской организации ДШМГ КВПО проводит прапорщик А. Пеньков. Лянгар,1983 г.

– Есть! – закричал во весь голос Лавров и открыл огонь из автомата.

Бой продолжался.

С наступлением темноты моджахеды изменили тактику действий и предприняли попытки осуществлять прорыв мелкими группами. Этому способствовали ночь и отличное знание местности. Перестрелки возникали на всех участках блокирования. Старший лейтенант Аскар Нургалиев внимательно всматривался в темноту, пытаясь обнаружить, где находится противник.

– Прослушивать местность, – отдал он подчиненным короткое распоряжение. – Сейчас снова пойдут.

В подтверждение сказанного правее позиции группы десантников прозвучала автоматная очередь.

– К бою! – скомандовал офицер.

Десантники открыли автоматный огонь.

Вдруг А. Нургалиев услышал сзади себя глухой звук упавшего на землю предмета. Что это? Быстро обернулся, но за собой никого не увидел. «После боя разберемся – отметил он про себя, сейчас не до этого».

Ночной бой был коротким. Моджахеды, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, отошли в расположение кишлака, рассчитывая найти новый участок прорыва.

После боя старший лейтенант А. Нургалиев рассказал другим офицерам группы о странном эпизоде боя, когда он услышал звук, напоминающий удар камня о землю. Старший лейтенант Геннадий Тутукин выслушал своего командира очень внимательно и попросил показать место, где это произошло.

Через несколько минут, вернувшись к беседовавшим офицерам, он сказал:

– Повезло тебе, Аскар, это был не камень, а граната. Не разорвалась.

К утру стрельба затихла, бой закончился, десантно-штурмовая группа свою задачу выполнила.

До вывода советских войск из Республики Афганистан оставалось почти шесть лет...

***Коробейников Иван Михайлович** (р. 19.04.1939), начальник войск Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа, первый заместитель председателя Комитета по охране государственной границы СССР, председатель Координационной службы Совета командующих Пограничными войсками СНГ, генерал-лейтенант. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1983–1989 гг. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.*

Об особых людях и «обычной» войне

До 1966 г. я служил в Закавказье. Окончив Военную академию имени М.В. Фрунзе с золотой медалью, получил право выбора места службы и стал преподавателем пограничного Алма-Атинского училища. Через пять лет я попросил вновь перевести меня на границу. Служил заместителем начальника штаба в Ленкорани, начальником штаба в Гадруте. Позже был направлен в Кишинев, где меня нашел Вадим Александрович Матросов. Я тогда готовился к должности заместителя начальника штаба войск Закавказского округа, но Матросов был категоричен: «Поедете в Среднеазиатский, и не по службе, а по войне...».

Так я оказался в Среднеазиатском пограничном округе. Все семь лет моей службы там были связаны с выполнением интернациональных задач в Афганистане. Прибыл в ДРА в 1983 году. В тот год дома, с семьей, я провел всего пять суток. Все остальное время занимало выполнение боевых задач.

Возглавлял оперативную группу округа в Душанбе. Группа была разноплановая, в нее входили специалисты различных направлений: операторы, которые контролировали обстановку, разведчики, связисты, специалисты тыла, инженеры, политработники... Вместе с офицерами отрядов мы планировали боевые операции, подтягивали необходимые силы и средства, организовывали связь, готовили личный состав к выполнению боевых действий и руководили этими действиями. Численность группы первоначально составляла 111 человек. И люди туда подбирались не по остаточному принципу! Я прекрасно знал возможности и способности каждого еще по работе в составе оперативной группы в Ашхабаде. Среди них не было ни одного человека, которому бы я ни доверял.

Многие операции я организовывал и проводил под руководством Геннадия Анатольевича Згерского и Владимира Ивановича Шляхтина. Так, вместе с Геннадием Анатольевичем в 1983 г. мы проводили операцию в районе Сари-Джуй. Здесь обосновалась группировка «инженера» Наби, одного из активных афганских бандглаварей. Г.А. Згерский находился на командном пункте в Пяндже, а я – на передовом командном пункте вместе с войсками.

Наша попытка высадить десантно-штурмовые подразделения закончилась неудачно – слишком сильным было огневое противодействие. По договоренности с управлением войск военного округа летчики нанесли по укреплениям бандитов бомбовый удар. Но то ли мы дали неверные координаты, то ли летчики ошиблись. В общем, этот удар не пришелся по опорным пунктам моджахедов. Во избежание потерь я предложил Згерскому вернуть людей на базу, и он согласился.

Докладывать о срыве операции в Москву пришлось, но вместе с предложениями. Удар решено было повторить. Километрах в пяти от опорного пункта моджахедов находилась господствующая высота. На эту высоту меня и высадили вместе с десантно-штурмовой заставой и минометным взводом. Дождавшись темноты, мы начали обстреливать из миномета опорные пункты на хребте, который занимали моджахеды. Мы им мину – они нам очередь из ДШК.

Засекли их от «А» до «Я»! Передали новые координаты летчикам. Вот тогда удар пришелся точно по целям! Все опорные пункты (их оказалось шесть) были поражены.

Разведчики очень быстро нашли схрон разбитой группировки в нескольких километрах от базы. Хотя, надо признать, замаскировали его бандиты на совесть. Крыша хранилища, врезанного в склон оврага, была присыпана землей и засажена вереском. Руководил этим поиском Валерий Короленко, тогда капитан. Вместе с разведкой шла боевая группа. Ребята работали четыре часа. За это время моджахеды успели развернуть боевой расчет миномета, намереваясь уничтожить наших разведчиков. Мы, находясь на господствующей высоте, все это видели и страшно волновались за них. Но группа двинулась в обратный путь, только выполнив свою задачу. В схроне было обнаружено огромное количество боеприпасов и вооружения. Даже двуствольная зенитная установка! Вывезти мы ничего не успели, все пришлось заминировать и взорвать. По возвращении В. Короленко пришлось его отругать – слишком рисковали! Взять самого «инженера» Наби нам тогда не удалось.

Через пару месяцев меня направили в Московский пограничный отряд руководить очередной операцией.

На третий или четвертый день моего пребывания там разведчики привезли афганца. Он умолял забрать его семью из Сари-Джуя и доставить в Кундуз. Жаловался, что оказал поддержку кому-то из представителей народной власти и теперь его преследуют бандиты. Афганец рассказал, что примерно в километре от кишлака Сари-Джуй находится поместье. Там, за высоким дувалом, хранится вооружение одной из групп моджахедов. И как раз сейчас хозяева ушли в Пакистан за новой партией оружия и боеприпасов. А в поместье оставили лишь несколько человек охраны.

На нашем участке в это время шли бои на смежном направлении. И я решил, не информируя ни округ, ни Москву, нанести по этому поместью ракетно-бомбовый удар четверкой вертолетов. Летчики задачу выполнили, а заодно вывезли в безопасное место семью афганцев.

На следующий день в пять утра я собрался заслушивать доклады операторов и обнаружил на столе стопку телеграмм. Верхняя сообщала, что вчера в 17.00 при нанесении ракетно-бомбового удара по кишлаку Сари-Джуй был убит «инженер» Наби, о чем начальник Пянджского отряда направил донесение в округ. Я связался с начальником отряда.

«Так точно, – доложил он. – Когда бомбы упали, обрушился дувал. А он под этим дувалом как раз прятался. Его придавило! Моджахеды его откопали и захоронили временно». (Позднее бандиты собирались перезахоронить Наби в его родном кишлаке.) Назвал и кладбище. Срочно направленная туда разведгруппа информацию подтвердила, привезла фотографии. Теперь можно было докладывать об успехе в Москву!

Мне пришлось руководить и одной из крупнейших операций – в горах Альбурз к западу от Мазари-Шарифа. Проводилась она летом 1986 г. В операции участвовали пограничные маневренные группы и десантники, авиация, танковое и артиллерийское подразделения 40-й армии, подразделения афганской армии и царандоя.

В глубоком П-образном ущелье, где обосновались бандиты, была очень грамотно выстроена оборона. Хорошо замаскированные позиции прикрывали друг друга.

Подходы к краям ущелья были заминированы. Достать бандитов в укреплениях, устроенных в окрестных скалах, можно было только огнем прямой наводкой. Удары авиации и артиллерии оказались малоэффективными. По моей просьбе начальник войск округа Владимир Шляхтин приказал авиаторам доставить в район операции в дополнение к штатным еще четыре СПГ-9 с расчетами.

Заняв огневые позиции на противоположных скатах ущелья, расчеты СПГ-9 перекрестным огнем прямой наводкой подавили систему ПВО моджахедов, чем обеспечили действия боевых групп десантников, саперов и авиации.

Саперы вскрыли и обезвредили схему минирования и фугасы, заложенные по ущелью и в скальных углублениях.

Штурмовые группы десантников под командованием майора Турулова практически «свернули» оборону одного из флангов противника. А рейд бронегруппы под командованием тогда майора, ныне генерал-полковника Николая Резниченко по тылам обороны моджахедов завершил их разгром. В той операции моджахеды понесли

большие потери. В качестве трофеев нам досталось большое количество оружия и боеприпасов.

Нашими задачами в Афганистане были недопущение вооруженного воздействия через границу на советскую территорию, оказание помощи в становлении органов народной власти, разгром активных бандформирований и ликвидация бандглаварей.

Еще до моего прибытия в Среднеазиатский округ наши спецподразделения провели серию успешных боевых операций, оттеснив наиболее боеспособные вооруженные формирования моджахедов в глубь афганской территории. По мере возрастания важности направлений подразделения были размещены по всему фронту на разной глубине в зонах ответственности погранотрядов. За время афганской кампании их количество возросло с 6 до 22.

Боевые операции проводились практически непрерывно. Разведчики собирали информацию о состоянии и намерениях бандгрупп и местах их сосредоточения. Округ анализировал обстановку и направлял предложения в ГУПВ КГБ СССР. Там наши предложения изучали и, как правило, утверждали. Так разрабатывались плановые операции, но были и частные – по отдельным направлениям.

Мы снизили возможность вооруженного воздействия на территорию Советского Союза, но попытки такие все же предпринимались. В ночь на 8 марта 1987 г. бандиты обстреляли город Пяндж.

Моджахеды успели сделать один залп из восьмиствольной реактивной установки и несколько выстрелов из безоткатных орудий. Но особого вреда не причинили. Командиры Пянджской десантно-штурмовой маневренной группы быстро сориентировались, и дежурный минометный расчет тут же открыл ответный огонь. Потом мы провели операцию, в результате которой была ликвидирована группировка противника, которая на автомобильных прицепах подтянула к границе по реке Пяндж безоткатные орудия и реактивную установку.

Случались и курьезы. На участке Тахта-Базарского отряда паслось несколько отар овец. Одну из них угнали моджахеды. Нам с Иваном Петровичем Вертелко пришлось организовать «Баранью операцию». Отару мы вернули, бандитов наказали.

Последней моей операцией была эвакуация батальона царандоя из аэропорта Кулун на афганском берегу Пянджа напротив участка Хорогского пограничного отряда. Было это уже после вывода войск. Батальон был окружен моджахедами и постоянно подвергался обстрелам. Глубокой ночью под прикрытием мощных огневых групп на плоту из тракторных камер на советскую территорию были переправлены 170 бойцов вместе с семьями и скарбом. Конец опорного троса в ледяной воде завел вплавь на афганский берег полковник Алексей Квак. Затем автоколонной мы перевезли афганцев в Калаи-Хумб и на люлечной переправе возвратили на территорию Республики Афганистан.

Был и такой факт. Наши военнослужащие, подлежащие увольнению, отказались уходить из боевого состава мотоманевренных и десантных групп в запас. Мы уже подготовили и должны были подать в состав этих мотоманевренных групп молодежь. Но я получил из каждого отряда кипу рапортов от старослужащих с просьбой остаться в Афганистане до вывода войск. Они понимали, что в случае вывода их из ДРА наши подразделения серьезно потеряют в численности или же будут укомплектованы молодыми бойцами, которые в силу отсутствия опыта могут понести значительные потери. Ко мне даже приезжала комиссия из политуправления, чтобы выяснить, не мы ли принудили солдат отказаться от увольнения в срок.

Почему они поступили так? Там, на войне, рядом со мной были особые люди. Личный состав мангрупп имел значительный боевой опыт, полученный в ходе предшествующих боевых операций, и обладал высокими морально-боевыми качествами. Здорово проявили себя артиллеристы. Водители, с риском попасть на мину, снабжали наши мотоманевренные группы всем необходимым – от продовольствия до боеприпасов. А наши саперы? Сколько они людей спасли!

Иван Петрович Вертелко пересадил нас практически с обычных машин на бронетехнику. И мы научились тактически грамотно применять ее при проведении боевых операций. А ведь приходилось еще совершать марши по 100–200 километров, обслуживать, ремонтировать эту технику. Причем, все это нужно было организовать и применить таким способом, чтобы выйти победителями из любого боевого столкновения. И ребята со всем этим отлично справлялись. Это были прекрасные люди! Они понимали, что при выводе войск колонны могут быть подвергнуты обстрелам, и тогда молодые солдаты из пополнения наверняка понесут потери.

Много добрых слов заслуживают наши санитары, фельдшеры, медсестры, врачи ВМС, которые вернули в строй более 2 тысяч получивших ранения солдат и офи-

церов. Эвакуация раненых с поля боя, иногда под огнем, первая помощь в полевых условиях, доставка в стационар, комплексное лечение и восстановление, санитарно-эпидемиологический контроль районов дислокации наших спецподразделений – вот далеко не полный перечень задач, выполненных ВМС. А имя хирурга майора Ю.А. Воробьева, удалившего неразорвавшуюся подствольную гранату из тела солдата с риском для собственной жизни, навсегда вошло в анналы хирургии.

О связистах редко вспоминают, если связь работает надежно. С прибытием в оперативную группу на должность начальника связи майора Николая Тульского были проведены мероприятия по обеспечению надежной связи в звене ПКП, боевые группы десанта, авиация, передовой авианаводчик. Во всех ММГ и до него были штатные радиорелейные станции, однако их работа оставляла желать лучшего. Николай Тульский произвел настройку станций во всех гарнизонах, что дало возможность поддерживать связь мотоманевренных групп не только с управлением погранотряда, но и с округом, и с Москвой.

Вывод войск также осуществлялся под моим руководством. Вместе с Восточным погранокругом мы вывели из Афганистана около 10 000 солдат и офицеров. Главное было – обеспечить неприкосновенность колонн на марше. С этой задачей блестяще справились летчики. Наша авиация в составе двух вертолетных полков всегда была одним из основных элементов боевого порядка в операциях. Она наносила ракетно-бомбовые удары по базам противника, десантировала ДШМГ на рубежи блокирования, прикрывала подразделения на маршах, доставляла в боевые порядки боеприпасы, продовольствие и даже воду. И, конечно же, эвакуировала раненых из района боевых действий.

Председатель КГБ СССР В.А. Крючков вручает генерал-лейтенанту И.М. Коробейникову орден Ленина

Также требовалось разместить офицеров с семьями и вывести «под крышу» наши подразделения. Этим мы занимались наряду с плановыми боевыми операциями.

Еще одна наша задача – в короткие сроки отправить домой большое количество военнослужащих, подлежавших увольнению. Кстати, в то время мы наблюдали грустную картину: за вывезенные из Афганистана видео- и аудиотехнику демобилизованным из 40-й армии солдатам продавали билеты, чтобы они могли вылететь домой. Кое-кто платил деньги... А по нашему предложению Вадим Александрович Матросов принял решение сосредоточить подлежащих увольнению пограничников в Душанбе и Ашхабаде. Туда подавались по два «Ил-76», которые развозили солдат по областным городам в регионах призыва.

Сам вывод прошел исключительно организованно. Генерал Варенников удивлялся: откуда солдаты с белыми подворотничками? Они же выходят из района боевых действий...

Не все проходило гладко. В зоне ответственности Московского пограничного отряда мотоманевренная группа попала в «мешок». Ясно было, что без драки уйти не удастся. Но Анатолий Нестерович Мартовицкий, который руководил выводом на этом направлении, попросил помощи у местных аксакалов. Они сели на броню, окружив наших солдат, и группа спокойно вышла. Не прозвучало ни единого выстрела! Седобородые защитники получили в награду говяжьи консервы и мешок конфет. Кроме того, в нашем гарнизоне осталась насосная станция, которая тоже перешла к афганцам. Кстати, мы почти на всех важных направлениях пробурили скважины, из которых качали воду, обеспечивая жизнедеятельность мотоманевренных групп. Там все было, вплоть до бассейнов. Оставили мы местным и свои обшитые бревнами блиндажи, заглубленные и украшенные изнутри по-домашнему.

Генерал-майор И.М. Коробейников, полковник В.В. Тулупов, майор А.Т. Сарсембеков проводят занятия с выпускниками Военной академии им. М.В. Фрунзе, назначенными начальниками ММГ на сборах на базе 1-й ОГ, г. Мазари-Шариф, ДРА

Не обошлось и без комичных эпизодов. Ко мне на командный пункт зашел начальник особого отдела. Попросил вертолет, чтобы срочно вылететь в Московский пограничный отряд. В радиоэфире была перехвачена информация о том, что наши бойцы перевозят наркотики! Но все оказалось не так страшно. У нас при каждом гарнизоне был свинарник, разводили там до сотни голов. Когда пришла пора выходить на советскую территорию, встал вопрос: куда девать свиней?

Оставлять? Но афганцы – мусульмане, все равно свинину не едят...

Решили вывезти хрюшек не в живом виде, а мясом. И салом, которое солдаты любовно именовали «наркотиком». При переходе Пянджа одна из БМП села на днище, и вот тогда-то в радиоэфире раздался выкрик: «Ванька, спасай наркотики!»...

Численность отрядов за время афганской кампании увеличилась в несколько раз. Проблемы были большие. Нам прислали мотоманевренные группы почти все округа. Чтобы разместить людей, под вывод войск за год и два месяца мы построили двенадцать домов! В Тахта-Базаре, Кирках, Термезе, в Московском пограничном отряде, в Хороге, в Марах... В строительстве активно помогали местные власти. Нам нечего было грешить на руководство бывших советских республик! Они очень быстро и практически бесплатно возводили для нас уютные 24- и 48-квартирные дома. А Вадим Александрович Матросов списал нам под вывод войск 7 миллионов рублей. По меркам советского времени это были огромные деньги. Фактически за счет них округ очистился от долгов. Практически во всех отрядах были построены казармы из щитовых конструкций с пищеблоками и помещениями бытового назначения.

Но главный наш капитал, конечно же, люди. У нас в Афганистане не было ни дедовщины, ни даже шуток издевательского характера. А если и случались инциденты, то они не приводили к чрезвычайным происшествиям. О предательстве или самовольном уходе из гарнизона не могло быть и речи! За годы моего руководства в округ поступило много выпускников академий, все они прекрасно себя проявили. Рядом со мной служили лучшие люди Пограничных войск Советского Союза!

Хочу сказать спасибо нашим политработникам. Они всегда были в боевых порядках, а при необходимости их возглавляли и воодушевляли бойцов личным примером. При проведении боевых операций в прилегающих кишлаках, при подготовке к выводу войск на маршрутах движения активно проводилась агитационно-пропагандистская работа. Ведущая роль при этом отводилась политработникам и разведчикам. Использовались печатная продукция, выступления работников партийных и советских органов, демонстрация фильмов с использованием спецмашин, раздача нуждающимся продовольствия и товаров повседневного спроса. Такие мероприятия способствовали повышению доверия к пограничникам.

Мои сослуживцы воины-интернационалисты пограничники бережно хранят в памяти годы своего пребывания в ДРА, свое участие в боевых операциях по прикрытию Государственной границы СССР от вооруженных провокаций отрядов афганской оппозиции. Ежегодно собираясь 15 февраля в день вывода войск, они отдают дань памяти погибшим воинам и подвигам своих сослуживцев.

В моей памяти навсегда останутся мои командиры, учителя, наставники и сослуживцы: генерал армии В.А. Матросов, генерал-лейтенант Г.А. Згерский, генерал-полковник В.И. Шляхтин, генерал-лейтенант А.С. Артемов, генерал-лейтенант А.Н. Мартовицкий, генерал-полковник В.В. Седых, генерал-майор А.П. Кечин, генерал-лейтенант И.А. Харьковчук, генерал-майор В.В. Богловский и многие другие.

С глубоким уважением и почтением к ныне живущим и помнящим –

И.М. Коробейников

***Резниченко Николай Семёнович** (р. 23.03.1952), первый заместитель директора Федеральной пограничной службы Российской Федерации – начальник Главного штаба ФПС России, генерал-полковник. Участник боевых действий на территории Республики Афганистан, в ходе которых получил два ранения и контузию. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За личное мужество», «За военные заслуги».*

«Такие они, боевые будни»

Пограничники сыграли в афганской войне важную роль, прикрыв подступы к границам Советского Союза, обеспечив безопасность приграничья. Сформированные десантно-штурмовые и мотоманевренные группы показали удивительную эффективность, проявили подлинный героизм и мужество. В пограничных войсках не было ни одного военнослужащего, пропавшего без вести, а тем более не было ни одного, перешедшего на сторону противника. Мы последними покидали горячую афганскую землю. Замалчивание нашего участия в этой войне было не просто обидным, оно недопустимо ни с точки зрения истории, ни с точки зрения морали.

Я часто вспоминаю о том, что пришлось испытать в Афганистане мне и моим сослуживцам, как довелось хлебнуть из горькой чаши необъявленной войны…

Экспонат Центрального пограничного музея – передвижная РСЗО, захваченная у душманов

Музейный экспонат

В воспоминаниях хронологическая строгость, думаю, не всегда принципиальна. Мне, например, на память в первую очередь приходят наиболее яркие эпизоды из своей службы на таджикско-афганской границе в период войны в ДРА. Один из таких, запомнившихся на всю жизнь, случаев произошел в 1987 году. Памятен он не только тем, что пришлось оперативно выполнять важную боевую задачу, но и тем, что захваченный у душманов трофей – передвижная реактивная установка залпового огня – сегодня находится среди экспонатов Центрального пограничного музея.

История приключилась следующая. В апреле 1987 года я принял Тахта-Базарский пограничный отряд. А уже в мае ко мне обратился секретарь райкома партии одного из приграничных районов Таджикистана. Его просьба была несколько необычной даже для меня, офицера с боевым стажем. Ситуация в приграничье сложилась действительно непростая. Со стороны Афганистана боевики незаконных

вооруженных формирований регулярно угрожали обстрелом мирным жителям, работающим на хлопковых полях на нашей стороне. Происходило все это невдалеке от небольшой речушки Мургаб, текущей практически по границе. Стреляли бандиты не из стрелкового оружия, они использовали РСЗО – реактивную систему залпового огня. Оружие это серьезное и урон нанести может приличный. Сельские труженики вначале разбегались, а потом стали просто бояться выходить на работу в поле. Со стороны Афганистана берег реки Мургаб выше, и работающие люди были видны боевикам как на ладони.

Подполковники Н.С. Резниченко, Ф.М. Соболев, В.Г. Федотов, В.М. Киселев около отбитой у душманов установки залпового огня. Май 1987 г.

Выяснилось, что по заданию начальника разведотдела отряда один из моджахедов, давно помогавший нашим пограничникам, несколько дней назад тайком перерезал провода в установке залпового огня в надежде, что она замолчит навсегда. Удивительное дело, но бандиты смогли в короткое время починить установку, спаяв шесть тонких, как волосок, проводков в полевых условиях. До сих пор для меня загадка – как им удалось это сделать.

Я послал телеграмму вышестоящему командованию с предложением проведения специальной операции по обезвреживанию РСЗО бандитов.

Генерал Иван Михайлович Коробейников ответил, чтобы я не лез к боевикам. Дескать, ты свое уже отвоевал. Понятно, что он намекал на те 25 боевых операций, в которых я участвовал до назначения начальником Тахта-Базарского погранотряда.

Положение мое получалось двусмысленным и, прямо скажу, незавидным. Я твердо пообещал секретарю райкома, что мы разберемся с РСЗО, был уверен, что меня поддержат наверху, а тут такой неожиданный поворот. Решил рискнуть и взять инициативу в свои руки. Вместе с начальником разведки связался с местным афганским руководством, мы встретились для планирования операции и согласования действий. Подготовили телеграмму в Кабул о том, что в приграничном районе действует банда, терроризирующая и местное население, и мирных тружеников на сопредельной территории.

На основании этой телеграммы высшее афганское руководство обратилось к Председателю КГБ СССР В.М. Чебрикову, и тот, практически мгновенно отреагировав, дал указание провести специальную операцию по ликвидации системы залпового огня. Я возвращаюсь в отряд, а у меня в кабинете уже сидит полковник Высоцкий – начальник оперативной группы «Душанбе». Он стал убеждать меня о срочности проведения операции, которая у нас по сути уже была продумана и подготовлена. Десантно-штурмовой мотоманевренной группы на тот момент в отряде еще не было, поэтому мы попросили выделить нам десантную заставу из состава ДШМГ Керкинского погранотряда.

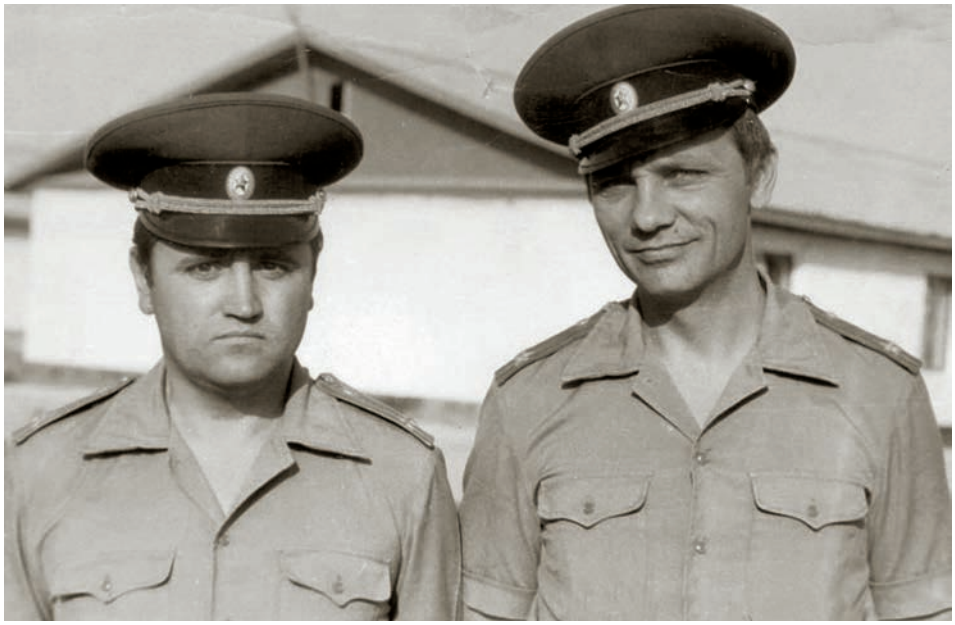
Благодаря тому, что основные нюансы операции были уже нами подготовлены, вопросы взаимодействия с афганскими спецслужбами обсуждены, вся боевая работа заняла всего один день. Замысел был следующий: выманить «духов» с помощью дезинформации о продвижении нашей мотоманевренной группы из района кишлака Баламурга в направлении места дислокации бандгруппы. Боевики, заметив наше движение, выдвинули в ущелье большую часть своих сил для организации засады. В ходе боя десантно-штурмовая застава была десантирована в район дислокации бандгруппы и установка РСЗО захвачена. К сожалению, мы потеряли одного солдата. Непосредственно десантной группой тогда руководил майор Виктор Шейкин.

Кстати, именно мне потом довелось на вертолете вывозить уста-

новку РСЗО в Душанбе, куда я летел на совещание. А дальше ее погрузили на самолет и отправили в Москву.

В горах Альбурз

В самом начале моей службы в Афганистане я был назначен на должность начальника полевой оперативной группы в Термезском пограничном отряде. Именно на этой должности и получил свой первый боевой опыт. Если исключить 7 месяцев лечения в госпитале после ранения и контузии, у меня в среднем получалось по два боевых выхода в месяц. Оно и понятно, ведь 1985 год – это, по сути, пик войны в Афганистане.



Начальник 68-го пограничного отряда подполковник Н.С. Резниченко и начальник штаба 68-го погранотряда подполковник В.Н. Шейкин

Летом 1985 года руководством Пограничных войск КГБ СССР было принято решение на проведение операции в горах Альбурз, которые находятся в 35 километрах юго-западнее города Мазари-Шарифа. Задача стояла следующая: силами мотоманевренной группы обеспечить прикрытие действий десантников.

Две десантно-штурмовые маневренные группы Керкинского и Пянджского пограничных отрядов высадились в ущелье Акдара. У противника на господствующих высотах располагались огневые позиции с крупнокалиберными пулеметами ДШК. Небо то и дело вспарывалось всполохами длинных трассирующих очередей. Один из наших вертолетов был подбит. Приземлился он на площадке, рядом с которой находилась моя оперативная группа. Осмотрев машину, обнаружили восемь пробоин. Из операции она, естественно, была выведена. Часа через два еще одна «вертушка» попала под обстрел противника. На этот раз все оказалось намного трагичнее. Вертолет начали обстреливать еще на подлете. Но пилоты сумели удачно его посадить и высадить десант. При взлете вертолет вновь попал под огонь ДШК и начал терять высоту. Только благодаря умелым действиям летчиков винтокрылая машина приземлилась. Едва успел экипаж покинуть «вертушку», как она тут же загорелась, а затем и взорвалась.

Командование нештатной ДШМГ 2-й ММГ. Слева направо: старший лейтенант Кузнецов, прапорщик Филатов, капитан Ковалев, старший лейтенант Пичугин

Временное затишье наступило, когда в горы опустились сумерки. С наступлением утра – вновь трагедия. При подходе к месту высадки был обстрелян третий вертолет. И командир экипажа капитан В. Руцкевич, и второй пилот погибли. Машина, падая в ущелье Акдара, загорелась.

Десантникам, находящимся на вершине горы, спуститься в ущелье не представлялось воз-

можным. Тогда руководитель операцией полковник И.М. Коробейников приказал мне выдвинуться в ущелье и вынести тела наших боевых товарищей.

В группу под моим командованием входили 21 солдат и 3 офицера – Владимир Пичугин, Игорь Мирошниченко и Василий Пискун. Выехали рано утром, перед рассветом. Когда наша группа подошла к ущелью, навстречу нам выехал ГАЗ-66, заполненный ранеными афганскими солдатами. Большинство из них подорвались на минах. Оказалось, что ущелье плотно заминировано «духами». Нам делать нечего – стали продвигаться дальше. Кстати, мины было сложно обнаружить – почва каменистая, саперные щупы ее не берут. Собаки тоже не могут толком работать – жара несусветная. Продвинувшись к горловине ущелья, мы обнаружили два танка и группу афганских солдат из 18-й пехотной Мазари-Шарифской дивизии. Как назло, у меня в этот момент вышла из строя радиостанция. Пришлось вспомнить молодость и взять у афганцев Р-105. Я отлично помнил эту радиостанцию с курсантских времен. Связался с Иваном Федоровичем Келембетом. Объяснил обстановку и сказал, что будем пытаться пробиться к месту, где лежит вертолет.

Первым пошел вперед танк. Как только он вошел в ущелье, раздался мощный взрыв. В Т-55 миной перебило гусеницу и оторвало каток. И тут же злополучный ДШК начал вести плотный огонь. Из-за камней нельзя было даже высунуться, не говоря уже о дальнейшем продвижении. Вызвали поддержку артиллерии, но пушка, стоявшая не так далеко на высотке, сколько ни била, выкурить бандитов из их пещеры так и не смогла.

Тем временем второй танк зацепил тросом подбитую машину и начал буксировать ее в укрытие. Я сразу вспомнил недавний эпизод, когда при вытаскивании подбитой БМП лопнул трос и пострадали находившиеся рядом солдаты. Тут ситуация была схожей. Я приказал всей нашей группе отойти подальше. Афганские солдаты при этом заулыбались, мол, шурави оробели. Меры предосторожности, между тем, оказались не напрасными. Трос не лопнул, но танк, который вытаскивал подбитую машину, съехал с колеи и попал на мину. Двое афганцев так и остались лежать у каменных стен ущелья. А мы окончательно лишились поддержки танков.

Все эти невеселые моменты я рассказал Келембету. Тот обещал что-нибудь придумать. И придумал! С рассветом разведчики подтащили на противоположную к ДШК бандитов сторону ущелья СПГ (станковый противотанковый гранатомет) и открыли по боевикам внезапный огонь. Расчет ДШК был уничтожен, и нам открылся путь дальше. Но стоило продвинуться нам до следующего поворота в ущелье, как по нам снова открыли огонь еще два пулемета. Один бил сверху, другой находился прямо напротив нашей группы.

В этой сложной ситуации самым лучшим образом сработал наш наводчик АГС «Пламя» (автоматический гранатомет станковый) рядовой Третьяк. Он снял гранатомет с треноги, укрепил его между камнями, сам встал на спины двух наших бойцов. Долго он прицеливался, а потом одиночным выстрелом так удачно попал, что уничтожил пулеметный расчет противника. Через несколько минут к нам подъехала машина афганских спецслужб (ХАД). Дорогу очистили от противника, и мы подобрались к месту падения нашего вертолета. Собрали сгоревшие останки пилотов и тела погибших стрелка и бортового техника экипажа вертолета.

Порой и так заканчивалась высадка десантников...

Между тем саперы обнаружили 250-килограммовую неразорвавшуюся бомбу, под которой для усиления было около 200 килограммов взрывчатки. Лишь по счастливой случайности душманы не успели ею воспользоваться. Благодаря грамотным и решительным действиям фугас был обезврежен. Однако продвижение в глубь ущелья не представлялось возможным. Боевики били со всех сторон. Связавшись с руководством, доложил обстановку. Я внес ряд предложений по дальнейшему проведению операции. Дали «добро». На следующий день начали блокировать противника. Проведенный маневр силами и средствами, правильно расположенные пулеметы, гранатометы подавили огневую мощь моджахедов.

На четвертые сутки с начала операции я разделил военнослужащих на три подгруппы, две из которых должны были подняться вверх по склону горы. Возглавляли их офицеры Владимир Пичугин, Игорь Мирошниченко и Василий Пискун.

К этому времени все уже изрядно устали. Поэтому, выбрав удобное место у огромного валуна, я дал команду на привал. Сам с наводчиком БТРа, водителем и переводчиком прилег отдохнуть у бронетранспортера. И тут раздались какие-то команды по радио. Одновременно от боевого охранения, которое возглавлял Пичугин, прибегает солдат и, отдавая мне трофейные пулемет и три автомата, докладывает: «У нас мало патронов и совсем нет осветительных ракет». Я спрашиваю: «У вас на посту все нормально?» «Да, – отвечает боец, – все спокойно». А о том, что они на посту выключили радиостанцию, чтобы не тратить электропитание, доложить забыл.

Гарнизон «Ташкурган» 81-го погранотряда, весна 1985 г. На фото – начальник 2-й ММГ Ю.И. Авдеев, начальник полевой оперативной группы Н.С. Резниченко, заместитель начальника политотдела С.А. Штыкулин, заместитель начальника отряда А.Т. Сарсенбеков, начальник пограничного отряда А.И. Тымко

Я стал вызывать по радио Мирошниченко, а в ответ тишина...

Утром я выяснил, что боевое охранение после всего пережитого сморило сном. Сам Пичугин, словно почувствовав что-то неладное, внезапно поднялся и решил проверить посты. Идет по тропинке, заворачивает за большой камень, а там стоит бородатый мужик. В руках – пулемет, на плече – автомат. Шарахнулись друг от друга и начали перестрелку. Пичугин расстрелял магазин и бросил через камень гранату. Бандита поразили осколки. Все это время со стороны наших позиций никто не стрелял. «Наверное, все погибли», – подумал Пичугин. Стал перезаряжать автомат и тут взлетает осветительная ракета. Практически рядом в бледном дрожащем свете он увидел еще одного вооруженного боевика. Владимир в одну секунду понял, что ему не успеть перезарядить автомат. И в этот момент со стороны поста раздалась длинная пулеметная очередь. Бандит согнулся пополам и повалился на землю.

Пичугин прибежал на пост: «Почему сразу не открыли огонь?!» Оказалось, солдаты задремали, пулемет Калашникова (ПК) взвели на боевой взвод и поставили на предохранитель. В суматохе, когда началась стрельба, пулеметчик про предохранитель и забыл. Хорошо, что рядом опытный боец находился. Он и расстрелял второго моджахеда, с которым столкнулся Пичугин.

В этом скоротечном боестолкновении удалось еще двоих боевиков взять в плен. Выяснилось, что группа моджахедов шла на прорыв и напоролась на нас.

Когда мы зашли в базовый лагерь бандитов, который был оборудован в пещерах, то сразу поняли, что авиацией отсюда их выкурить было невозможно. Сколько ни обстреливай, ни ракеты, ни бомбы достать здесь боевиков не могли. Обустроились они очень основательно. Было налажено водоснабжение при помощи тракторного двигателя, в пещерах находились запасы продовольствия и боеприпасов, много

Трофейное оружие, взятое после проведения операции в г. Ташкургане

мин. Из вооружения нами было захвачено одних только ДШК 47 единиц. Обнаружена была пещера, в которой находилось более 1200 мин и более 350 единиц оружия.

Есть фотография, на которой изображен стадион в Мазари-Шарифе, полностью заваленный трофейным оружием и снаряжением. Вот так мы тогда сработали. Итогам этой операции в информационной программе «Время» был посвящен почти пятиминутный сюжет!

Кишлак Бармазит, провинция Балх (10–15 августа 1984 г.)

С этим населенным пунктом, расположенным северо-западнее Мазари-Шарифа, у меня связаны тяжелые воспоминания. Именно там я получил ранение. В кишлаке Бармазит, по данным нашей разведки, практически постоянно находили себе убежище бандитские группы. Время от времени мы наведывались туда для проверки положения дел. Однажды выдвинулись в район Бармазита на нескольких боевых машинах. Врио командира разведвзвода на БРМ (боевая разведывательная машина) был сержант Петров. У него был самый настоящий нюх на бандитов. Он-то и заметил мчащийся из кишлака через арыки грузовик ЗИЛ-130. Петров начал преследование машины на БРМ. Скорость боевая разведывательная машина развить может приличную даже по бездорожью. После непродолжительной погони Петров выстрелом из пушки БРМ остановил грузовик. И что вы думаете? Он оказался доверху забит различным стрелковым оружием, минами и боеприпасами. Вот такое чутье!

12 сентября сержант Петров снова учуял боевиков издалека. Недалеко от Бармазита у кишлака Колямбо Петров перекрыл арыки и сразу же завязался бой. Били по нам из минометов и пулеметов. Мы с Иваном Келембетом решили вызвать на подмогу вертолеты огневой поддержки. Сами укрылись в арыках от огня противника. В этот момент меня позвали к радиостанции на бронетранспортере. Полез в БТР, где находился в то время наводчик, устранявший неполадки с пулеметом КПВТ. Только я надел шлемофон, как в борт БТРа угодила мина. Если бы она взорвалась рядом, то броня защитила бы нас с солдатом. А так я получил кучу осколков в бок. Пулеметчику досталось еще больше.

Меня сразу же перевязали. В пылу боя и, видимо, в шоковом состоянии я вначале и не понял, насколько тяжело ранен. Почувствовал боль в руке и в груди, кровь полилась отовсюду. Потом посмотрел, а в ноге две большие раны до самой кости. Причем кровь не сильно из них течет, видимо раны прижгло раскаленными осколками. Во рту пересохло. Доктор бросился вначале к солдату. Вколол ему обезболивающее. Потом и я получил первую помощь. Повезли нас к вертолету, чтобы эвакуировать, а я пить хочу – умираю. Как назло у бойцов, которые рядом были, не оказалось фляги с водой. Только возле вертолета один солдат подает мне фляжку со словами: «Взял вот для вас у афганца!» Я с жадностью набросился на воду. В госпитале выяснилось, что напоили меня… брюшным тифом!

В Термезе прооперировали, потом отправили вертолетом в Душанбе. Там только на десятый день обнаружили тиф. Одним словом, когда я выписывался, у меня было всего пятьдесят килограммов живого веса. Но прошло совсем немного времени, и я снова был в строю, снова принимал участие в боевых операциях.

События у Калайи-Зайля провинции Кундуз (31.01–09.02.1985 г.)

С 31 января по 9 февраля мы принимали участие в плановой операции по очистке кишлака Калайи-Зайль от боевиков. В опера-

Начальник 68-го погранотряда подполковник Н.С. Резниченко

ции участвовали мотомангруппы из нескольких погранотрядов.

Кишлак окружили. Но не успели мы толком занять свои позиции, как началась перестрелка. Рядом с майором Валерием Короленко – офицером оперативной группы «Душанбе», моим однокашником по академии им. Фрунзе, в дерево попала граната из гранатомета. Его сильно контузило, были повреждены барабанные перепонки. Я на своем командном бронетранспортере «Чайка» рванулся на помощь. Впереди заметил арык. Думал сходу проскочить, но что-то заставило остановить БТР. Выскакиваю, меряю палкой глубину арыка и не могу нащупать дно. Он оказался глубиной более двух метров. Хорошо, что не влетели в арык на полном ходу.

И все же подобрались к месту, где находился Короленко. Погрузили его на БТР и эвакуировали к месту посадки вертолета.

Ну а дальше уже все развивалось по намеченному нами плану. Вступили в бой, через пару часов очистили кишлак от бандитов. Там же мы обнаружили личные вещи подполковника Зайцева – начальника разведотдела одного из полков 201-й МСД, которая дислоцировалась в Кундузе. Судя по тому, что рядом была БРДМ, много гильз, на месте гибели офицера был бой. На этом месте оказались личные фотографии Зайцева, на которых он запечатлен со своей семьей. Потом узнали, что моджахеды его сами похоронили. Смелых людей они уважали и почитали.

А Валера Короленко живет сейчас в Москве. Проблемы со слухом у него так и остались.

26 марта началась операция в Ташкургане, провинция Саманган. И здесь от меня снова отвернулась удача. По приказу генерала В.И. Шляхтина я выехал на блоке вокруг Ташкургана для расстановки личного состава. Вот только отъехать удалось на своем БТРе не так далеко. Бронетранспортер подорвался на мине. Дальше операция, которая, к слову, завершилась успешно, проходила без меня. Водитель и все, кто сидел на броне, получили ранения. Вновь госпиталь.

Снова Бармазит

С 30 августа нас подняли по тревоге вместе с мотоманевренной группой «Мазари-Шариф». Мы выдвинулись в район у кишлака Бармазит: крупная банда моджахедов готовила прорыв через наш блокпост. По данным разведки бандитов было около 300.

Сил в тот момент в группе было маловато. Всего 17 боевых машин на то, чтобы закрыть участок более 13 километров. Получалось, практически одна боевая машина с отделением солдат – на километр.

Мы сразу отметили, что главарь в бандгруппе оказался подготовленным. Он направил основной удар не в том месте, где была дорога и находилась «зеленка», а через пустынную местность. Мы же сосредоточили основные силы как раз в «зеленке».

Вечером моджахеды постреляли, сымитировав попытку прорыва, но атаковать не стали. Пошли они в наступление в другом месте, где у нас было меньше укреплений и сил. Атаковали настырно, невзирая на потери. Мы сразу решили,

Остатки подбитой БМП погранзаставы 2-й ММГ

что бандиты находятся под воздействием каких-то наркотиков. У меня сожгли БМП, 13 человек получили ранения.

Первый раз, когда боевики пошли в атаку на фланге, их удалось отбить. В основном благодаря огню автоматической пушки БМП-2. А через пару часов, как на грех, пушка вышла из строя. Отбивались из башенного пулемета. Но бандиты подобрались поближе и подбили боевую машину пехоты. В БМП попали аж 8 раз из гранатомета!

После первой волны наступления мне приходит с фланга, где был бой, сообщение: идут к вам, встречайте. Я находился в тот момент на своем командном пункте. В моем распоряжении совсем мало было людей и техники. Бензовоз, машина с дизельным топливом, «ЗИЛок» с полевой кухней, мой бронетранспортер «Чайка». Личного состава всего ничего: два связиста, два повара и командир хозвзвода прапорщик Владимир Тумашов.

Стал думать, как отбиваться будем. Тут Тумашов и говорит:

– Товарищ майор, у нас гранат много, забросаем их гранатами.

Командир хозвзвода прапорщик В. Тумашов

– Тащи все сюда, – приказываю прапорщику.

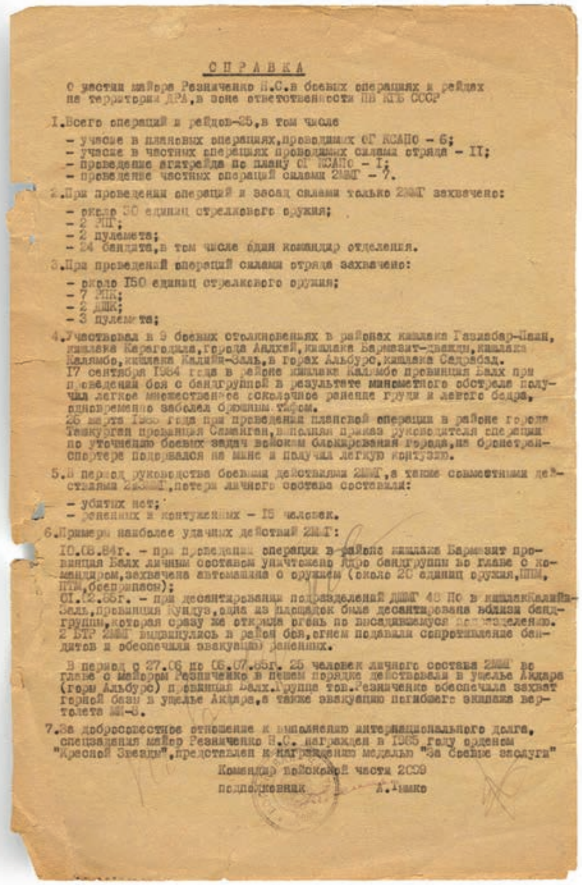
Он подтянул большой ящик с гранатами. Я беру одну из них, а запала к ней нет. Глянул, а все гранаты в ящике без взрывателей.

Тумашов рядом стоит, побледнел:

– Забыл я, – говорит, – взрыватели в мангруппе...

И все же нам повезло. Дело в том, что боевики крайне редко наступали на те позиции, где находились командные пункты или пункты управления, которые можно было определить по торчащим антеннам. Откуда моджахедам было знать, что на КП нас всего шестеро. Увидели антенны и обошли нашу позицию стороной.

И все же, надо правду сказать, бандиты частью своих сил прорвались сквозь наши боевые порядки. Слишком уж их было много, и атаковали они, словно озверевшие.



СПРАВКА

о участии майора Резниченко Н.С. в боевых операциях и рейдах на территории ДРА, в зоне ответственности ПВ КГБ СССР

1. Всего операций и рейдов – 25, в том числе
- участие в плановых операциях, проводимых ОГ КСАПО – 6;
- участие в частных операциях проводимых силами отряда – 11;
- проведение агитрейда по плану ОГ КСАПО – 1;
- проведение частных операций силами 2ММГ – 7.

2. При проведении операций и засад силами только 2ММГ захвачено:
- около 30 единиц стрелкового оружия;
- 2 РПГ;
- 2 пулемета;
- 24 бандита, в том числе один командир отделения.

3. При проведении операций силами отряда захвачено:
- около 150 единиц стрелкового оружия;
- 7 РПК;
- 2 ДШК;
- 3 пулемета;

4. Участвовал в 9 боевых столкновениях в районах кишлака Газибар-Паян, кишлака Карагодила, города Андхой, кишлака Бармазит-дваяди, кишлака Калямбо, кишлака Калийн-Заль, в горах Альбурс, кишлака Садрабад.
17 сентября 1984 года в районе кишлака Калямбо провинция Балх при проведении боя с бандгруппой в результате минометного обстрела получил легкое множественное осколочное ранение груди и левого бедра, одновременно заболел брюшным тифом.
26 марта 1985 года при проведении плановой операции в районе города Ташкурган провинция Саманган, выполняя приказ руководителя операции по уточнению боевых задач войскам блокирования города, на бронетранспортере подорвался на мине и получил легкую контузию.

5. В период руководства боевыми действиями 2ММГ, а также совместными действиями 2и3ММГ, потери личного состава составили:
- убитых нет;
- раненых и контуженных – 15 человек.

6. Примеры наиболее удачных действий 2ММГ:
10.08.84г. – при проведении операции в районе кишлака Бармазит провинция Балх личным составом уничтожено ядро бандгруппы во главе с командиром, захвачена автомашина с оружием (около 20 единиц оружия, ППМ, ПТМ, боеприпасы);
01.02.85г. – при десантировании подразделений ДШМГ 48 По в кишлак Калийн-Заль, провинция Кундуз, одна из площадок была десантирована вблизи бандгруппы, которая сразу же открыла огонь по высадившемуся подразделению. 2 БТР 2ММГ выдвинулись в район боя, огнем подавили сопротивление бандитов и обеспечили эвакуацию раненых.
В период с 27.06 по 06.07.85г. 25 человек личного состава 2ММГ во главе с майором Резниченко в пешем порядке действовали в ущелье Акдара (горы Альбурс) провинция Балх. Группа тов. Резниченко обеспечила захват горной базы в ущелье Акдара, а также эвакуацию погибшего экипажа вертолета МИ-8.

7. За добросовестное отношение к выполнению интернационального долга, специалист майор Резниченко Н.С. награжден в 1985 году орденом "Красной Звезды", представлен к награждению медалью "За боевые заслуги"

Командир войсковой части 2039
подполковник А. Тимко

Справка об участии майора Н.С. Резниченко в боевых операциях

Тахта-Базарский погранотряд. Туркменская ССР

Судьба у Тахта-Базарского пограничного отряда складывалась непросто. Условия службы тяжелые. Отряд закрывал участок границы в 500 километров. Это много. Плюс к этому 12 гарнизонов отряда – в Афганистане. Три с половиной тысячи солдат, 400 офицеров и прапорщиков. Большие проблемы с водоснабжением. Невероятная жара. Желающих добровольно служить в таких условиях не найти. На протяжении 20 лет начальники отряда менялись, как перчатки. Не от хорошей, понятное дело, жизни.

Шел 1987 год. Я служил после Афганистана начальником штаба Каахкинского пограничного отряда в КСАПО.

Ничего не подозревая, служил себе и служил.

Конечно, я даже не мог подозревать, что примерно в это же время между двумя высокими руководителями – командующим Среднеазиатским пограничным округом генералом Владимиром Ивановичем Шляхтиным и начальником Пограничных войск КГБ СССР генералом армии Вадимом Александровичем Матросовым шел разговор, который напрямую касался моей судьбы. Шляхтин сетовал на то, что приходится снимать с должности очередного начальника Тахта-Базарского погранотряда. Надо сказать, что Матросов меня хорошо знал, видел в деле. Он и говорит:

– Есть у меня хорошая кандидатура на этот отряд. Этот офицер отлично себя зарекомендовал в ходе боевых операций в Афганистане...

Есть, что вспомнить… Разговор с главным редактором журнала «Ветеран границы» В.С. Вершининым

Я практически в это самое время остался в своем отряде за начальника. Сижу и размышляю о перестановках в руководстве пограничными отрядами, которые произошли недавно или должны были скоро произойти. Понимал, что меня это тоже может затронуть. Кто-то в академию собрался, кто-то назначался на повышение… Позвонил своему знакомому – тоже начальнику штаба погранотряда. В шутку говорю ему:

– Есть у меня подозрение, что над тобой нависла угроза назначения на Тахта-Базар…

Надо заметить, что все, кто служил в Средней Азии, прекрасно понимали ситуацию и никто не жаждал принять этот отряд. Ходили разговоры, что это самый тяжелый отряд во всех Погранвойсках КГБ СССР. Посмеялись мы, поговорили о службе и жизни. Прошло немного времени, и у меня в кабинете раздался звонок из кадров. Знакомый офицер начал спрашивать о здоровье, о планах на будущее. У меня сразу возникло смутное подозрение, что сейчас разговор коснется чего-то серьезного. Я сам не выдержал и перебил его:

– Мне что, хотят предложить Тахта-Базар?..

– Как ты догадался? Действительно. Матросов уже и добро по тебе дал.

В Москве меня принял генерал армии Матросов. Он похлопал меня по плечу:

– Резниченко, мы многим, кто назначался на Тахта-Базарский отряд, чего только ни обещали: поступление в академию, служебный рост… А тебе, чтобы не сглазить, ничего обещать не будем!

Справился. Я всегда старался хорошо относиться к подчиненным. Никогда никого не оскорблял, находил к каждому человеку свой подход. Люди чувствуют все это, и отношение у них к командиру, к службе складывается соответствующее. Нормальные взаимоотношения и поставил во главу угла. Я, к примеру, никого, за очень редким исключением, не лишал тринадцатой зарплаты. За несущественные проступки строго не наказывал, по пустякам людей не напрягал.

Четыре года я был начальником Тахта-Базарского отряда. Когда уезжал на новое место службы, не скажу, что кто-то из подчиненных плакал, но видно было, что многие сильно переживали и расстраивались. Одна женщина, которая особого отношения к отряду и не имела, подошла ко мне перед отъездом и говорит: «Таких начальников, как вы, у нас еще долго не будет. Такие у нас в Тахта-Базаре раз в сто лет появляются…» К этим словам можно относиться по-разному, но я чувствовал, что так думают многие солдаты и офицеры. Даже жаль было уезжать, но служба есть служба.

Тахта-Базарский погранотряд:
1 ПК (г. Кушка)
2 ПК Мургаб
3 ПК Хумлы
1 ПЗ Зульфагар-2
2 ПЗ Ак Рабат
3 ПЗ Ислим-Чешме
4 ПЗ Полтавская
5 ПЗ Медесан
6 ПЗ Моргуновская
7 ПЗ Фисташковая
8 ПЗ Тарашек
9 ПЗ Караул-Хана
10 ПЗ Меручак
11 ПЗ Гель-Чешме
12 ПЗ им. Поскребко
13 ПЗ Хумлы
14 ПЗ Солнечная
15 ПЗ Тахта-Базар
1 ММГ Карези-Ильяс
2 ММГ Чакав
3 ММГ Карабаг
4 ММГ Калайи-Нау
5 ММГ Кайсар
6 ММГ Баламургаб
Минометный дивизион
КПП «Кушка»
Автовзвод – Кушка
Три роты подвоза
Авторота
Рота связи
Инженерно-саперная рота
Более 3500 человек личного состава…

***Рыбак Владимир Эдуардович** (р. 15.07.1951), заместитель начальника научно-координационного отдела Академии ФСБ России, полковник, кандидат философских наук. Участник боевых действий в Афганистане в 1983–1989 гг. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».*

В центре внимания всегда были люди

Партийно-политическая и воспитательная работа в спецподразделениях пограничных войск, находившихся в ДРА, была основана на классических формах и методах, но, безусловно, имела свою специфику. Основой этой деятельности, конечно, была кропотливая индивидуальная воспитательная работа с военнослужащими. Следующая составляющая – это воспитательное воздействие с использованием всех имеющихся сил и средств. Огромное значение имела форма воспитания на реальных боевых примерах из практики проведения спецопераций.

Начало этой работы положил опыт проведения крупных сборов военнослужащих, прибывающих для плановой замены на «загранобъекты».

Один из таких крупнейших сборов проводился в 1985 году на базе учебного центра Термезского погранотряда. Личный состав прибыл из различных округов. Руководили этими сборами офицеры, непосредственно участвующие в боевых действиях. Основным руководителем сборов был назначен Н.С. Резниченко, в то время начальник одной из самых боевых оперативных групп. Мне посчастливилось работать с ним в качестве заместителя. Почему посчастливилось? Просто работа всех офицеров по боевому слаживанию и подготовке к замене в ММГ проходила в абсолютно дружелюбной деловой обстановке, и в этом была огромная заслуга Николая Семёновича, который при всей своей требовательности и взыскательности внимательно мог слушать и своих подчиненных. С каждым прибывшим военнослужащим проводились беседы, изучались личные документы. Нацеленность у людей служить в спецподразделениях была твердая. Когда на мандатной комиссии кто-нибудь не получал такой возможности, это была личная трагедия для многих. Причины отвода были разные: единственный сын, неполная семья, больные родители и др. Поэтому, когда я слышал где-то досужие домыслы, что в Афганистан отправляли даже не спрашивая, отвечал, что в погранвойсках этого не могло быть.

В этот же период руководством было принято решение в целях более качественной подготовки военнослужащих, прибывающих для замены, создать специальный учебный центр на базе Керкинского отряда. Начальником учебного центра был назначен Н. Ромашин, а я его заместителем. За короткое время создали приличную материальную базу: классы для теоретических занятий по боевому обучению, реконструировали стрельбище. Оформили даже кабинет для обучения формам и методам партийно-политической работы в боевых условиях. Стенды и учебные материалы по действиям в различных видах боевых действий: на марше, в боевом охранении, засадах, при проведении спецопераций... Политработники, команди-

ры и личный состав получали в ходе подготовки самые различные знания и информацию, вплоть до норм довольствия, существующих льготах, целях и задачах, стоящих перед контингентом погранвойск, прикрывающих государственную границу в зоне ответственности.

В ходе партийно-политической работы на «загранобъектах», наряду с другими формами, много внимания уделялось наглядной агитации, выпускам стенгазет, боевых листков. С их помощью солдаты и офицеры информировались о боевых примерах, лучших специалистах, внутренней жизни и интересах личного состава ММГ и ДШМГ. Несмотря на особые условия жизни, в подразделениях активно проводилась культурно-массовая и спортивно-массовая работа, в короткие промежутки времени удавалось провести соревнования по командным видам спорта (футбол, волейбол).

В последующие годы, когда я работал в управлении войск КСАПО в должности начальника отделения организационно-партийной работы, мы регулярно обобщали полученный опыт, проводили сборы и семинары, выпускали тематические сборники, стараясь найти все лучшее. Конечно, главным объектом внимания оставались люди, их успехи и, порой, неудачи. Представление к награждению орденами и медалями сотен офицеров и солдат, оценка их заслуг также было одной их важнейших составляющих нашей работы.

Заместитель начальника учебного центра спецназначения подполковник В.Э. Рыбак получает медаль «За боевые заслуги». Вручает награду начальник оперативной группы ГУПВ по Республике Афганистан генерал-лейтенант Г.А. Згерский. На заднем плане – подполковник А.И. Рогов, начальник Керкинского погранотряда

Пресняков Александр Алексеевич (р. 28.10.1955), начальник отдела Южного управления ПВ Украины (г. Одесса), полковник. Участник боевых действий в Афганистане в 1981–1989 гг. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отличие в охране государственной границы СССР».

Вспомнив опыт фронтовиков

В мае 1983 г. наша 1-я ММГ Термезского погранотряда (Мазари-Шариф) принимала участие в проведении боевой операции западнее г. Шибаргана провинции Фарьяб. 28 мая операция была закончена, и ММГ начала выдвижение на место постоянной дислокации по маршруту Шибарган – Мазари-Шариф. Я – командир минометной батареи, находился в головной машине батареи, которая следовала за противотанковым взводом. В районе кишлаков Тимурак и Пиаскар ММГ попала в засаду. Душманы бандформирования Кали Кудуса, пропустив разведвзвод и саперный взвод, подорвали на управляемом заряде КШМ оперативной группы, в которой находился начальник ОГ подполковник Баранов, после этого еще двумя выстрелами из РПГ поразили КШМ и начали расстреливать машины ММГ из стрелкового оружия и гранатометов. В центре боестолкновения оказались саперный взвод, КШМ ОГ, противотанковый взвод и минометная батарея. Заставы на БТР и БМП в колонне шли за батареей и пострадали меньше, учитывая еще и то, что в основном личный состав этих подразделений был зачищен броней.

В первые минуты боя в моей батарее был убит командир 1-го расчета и ранены 8 солдат и сержантов. Слева и справа от дороги проходили глубокие арыки, и нам удалось, несмотря на сильный огонь, развернуть в них 2 миномета. Мы открыли огонь по тем целям, которые я определял сам. По истечении некоторого времени по радиосвязи мне сообщили, что сильный огонь ведется из-за дувалов в районе разрушенных зданий кишлака. Дальность до этой цели составляла 30–50 м. Минимальная дальность стрельбы 120-мм минометов на первом заряде – 480 метров. Я принял на себя ответственность и, несмотря на категорический запрет, дал команду на открытие огня на вышибном заряде. Нам повезло – мины попали точно в цель. Насколько я знаю, это второй случай в истории применения миномета в боевых условиях при стрельбе по реальной цели на вышибном заряде. Первый случай был описан со слов ветерана Великой Отечественной войны.

В декабре 1983 года из-за непогоды была отложена операция по взятию базы боевиков, расположенной в кишлаке Мармоль, и была проведена другая операция в Балхской провинции. В этой операции участвовал и я. Банда Кали Кудуса (лысого Кудуса) была полностью уничтожена, а сам он был взят в плен и отправлен в Кабул.

Трофеи

Улеватый Олег Витальевич (р. 26.05.1954), начальник ЦОПИ ФСБ России, полковник, заслуженный пограничник Российской Федерации. Участник боевых действий на территории Республики Афганистан в 1983–1987 гг., имеет ранения. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалью «За отвагу».

Мармольская операция

Я прибыл в Пянджский пограничный отряд 28 июля 1983 г. на должность начальника инженерного отделения (потом должность была переведена в разряд инженерной службы). О том, что такое Средняя Азия, говорить не буду. Пяндж оказался уютным городком, весь в чинарах, соснах, тутовниках, с асфальтированными дорогами, по бокам которых в арыках журчала вода. Вокруг хлопковые поля, виноградники, в тени которых хоть чуть-чуть чувствуешь относительную прохладу.

В отряде принял дела, съездил на установочные курсы в Бахарден, и служба началась. Необходимо было осуществлять инженерное обеспечение действий наших подразделений на территории Афганистана: проводка транспортных колонн, участие в операциях в зоне ответственности и силами пограничного отряда.

Приближался к концу 1983 г. В отряд пришла шифротелеграмма с вызовом меня для участия в операции в зоне ответственности Термезского пограничного отряда (это то, что потом стало известно как Мармольская операция). Прибыв в Термезский пограничный отряд, зашел в оперативную группу, нашел руководителя по инженерным вопросам операции майора Игоря Михайловича Белова. Он меня проинформировал о предстоящих действиях, познакомился с обстановкой, поговорили о последних новостях, о военно-инженерной академии, которую он, как и я, окончил.

В дальнейшем вылетел в мотоманевренную группу, дислоцирующуюся на территории Афганистана, наш базовый центр по подготовке к операции. Там уже кипела работа, прибывали подразделения, в том числе и наши инженерные. Прибывала и инженерная техника. Начали вести подготовку к будущим действиям.

Сформировали инженерные группы из состава инженерно-саперных взводов мотоманевренных групп, инженерно-саперной роты отряда. Надо сказать, что саперы,

В период затишья (во время проведения отрядной операции, осень 1983 г.). Слева направо: Олег Улеватый, Иван Царенко, Видади Бадалов

включенные в состав инженерных групп, уже имели боевой опыт.

Основными задачами инженерных групп были: на этапе выдвижения группировки войсковых сил в район операции – инженерная разведка маршрута выдвижения, поиск, обнаружение и уничтожение минно-взрывных заграждений противника; на этапе ведения боевых действий – инженерная разведка местности и противника на направлениях действий войсковых сил и непосредственно в районе внешнего оборонительного пояса противника, поиск и уничтожение минно-взрывных заграждений противника, в том числе пунктов управления МВЗ; разминирование местности и объектов в районах сосредоточения (расположения) подразделений; поиск и уничтожение схронов, складов с оружием.

Сказать, что мы были обеспечены всем, значит слукавить. Не хватало не только ножей саперов, но и много чего другого.

Для укомплектования саперов ножами мы были вынуждены «конфисковать» в общей столовой маневренной группы обеденные ножи (прости меня, начальник ПФС). Заточили их, обмотали ручки толстым слоем изоленты (кстати, это повторилось и при проведении операции на Куфабе). Из-за отсутствия специального снаряжения для передвижения в горах мы изготовили три веревочные лестницы длиной по 50 м (причем перекладинки был изготовлены из колышков для противопехотных мин ПОМЗ, благо их было навалом), костыли для забивки в скальный грунт для каждого сапера. Весь личный состав, включая командира группы, имел скрутки капроновых канатов длиной по 50 м.

С большим трудом достали несколько поясов монтажников, пожарные шланги, из которых изготовили удлиненные заряды, набитые аммонитом. Испробовать эффективность удлиненных зарядов в поле мне категорически запретил один из офицеров инженерного отдела. На вопрос: «Почему?» ответ: «Я вам запрещаю». Опять же: «Почему запрещаете? Не вам же идти в бой, а мне. И я должен

знать, что и почему». «Запрещаю и все». По прошествии многих лет теперь я могу сказать, что эти «наблюдающие» офицеры, включенные в состав оперативной группы для так называемого взаимодействия, больше мешали, чем помогали. Результаты моего наблюдения за ними показали: на этапе подготовки к операции они – серьезные военные стратеги (планов – громадье); на этапе ведения боевых действий – молчаливые скромные наблюдатели; после выполнения боевой задачи они – Рэмбо.

Всех своих рядовых саперов знаю по фамилии и имени. Крепкие, рослые парни, имели боевой опыт, несмотря на то, что еще молоды. В общем, боевое слаживание провели успешно.

Перед выходом войсковых сил, как это заведено, вдохновенное и воодушевляющее слово офицера политических органов – это полковник А.И. Малец. Вдохновил. Воодушевил. Нацелил... Полный позитив. Кстати, для выполнения своих специальных задач у него также была спецмашина – звуковещательная станция на базе БРДМ.

После – краткая информация руководителя по инженерным вопросам Игоря Михайловича Белова. И по машинам.

Перед выходом на операцию. Слева направо: прапорщик Володя Киреев (мой зам. по боевой группе, в дальнейшем трагически погиб), я. На заднем фоне моя боевая группа. Мармоль, 1984 г.

Начали выдвижение. На перекрестке дорог к нам присоединились машина разграждения БМР, танк и афганские саперы. Прошли аэродром, позиции «Градов», начали втягиваться в горы. Мои саперы внимательно осматривают впереди дорогу.

Наша колонна с осторожностью, готовая в любой момент к действиям, входит в каньон. До места назначения дошли без приключений, за исключением того, что звуковещательная станция подорвалась на мине. Все живы. Но ситуация анекдотичная. К подорванной машине сзади подходит политработник А.И. Малец. Его не видит водитель БРДМ, который пинает колесо и со злостью говорит: «Ну что, договорилась!». Правда слово «договорилась» было сказано им на международном языке, понятном для всех наций и народностей СССР. Полковник А.И. Малец так и опешил. Потом ребята говорили, что он так возмущался на командном пункте: «Представляете, водитель сказал – «договорилась». На что руководитель операции невозмутимо ответил: «Ну, договорилась, значит договорилась». Кстати, тоже на международном языке и без акцента.

В общем, начало операции успешное. Потерь нет. БРДМ потом восстановили. Но «говорить» она уже больше не говорила.

Прибыв в район назначения, бронегруппа расположилась в нескольких километрах от входа в основное ущелье. Моя инженерная группа, в составе которой был старший прапорщик Владимир Киреев – старшина инженерно-саперной роты Термезского пограничного отряда, расположилась в одном из «карманов» каньона. В первую очередь инженерная группа и саперы подразделений прикрыли сигнальными минами места расположений. Поднявшись на сопку, мы увидели отрытые в полный профиль траншеи с окопами. Все дно траншей было усыпано толстым слоем пустых гильз. Мы знали, что до нас армейцы пробовали заходить в ущелье, и они понесли большие потери. Я представляю, какие здесь шли бои. Жалко погибших ребят.

Володя Киреев с двумя саперами на этом направлении прикрыл сигнальными минами подступы к району расположения бронегруппы и нашей инженерной группы, где также расположилась и машина ремонта инженерного вооружения.

Впереди инженерной группы расположились танкисты. Перед нами на противоположной стороне ПКП в каком-то фургончике, чуть левее от них связисты. Справа, ближе к входу в ущелье, – боевые группы. Ну а тыл, как положено, в тылу.

Начали проверку местности. Вроде тихо. Моих саперов обгоняет армейский ЗИЛ-131. Зашел на старую колею. Взрыв. Отлетело левое колесо, водитель с ошалелыми глазами, живой, но контуженный вылетел из кабины. Подрыв на противотранспортной мине. Подскочили санитары, водителя в ПМП. Наши саперы проверяют всю местность на наличие мин. Работают по разбитым квадратам, активно используются минно-розыскные собаки.

Иду позади одной из групп, так легче управлять, видно всех. Боевое охранение на господствующих высотах, справа, слева усиленно ведут наблюдение. Впереди меня в своем квадрате остановился сапер с миноискателем. Это Саша Малыгин, для него это первый выход на операцию. Прислушиваясь к головным телефонам, покачивая миноискателем влево-вправо, по максимальному тону определяет границы обнаруженного металлического объекта. Достал флажок и воткнул рядом. Интересно, что минно-розыскная собака прошла мимо. Ранее здесь шли горячие бои, то и дело встречаются пустые

Уничтоженная техника армейцев в Мармольском ущелье (после проведения ими операции в данном районе). Фото сделано после разминирования ущелья

После ранения, август 1987 г.

гильзы от автоматов, артиллерийских снарядов, ящики из-под взрывчатки. Запахи сбивают собаку с направления. Ни о каком верхнем чутье не может быть и речи. Инструкторы, словно зная это, готовы сами ползать на коленках вместе с собаками, обнюхивать землю и двигаться галсами по маршруту.

На каждом шагу встречаются металлические гвозди, саперы с щупами проверяют каждый квадратный метр, с большим вниманием и подозрением реагируют на каждый тональный писк в телефонах миноискателя.

Саша Малыгин, поставив флажок, обернулся, найдя меня глазами, кивнул головой на флажок. Разговор происходит на уровне глухонемых, жестами.

Здесь, возможно, фугас. Большая площадь. Усиление тонального сигнала.

Я киваю ему головой, подхожу, беру у него наушники, миноискатель и слушаю сигналы при покачивании поисковым элементом над объектом. Явственно слышу четкое усиление сигнала. Площадь примерно 1,5 квадратных метров. Вспоминаю, что при ориентировании нас разведчиками было указано на возможное применение бандой управляемых фугасов по проводам, усиленных вдобавок противотранспортными, противотанковыми минами, установленными на неизвлекаемость.

Бросил взгляд на район поиска, группы работают на безопасном расстоянии, где-то слева афганские саперы, но до них далеко, приказываю Саше Малыгину отойти по разведанной полосе назад в безопасное место. Опустившись на колени, штык-ножом аккуратно начинаю копать землю, выгребая ее руками. В образовавшейся канавке пальцами ощутил округлый предмет. Расширяю канавку и вижу темно-серый корпус авиабомбы. Фугас. Не забытый, не пропавший какой-то предмет в хозяйстве дехканина, а именно фугас.

Расширяю канавку, обнажая край фугаса, вижу двухжильный провод, уходящий под фугас, а другим концом – по направлению к входу в ущелье. Аккуратно перерезаю провод, жилу за жилой. Ладони рук вспотели, незаметно касаюсь ими дорожной пыли, песка, чтобы как-нибудь высушить. Волнение, напряжение...

Продолжаю расширять зону обнаружения фугаса. И как молния пронзает все мое сознание – обнаруживаю ребристый край желтовато-серого цвета противотанковой мины TS-6.1, а я коленками стою на нажимной крышке. Прекрасно понимаю, что если что-то пойдет не так, то я разлечусь на атомы.

Опершись на землю ладонями, переношу на них тяжесть тела, приподнимаю и медленно раздвигаю колени ног. Мина стоит посередине фугаса. Встаю, делаю несколько шагов назад, оборачиваюсь и вижу Сашу Малыгина, который наблюдает за мной из-за укрытия. Жестами показываю, чтобы доложил на ПКП, что здесь управляемые фугасы. Значит банда в ущелье. Саша по радиостанции докладывает на ПКП. Группы отошли на безопасное от меня расстояние.

На ПКП уже знают о находке. Ко мне подбегает фотограф с представителем Центра полковником В.Н. Волковым. Он просит, чтобы я присел около фугаса и по-

Противопехотные мины TS-50 (Италия), захваченные на базе банды в районе Сари-Джуя

казал, как я работаю. Делается несколько снимков. Фотосессия закончилась. Осматриваю то, что откопал. Археолог. Делаю подкоп под миной и вижу второй провод, уходящий вниз, куда – не знаю.

Подкапываю чуть дальше противотанковой мины и в осыпавшейся кромке вижу еще одну мину под фугасом. Картина вроде становится ясной. Вся система задумана против саперов. Если бы они попытались чего-нибудь здесь сдвинуть, беды не миновать. Ничего себе, думаю, накрутили.

Даю команду бойцу на подготовку к подрыву фугаса. По радиостанции предупреждаю всех наших. Афганские саперы, любопытные, несмотря на предупреждающие жесты, улыбаются, смотрят. Наши их отогнали. Заложили заряд, все отошли в безопасное место. Саша Лодыгин стреляет сигнальной ракетой вверх. Белые звездочки разлетаются в небе.

Мелькнула в голове мысль, если имеются провода, то фугас, возможно, как-то связан и с другими фугасами. Сколько же проводов пришлось банде закапывать в землю, если они устанавливали фугасы! Что делать дальше? Можно подсоединиться к проводам и взорвать остальные фугасы, зная, что их нелегко будет найти среди этого хаоса металлосодержащих предметов. Да и банда, если она здесь, не даст времени на передышку. А если ее здесь нет, значит, скоро здесь будет. После первого взрыва здесь скорее всего будет очень жарко. Надо действовать быстро.

Мысль о подключении к фугасу источника питания и приведении его в действие мгновенно отогнала другая, более трезвая мысль. Из установки фугаса видно, что его устанавливал специалист. И он, видимо, учел опыт предыдущих боев. Не исключена возможность установки фугасов или групп мин и под местом нашего расположения. А если это так, то при приведении фугаса в действие может взорвать и остальные мины. Значит надо работать не спеша и надежно. Проверять все.

В период проведения операции на участке отряда в зоне Чичка – Минчикур. На фото: О. Улеватый, Коба, И. Царенко, Н. Кофтун и др.

Дергаю чеку ЗТП-150 (зажигательной трубки), отхожу, через пару минут сильнейший удар, словно грохнули молотом по земле. Султан поднятой земли, завеса пыли. Посмотрели на воронку от взрыва – БТР поместится. Все. Все живы. День подходит к концу. Начало смеркаться. Холодно. Инструкторы вместе с минно-розыскными собаками залезли в спальные мешки. Проходишь мимо них, смотришь, торчит голова собаки, а рядом с ней – голова инструктора. Можно только умиляться.

Очень холодно. И согреться хочется, и обсушиться. Подхожу к танкистам. Спрашиваю:

– Ребята, пустая гильза есть?

– Нет. А зачем тебе?

– Печку сделаю.

– Погоди.

Смотрю, башня чуть подвернулась в сторону ущелья. Выстрел. Вылетает гильза. Я ее подхватываю и у вылезающего танкиста спрашиваю:

– А солярку дашь?

Опять прозаический вопрос:

– Зачем тебе?

– Печку топить буду.

В общем, получил и гильзу, и солярку. Бойцы к этому времени выкопали яму в месте расположения группы. Пробили две дырки в гильзе, залили солярку, бросили бумажку, подожгли. Через минуту гильза раскалилась докрасна, печка наша раскочегарилась (в войсках такие печки называли «полярисами», наверно из-за специфического звука при горении топлива, напоминающего гул турбины).

Согрелись. Разогрели тушенку в банках, поужинали.

К нам молча подошли танкисты. Посмотрели, ушли. Выстрел. Звон гильзы. Стук молотка. Дурной пример заразителен. Мастерят печку.

Ночью «Грады» утюжат ущелье. Взлетают осветительные мины,

Разминирую фугас (противотанковая мина TS-6,1 и 250-килограммовая авиабомба) во время проведения операции в Мармоле, 1984 г.

минометчики ведут беспокоящий огонь по ущелью. Слышны разрывы, шум падающих камней.

Обзор и поиск целей ведут наши радиолокационные станции наземной разведки. В ночном небе ярко мерцают звезды. Идет смена часовых боевого охранения. Пытаюсь залезть в спальник первого размера, при своем росте 190 см. Залез, скрючился, вроде сплю. Я у тыловиков ножи столовые конфисковал, а они мне спальник первого размера подсунули. Поквитались. Рядом автомат, жилет с магазинами на мне. Ночь прошла спокойно, если не считать, что у крайних машин боевого охранения сработали сигнальные мины, стрелки огнем проработали участок. Потом – тишина.

На следующий день моя группа начала поиск мин на дороге, ведущей к входу в ущелье. Со мной один БТР, который движется позади нас. Оператор-наводчик КПВТ крутит башней по сторонам. Афганские саперы далеко позади нас, работают влево и вправо от дороги. Перед входом в ущелье то там, то здесь стали попадаться вбитые колышки от противопехотных мин, образующие периметры квадратов. Почти каждый колышек в углу квадрата. Что это? Ни с того ни с сего колышки не могут так стоять. Даю команду проверить по середине квадратов, на пересечении диагоналей и по продолжении диагоналей, которые параллельны склонам ущелья, там, где колышков нет.

Есть первый фугас. Облегчая себе поиск, саперы по найденному и перерезанному проводу двигаются вдоль него и обнаруживают еще фугас, далее – противотанковую мину. Так и пошла работа. Внезапно один сапер рядом с фугасом находит две противопехотные мины TS-50. Далее все повторилось. Обнаруженная система минирования была похожа на НАТОвскую систему, когда вокруг противотанковой мины или фугаса устанавливаются противопехотные мины против саперов. Вскоре картина была ясна. Система минирования перед входом в ущелье заключалась в создании заградительного рубежа из управляемых мин и фугасов. Пульты управления находились на высотах, в защищенных местах как от наблюдения, так и стрелкового огня.

Саперы обозначили все обнаруженные фугасы и мины, но взрывать их мы не стали. На данный момент это была бы потеря времени, кроме того, неизвестно, находятся бандиты в самом ущелье, на скалах или нет. Если бы мы начали взрывать перед входом эти фугасы и если бы банда была на скалах, то от моей группы ничего бы не осталось. Бандиты просто расстреляли бы нас, не допустив к разминированию этого участка. Поэтому мной было принято решение только обозначить обнаруженные фугасы и мины.

Единственное направление, позволявшее выдвинуться бронегруппе войсковых сил САПО (мотоманевренная группа на БМП и танковый взвод 40-й армии, пехотный батальон ДРА), к базе противника, проходило по ущелью, в котором имелись разветвления, узкие коридорные участки средней протяженности с вертикальными отвесными стенами.

Рельеф местности у входа в ущелье представлял собой естественную природную крепость: узкий вход шириной до 15 м, протяженностью до 250 м и высотой скальных стен до 300 м, а дальше горная тропа, переходящая на равнине в узкую дорогу.

Перед входом в ущелье противником были установлены как управляемые, так и неуправляемые минно-взрывные заграждения, преимущественно из противотанковых и противотранспортных мин типа TS-6,1, TS-2,5, DM 11, а также фугасы из 120-мм минометных мин и авиабомб (250 кг). На подступах к скальным стен-

Момент боестолкновения с бандой на Сари-Джуе. Команда «К бою!»

кам, на осыпях бандитами были установлены противопехотные мины типа ПОМЗ 2М, вокруг фугасов – TS 50, ПМН. Для прикрытия подступов к ущелью на скальных ярусах, на высотах от 25 м до 200 м, противником были оборудованы долговременные огневые точки. На некоторых из них находились пункты управления МВЗ. Непосредственно вход в ущелье прикрывался двумя огневыми точками.

Связался по радиостанции с моим БТР. Группа с осторожностью втянулась в ущелье, предварительно разбившись на две подгруппы. Если считать со мной, то в группе было семь человек. Идем уступом. Я со своими бойцами двигался чуть впереди, по левой стороне ущелья. Володя Киреев со своими позади, с правой стороны ущелья. Идем тихо, наши шаги заглушает журчание ручья. Даже если банда находится здесь, то наши шаги они не могут услышать. Показываю жестами Кирееву, мол, посмотри наверх. Он поднимается осторожно наверх. Через несколько минут машет мне рукой, мол, поднимись. Оставив внизу трех бойцов для наблюдения, также поднимаюсь вверх по «проторенной тропе». Смотрю, мы находимся у пульта управления. Простой ящичек с торчащими проводами, рядом комплект батарей. Сзади натоптанная дорожка, уходящая в скалы. Мы по ней дошли до поворота – здесь недавно кто-то был… И это после налетов наших «Градов» и огня минометных батарей? Ни кровинки, ни следов использования перевязочных материалов. Ничего.

Мы с Володей Киреевым переглянулись, прислушались, осмотрелись, спустились вниз. Приняли решение идти дальше по ущелью. Я сказал саперам, чтобы пометили обнаруженные мины и фугасы. На обратном пути уничтожим. Идем дальше. Вдоль левой стороны различные пристройки, зияют темными отверстиями приоткрытые люки, как будто приглашая посетить. Ну и посетили их. Хорошо, что мы уже знали про уловки «духовских» подрывников. На торце дверки и рамы во входы в схроны обнаруживаем прибитые металлические пластины. Вдоль рамы вниз уходит провод, а около него в тряпочке батареи и самоделка в виде коробки с взрывчаткой и вставленным электродетонатором. Все поснимали. Весь схрон забит сухими лепешками. Ничего искать не стали, вышли и пошли дальше по ущелью. На каждом шагу схроны, люки. С левой стороны стоят сожженные, изуродованные взрывами, простреляннные остовы автобуса, самосвала, нескольких грузовых машин, почти целый мотоцикл с коляской. Рукой всем показываю на этот металлолом, машу указательным пальцем из стороны в сторону и качаю головой. Это понятно – «не трогать». Ладонями показываю снизу вверх – «заминировано, взрыв». Киреев утвердительно кивает головой, оборачивается к нашим саперам и показывает на изуродованную технику.

Жестами показываю Кирееву, мол, постарайся не стрелять, а если обнаружишь боевиков, то работай ножом. Прошли еще один участок, обнаружили еще фугасы и мины, провода шли дальше по ущелью,

Один из схронов боевиков в Мармольском ущелье, январь 1984 г.

С боевыми друзьями. Слева направо: С. Белов, О. Улеватый, Н. Лукашов, Ю. Лапушко

разветвляясь. Одна из ветвей поднималась на скалу и дальше обрывалась. Видимо на этом участке осколки от огня нашей артиллерии перебили провода.

Дорога стала подниматься вверх. Надо было принимать решение, что делать дальше. Вроде бы ущелье прошли, но что впереди? Ведь там Мармоль – главная база банды.

Время 16.00. Связываюсь по радиостанции с ПКП – тишина. Принимаю решение идти дальше. Если бы началась перестрелка, то мы бы ее услышали и, может быть, повернули назад, к базе. Но пока тихо. Посовещавшись с Володей Киреевым, дал указание всем бойцам считать пары шагов, достал блокнот, нарисовал примерную схему ущелья, расположение фугасов, мин, возможные места минирования, огневые точки, места управления МВЗ.

Обследовали пещеры справа от тропы. Обнаружили теплый источник воды, родник. Дошли до окраины Мармоля. Подошли к крайнему дому. Тишина. Ни одна собака не залаяла.

Наступили полные сумерки. В темноте, почти вслепую, дописал схему, бойцам еще раз напомнил про счет пар шагов.

Примерно в 24.00 подошли к ущелью. Проверяю личный состав. Все на месте. Даю команду расположить заряды на фугасах и минах. Удивительно, но мы быстро нашли все обнаруженные фугасы и мины. Взрывчатки не жалеем. По готовности зарядов даю команду на приведение их в действие. Саперы приводят в действие все зажигательные трубки. Бегом выходим из ущелья. Наш бедолага БТР стоит, оператор-наводчик крутит башней. Саперы запрыгивают на броню. БТР срывается с места и несется в сторону базы. А я думаю, что сейчас творится на ПКП. Связь потеряна, сейчас пойдут взрывы, думай, как хочешь. Обстановка нервозная, разведданных о наличии банды в ущелье, минировании ущелья и всего маршрута до Мармоля на тот момент не было. Одна была надежда на сообразительность Белова.

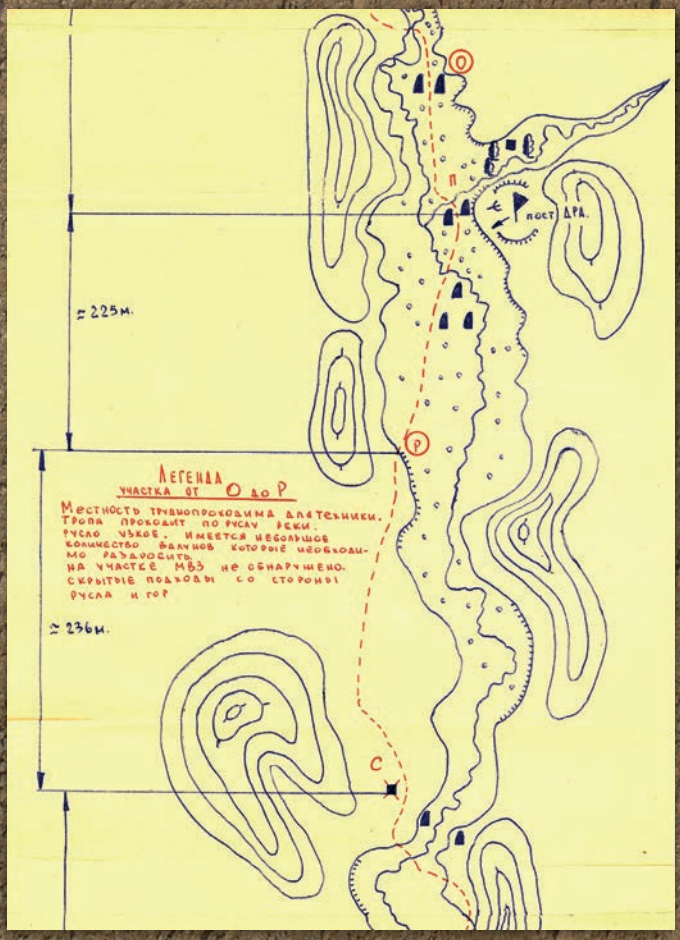
Беспрестанно начинаю вызывать ПКП. Ответа нет. И тут пошли серии взрывов. Считаем – один, ... два, ... четыре, ... шесть, ... десять, ... шестнадцать, ... восемнадцать, ... двадцать... Впереди мелькают два огонька. Это на БТР несется к нам полковник Белов с резервной группой. Останавливаемся. Белов спрашивает, что да как. Докладываю ему результаты разведки, про потерю связи, фугасы, мины, систему минирования, маршрут до Мармоля... И.М. Белов дает указание представить ему через 15 минут результаты разведки со схемой.

Добрался до района расположения нашей группы, а там уже наш резерв подготовил нам ужин и запустил «поларис». Пока бойцы ужинали, мы с Володей Киреевым составили схему. Получилось, мы обнаружили более 30 управляемых фугасов (из 120-мм мин и 250-килограммовых авиабомб), два пульта управления МВЗ, 25 противотанковых мин, более двух десятков противопехотных мин, склады с боеприпасами и продовольствием.

Дошел до ПКП, отдал схему-легенду. И.М. Белов доложил наверх руководителю операции наши результаты. Работа была оценена, как он мне сказал тогда, на отлично. Была дана команда «добро» на выполнение основной задачи второго этапа.

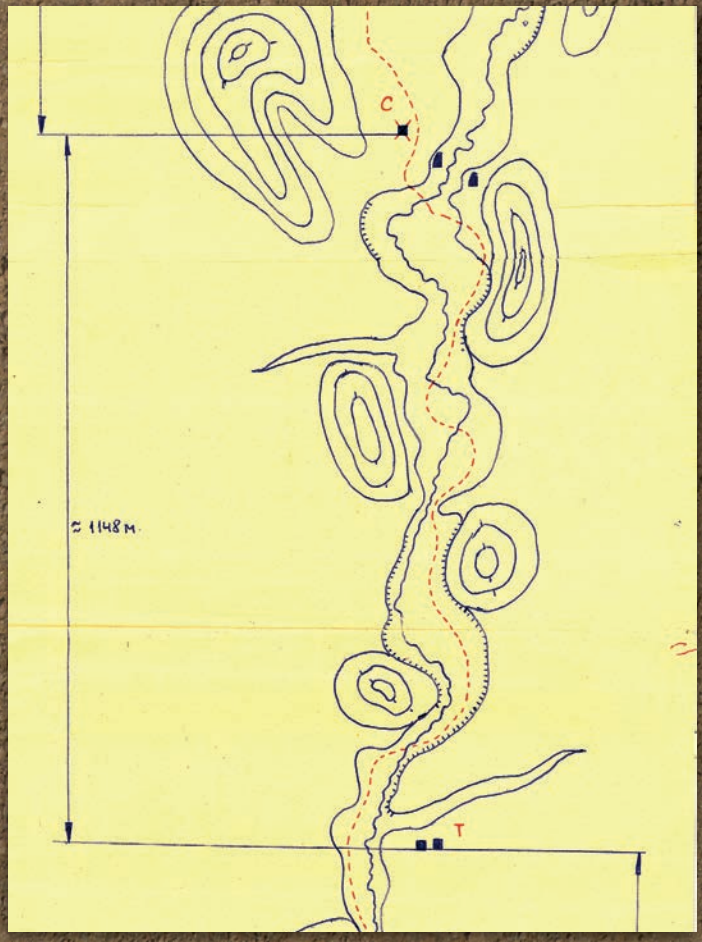
Утром наши силы начали вход в ущелье. Работали все подразделения. Обнаружили еще фугасы, установленные в расселинах скал, схроны, боеприпасы, оружие. Противотанковые мины и фугасы, которые обнаружила моя группа, но которые мы не успели взорвать, были уничтожены танком с тралом.

На следующий день был осуществлен ввод бронегруппы в район базирования. На этом этапе, командуя инженерной группой, я участвовал в непосредственном инженерном обеспечении ввода войсковых сил в район предназначения (Мармоль), инженерной разведке, оборудовании пути движения войск путепрокладчиком БАТ-М. Там же у меня произошла



Легенда
участка от О до Р

Местность труднопроходима для техники. Тропа проходит по руслу реки. Русло узкое. Имеется небольшое количество валунов которые необходимо раздробить. На участке МВЗ не обнаружено. Скрытые подходы со стороны русла и гор



Легенда
участка У – Х

Местность труднопроходимая. Тропа поднимается на косогор. Грунт суглинистый с каменистыми включениями. Превышение h тропы над руслом ≈ 25м. Начало косогора в (·) У, конец в (·) Х дальше 150м ÷ 200м. Угол наклона косогора (тропы по косогору) ≈ 15° max 20°. Тропа вьючная. Ширина тропы 2 ÷ 2,5м. Необходимо произвести взрывные работы и срезание косогора путепрокладчиком БАТ-М. МВЗ не обнаружено. Скрытые подходы со стороны гор, в точках Ф.

Легенда
участка Х – Ц

Местность проходимая. Тропа идет по ущелью. Ширина ущелья min 15м. max 25м. Грунт каменистый. Необходимо произвести подрывные работы по дроблению отдельных камней и расчистку местности от камней, профилировку дороги. МВЗ обнаружены при подходе к ущелью (~~фугасы авиабомбы~~), в ущелье (ПТМ, ПТРК, фугасы). МВЗ уничтожено. Выявленные управляемые фугасы, пульты управления уничтожены вместе сохраной !!! !!! Скрытые подходы со стороны осыпей.

Легенда
участка Ц – Ч

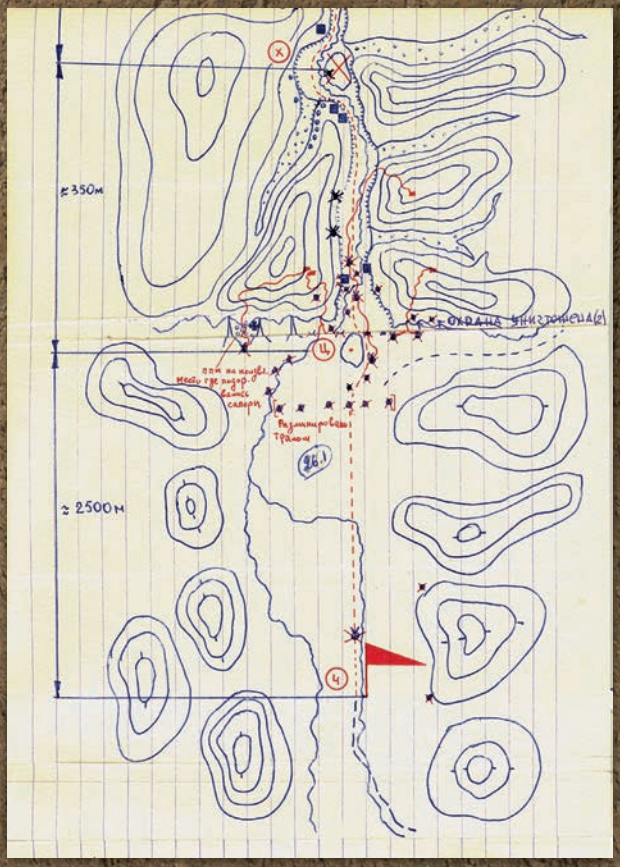
Местность проходимая для всего вида техники. МВЗ уничтожены танком с тралом КМТ-5. Отдельные ПТМ, управляемые фугасы уничтожены группой разминирования. !!! Скрытые подходы со стороны гор.

Молодцы

МАРШРУТ – 4 ИСТ. ПОТЕРЬ НЕТ.
ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ МАРШРУТА
БАЗА — МАРМОЛЬ ≈ 9300м. (9296)

УНИЧТОЖЕНО: 33 фугаса (250-кг авиабомбы) 25 – ПТМ; 4 – мини ловушки; более 20 ППМ; 2 склада с боеприпасами; система управления МВЗ.

Командир группы разведки и разминирования
капитан: = Улеватый =



встреча с инженерной группой старшего лейтенанта Александра Городилова. Войсковые силы вошли в район предназначения в срок и без потерь.

Затем я прибыл на КП, доложил Ивану Михайловичу Коробейникову. Он посмотрел на меня небритого, бородатого и дал команду – в баню и сбрить бороду. Потом была теплая землянка, «спасибо» от Ивана Михайловича за моих саперов. Инженерная группа не только скрытно разведала весь маршрут, но и разминировала основной проход в ущелье, чем обеспечила в дальнейшем успех выполнения боевой задачи основными силами без потерь.

В последующем я попрощался с бойцами, с Володей Киреевым и с колонной техники убыл в Термез, а далее в Пяндж.

Моя схема разведки вернулась мне только в 1997 г. Я ее берегу, потому что это память. Память о моих саперах, о Володе Кирееве, о Саше Малыгине.

Памятна мне и операция в районе Сари-Джуя южнее Рустака (провинция Тахар) против банды «инженера» Наби (май–июнь 1984 г.).

При проведении этой боевой операции я командовал инженерной группой разведки и разминирования в составе семи военнослужащих. Группа действовала в интересах группировки войсковых сил. В ходе операции в горах мы уничтожили склады с оружием, боеприпасами, имуществом и оборудованием банды. Самое главное – были уничтожены зенитные установки ЗУ-2, переносные ЗРК, большое количество взрывчатых веществ, противотанковых (TS-6,1), противотранспортных (TS-2,5) и противопехотных мин (TS-50). Как вещественное доказательство, нашей группой на базу были доставлены американская противотанковая мина М-66, а также штабные документы банды. Группа саперов потерь не имела.

В дальнейшем, в ходе выполнения боевых задач группой была обследована непосредственно сама база «инженера» Наби в Лангаре. На базе боевиков были уничтожены подземные склады (пещеры), схроны, оружие.

В заключительной части операции саперная группа заминировала огневые позиции крупнокалиберных пулеметов ДШК и зенитных установок ЗУ-2, входивших в зону противовоздушной обороны района, контролируемого бандгруппой.

Серьезные боевые задачи группы саперов под моим командованием также выполняли в ходе операций в Куфабском ущелье в зоне ответственности Московского пограничного отряда (декабрь 1984 г.), в районе Хазарбага в зоне ответственности Пянджского пограничного отряда (июнь 1985 г.).

С друзьями на встрече. На фото: С. Белов, В. Капшук, Н. Лукашов, О. Улеватый, отец Капшука, Ю. Лапушко, А. Лобов, В. Бесов, С. Знаменщиков, М. Шкуренко и др.

***Майор Александр Петрович Богданов** прибыл в Афганистан в августе 1983 г. в качестве советника командира части пограничных войск ДРА. С августа 1983 г. по 23 февраля 1984 г. он был советником командира 4-й пограничной бригады в Зарандже (на стыке афганской, пакистанской и иранской границ). За это время значительно активизировал боевую деятельность этой бригады, неоднократно лично участвовал в разгроме бандформирований.*

Я. Ковалев

Последняя схватка

В декабре 1983 г. – январе 1984 г. сложилась исключительно тяжелая обстановка на афгано-пакистанской границе в районе Ургуна. Главари моджахедов под руководством американских советников решили во что бы то ни стало разбить 15-й отдельный пограничный полк в Ургуне (других частей в том районе не было, и за все время афганской войны там никогда не дислоцировались советские подразделения) и создать на юго-востоке Афганистана в зоне так называемых свободных пуштунских племен отдельное государство. В этой ситуации полк был пополнен личным составом, дополнительно обеспечен боевой техникой, оружием, боеприпасами и продовольствием. Советником командира 15-го отдельного пограничного полка был назначен майор Александр Богданов. Были заменены другие советники полка.

Богданов приступил к своим новым обязанностям 24 февраля 1984 г. Быстро разобравшись в обстановке, он, несмотря на многие трудности, в течение первых двух недель организовал усиленную боевую подготовку и обучение личного состава, затем начал перестраивать психологию афганских офицеров, убеждать их в необходимости ведения активных действий. До прибытия Богданова полк практически не выходил за пределы дислокации и находился в постоянной осаде моджахедов. Александру Петровичу удалось в кратчайшие сроки создать безопасные рубежи и коридоры для выдвижения военнослужащих полка.

13 марта 1984 г. полк начал регулярно совершать рейды до 20 км в дневное время и выставлять засады за оборонительными позициями полка в темное время суток. В последующие два месяца майор Богданов ходил с полком в боевые рейды 7 раз.

Районный центр Ургун расположен в 29 км от пакистанской границы в горной местности. В 5 км северо-восточнее Ургуна проходил один из активных автомобильных маршрутов доставки противником из Пакистана в ДРА оружия, боеприпасов и бандгрупп. В конце марта 1984 г. полк начал на этом маршруте выставлять засады и боевые разведывательные дозоры. Противник в свою очередь выдвинул для борьбы с пограничниками подразделения на маршруте. Действовали в общей сложности три бандгруппы общей численностью 80 подготовленных душманов.

Из донесений майора Богданова генералу Александру Романенко, руководителю советнического аппарата пограничных войск ДРА.

«30/04/84 г.

Карта 1:100 000

С 5.00 до 12.00 15-й опгп проводил операцию по ликвидации бандгруппы в Бибикоте (4622).

В 5.30 в 7 км от Бибикота полк вступил в бой с передовым охранением мятежников.

В 8.00 по Бибикоту нанесен БШУ (бомбо-штурмовой удар). Потери мятежников в живой силе незначительные, так как с 6.00 они заняли оборудованные рубежи обороны.

В ущелье Дуаба (4820) до Бибикота мною лично обнаружено до 50 оборудованных огневых позиций, которые мятежники не смогли занять.

С 08.15 на всем участке движения подразделения были атакованы группами мятежников по 10–15 человек. Всего до 200 мятежников, 3 ДШК, 2 ЗГУ, 5 СП (станковых пулемета), 5 РПГ (ручные гранатометы).

К 10.30 с боем подразделение вышло к Зарикоту (4622), где встретило плотный ружейно-пулеметный огонь. К 11.00 создалась угроза окружения подразделения в районе Дуаба (4820).

С 11.00 до 12.00 подразделения с боем вышли в район Ургуна. С 13.00 до 13.30 с участием советника Кутепова был нанесен БШУ двумя Ми-24 по Бибикоту, выявленным ДШК, ЗГУ.

В ходе боевых действий бандгруппа рассеяна. Уничтожены до 25 мятежников. Уничтожен один ДШК.

Потери полка: 3 человека ранены, 4 пропали без вести (дезертировали с оружием).

Просьбы: нужен тол для подрыва огневых позиций мятежников и 14 неразорвавшихся авиабомб в районе Ургуна.

Богданов».

Из письма Александра Петровича домой 5 мая 1984 г.: «... Оснований для беспокойства у тебя не должно быть. Помни, что каждый прошедший день приближает день нашей встречи ...».

Из донесения генералу Романенко.

«10/05/84 г.

Тов. Романенко.

В 12.30 с 910-м пгб (пограничный батальон 15-го афганского погранполка) на северной окраине Б. Ургуна вступил в бой с группой мятежников в количестве 40 человек. Для ликвидации мятежников были высланы 950-й, 951-й пограничные батальоны.

В домах Б. Ургуна заняли оборону до 200 мятежников, которые встретили батальоны плотным ружейно-пулеметным огнем. Обнаружен танк противника.

Для оказания помощи батальонам был выслан резерв в составе 80 человек, 2 танка, 2 БТР во главе с командиром полка.

БТР с командиром подорвался на мине, командир контужен. Боевые действия возглавил начальник ПО (политического отдела).

Визуальным наблюдением установлено, что у мятежников до 20 человек убитых и раненых.

«Потери полка:

– ранено 5 человек;

– подорвались на минах танк, БТР, которые подлежат восстановлению и эвакуации в полк;

– пропали без вести 2 солдата с оружием (вероятно, дезертировали).

Просьбы: прислать вертолеты для эвакуации раненых и нанесения БШУ по мятежникам в Б. Ургуне.

Богданов».

Из донесения генералу Романенко.

«11/05/84 г.

В Ванне (7452) создан «ударный полк» мятежников численностью до 2000 человек. Командир полка Джалиль по кличке Халед. Часть бандгрупп, организационно входящих в полк, дислоцируется в 10–15 км юго-восточнее и южнее Ургуна, планируют в первой декаде июля с.г. провести решительное наступление на Ургун.

Планировалось 9–11 мая, скрытно сосредоточив в районе Ургун-Калан (4014) разведроту «ударного полка», боевые группы банды Мухаммада Хасана (г. Кизитай, 3820), Гердая (там же), Муллы Арсалы, Ага Махоммада (г. Идигундай, 3802) с целью проверить боеспособность полка, своих банд и демонстрации своей активности, нанести удар по 910-му пгб. Руководил операцией заместитель командира «ударного полка» Ага Махоммад, прибывший в Ургун-Калан на танке.

Операция сорвалась, так как полк обнаружил ее группировку до ее сосредоточения и прибытия огневых средств.

Танк использовался как передвижной командный пункт и средство борьбы с бронеобъектами нашего полка. Огонь не вел потому, что бронеобъекты полка не подходили на дальность прямого выстрела.

В ночь на 11 мая бандгруппы возвратились в места постоянной дислокации.

Уточненные данные о местах дислокации бандгрупп, их составе и намерениях будут сообщены позднее.

Богданов».

Из донесения генералу Романенко:

«12/05/84 г.

С 12.30 до 13.00 11/05/84 г. 4 вертолетами (2 Ми-8, 2 Ми-24) с наводчиками полка на борту нанесен БШУ по кишлакам: Калайн-Муфти (3812), Калайн-Ахангаран (4014), Карьян-Нурулла (3617), в которых с воздуха были обнаружены бандгруппы по 20–40 человек. Из Муфти по вертолетам вели огонь из ДШК.

Мятежники с рассветом отошли в Ахтарукалай (3606), танк ушел в 5.00 туда же. В Муфти, в Ахангаране, Нурулле были оставлены охранение и заслоны общей численностью 60–100 человек.

Богданов».

Из письма домой 15 мая 1984 г.:

«Катюша, солнышко мое, единственная и неповторимая. Я думаю, что у нас все еще впереди! И все-таки я только сейчас понял, какая это хрупкая вещь – человеческая жизнь ...».

Ближайшая от полка банда (20 душманов), возглавляемая Мумином, была выставлена в ущелье Пуштай на южной окраине кишлака Садукот, в 4 км от автомобильного маршрута (в 9 км от штаба полка). 17 мая 1984 г. разведкой полка были получены дополнительные данные о названной банде.

В это время командир 15-го отдельного пограничного полка подполковник Сабур после ранения лечился в госпитале, начальник штаба полка капитан Бисмулла находился в Кабуле на совещании, за командира полка оставался начальник политотдела полка капитан Эхсанулла, будучи в военном деле недостаточно подготовленным. Он обратился к Александру Богданову с просьбой помочь ему спланировать операцию по разгрому банды Мумина, а затем выйти с ним на операцию. Операция была спланирована. Богданов, имея значительный боевой опыт, разрабатывал операцию очень тщательно. К примеру, в ней была учтена даже такая деталь: чтобы в момент атаки на противника солнце светило в глаза душманам и мешало вести прицельный огонь.

18 мая 1984 г. в 4.00 четыре усиленные роты полка общей численностью до 500 человек под командованием начальника политотдела полка и Богданова вышли из Ургуна. В 5.00 с исходного рубежа (от входа в ущелье Пуштай, где перпендикулярно проходил автомобильный маршрут противника) две роты начали занимать высоты справа и слева от ущелья. Две другие роты колоннами, выдвинув вперед два разведдозора и прикрывшись сзади тыловым охранением, вместе с Эхсануллой и Богдановым пошли в глубь ущелья в северо-восточном направлении.

В 7.00 начался бой с бандой Мумина, 9 бандитов были убиты, остальные стали отходить в глубь ущелья. Преследование недобитых душманов велось еще 6 км.

В этот момент две другие банд-группы, заняв господствующие высоты в узком месте ущелья, организовали засаду. К душманам стали подходить подкрепления, которые, хорошо зная местность, заняв выгодные позиции, установив пулеметы на господствующих высотах, отрезали отход подразделениям полка.

У личного состава обеих рот заканчивались боеприпасы (две другие роты в это время находились в 5–8 км южнее и ниже на занятых ими высотах), были потери убитыми и ранеными.

Александр Петрович, находясь в группе управления, решил привлечь внимание противника к себе и тем самым обеспечить выход подразделения из окружения. Собрав группу из 20 наиболее боеспособных офицеров и солдат, Богданов штурмом занял высоту с отметкой 2405 и стал прикрывать отход своих подразделений.

Силы были неравны, бой был долгим и жестоким. Неоднократно моджахеды пытались вернуть высоту, с которой Богданов со своей группой вел кинжальный огонь, обороняясь и прикрывая отходящее подразделение афганского полка. Боеприпасы заканчивались, пограничники уже вступали в рукопашную схватку с противником. Оказывая помощь раненому афганскому офицеру – политруку роты, Богданов взвалил его на плечи, чтобы перенести в укрытие из зоны обстрела. Он шел, склонившись под тяжестью тела раненого. В этот момент вражеская пуля попала под бронежилет в район поясницы. Надежды выжить не было. Со смертельным ранением, истекая кровью, он продолжал вести бой, прикрывая отход афганцев. Когда закончились боеприпасы и гранаты, Богданов вступил в последнюю рукопашную схватку...

Моджахеды не смогли взять живым офицера-пограничника.

Так, в 10.00 18 мая 1984 г. майор Александр Богданов героически погиб на высоте с отметкой 2405 (в 10 км северо-восточнее селения Ургун).

В этом бою были уничтожены около 40 душманов, из них 18 бандитов Мумина. Банда Мумина прекратила существование, Богданов лично уничтожил из АКМ и ручными гранатами не менее 15 душманов, в том числе и самого Мумина.

Указом Верховного Совета СССР от 21 июня 1984 г. за мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга, майору Александру Петровичу Богданову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

***Мазур Владимир Михайлович** (р. 03.08.1964), автор-исполнитель, режиссер и координатор культурно-массовых и военно-патриотических мероприятий, неоднократный лауреат и семикратный обладатель Гран-при международных и всероссийских фестивалей авторской, солдатской и патриотической песни. Участник боевых действий в Республике Афганистан в 1983–1984 гг. Уже в современной России неоднократно выезжал в «горячие точки» – в Таджикистан, в зоны боевых действий на Северном Кавказе, в Сирии.*

Анатолий Стасовский

И афганский аккорд в судьбе…

Дембельский альбом

Владимир Мазур воевал в Афганистане с февраля 1983 по июль 1984 года. Он – минометчик. Его батарея, входившая в состав Московского пограничного отряда, стояла на страже афганского города Рустак.

Присутствие пограничников в Афгане в то время составляло страшную государственную тайну. Они на афганской земле даже зеленых фуражек не носили, и почтовый адрес «зарубежных» пограничных подразделений был не полевой почтой, как в 40-й армии, а нормальным «отечественным» адресом, куда из дома приходили посылки (армейцы обходились без «гуманитарки») и откуда было легче обманывать матерей: служим, мол, в мирном Таджикистане, дышим чистым горным воздухом, красотища!..

Почти каждый снимок из дембельского альбома Владимира Мазура – а всего их 158 (!) – в свое время мог бы стать предметом пристального внимания особого отдела с печально известными последствиями. Обложка альбома туго обтянута камуфляжной тканью, скорей всего, выкроенной из одежды, не раз тертой на операциях о камни афганских гор.

На шести снимках дембельского альбома – столь привычная для наших ребят в Афганистане шестиструнная гитара, еще на двух фото – сразу два видавших виды походных инструмента. Здесь внимание заострим. Дело в том, что секретность присутствия «за речкой» приглушала у пограничников и гитарную струну, столь звонко звучащую у интернационалистов-армейцев. Два, на мой взгляд, убедительных примера. В трех томах антологии «афганских» песен, над которой, кстати, трудится воевавший в Афгане офицер-пограничник Владимир Сысоев, всего три (!) сочинения «зеленых фуражек». А собиратель и исследователь современного армейского фольклора Вячеслав Огрызко, заместитель редактора «Литературной России», в статье «По приказу без огласки», посвященной нескольким песням «афганцев»-пограничников, с сожалением констатировал большую редкость первоисточников.

Каково же было мое удивление, когда на фоне этого «голода» оказалось, что у Владимира Мазура сохранилась целая 90-минутная (!) аудиокассета пограничных песен, записанная им еще на «точке». Туда, кстати, вошли и первые творческие пробы самого Владимира, ныне – лауреата многих крупных песенных фестивалей бардов-«афганцев».

Афганская песня в условиях замалчивания стала своеобразной песенной летописью необъявленной войны, она, как и чудом сохранившиеся снимки пограничников-интернационалистов, несет детали, подробности службы и быта, портреты тех людей, которые беззаветно выполняли воинский долг на земле Афганистана.

«Родной» Рустак

Восточный адрес неизвестен.
Мы расположены в горах.
Наш мир, бесспорно, очень тесен,
К нам долетишь лишь на бортах.
Но говорить мы зря не станем,
И в самом деле было так,
Для нас во всем Афганистане
Нет лучше места, чем Рустак…

«Наша минометная батарея, – вспоминает Владимир Мазур, – была самым боевым подразделением на «точке». Команда «К бою!» в случае любой заварушки в первую очередь звучала для минометчиков. Иногда, правда, нас поднимали и для того, чтоб, расстреляв мины, освободить от боеприпасов ящики, которые шли на растопку. Высота над уровнем моря – 1200 метров, зимой холод собачий, ветер, снег.

Когда я только прилетел, минометная батарея располагалась в двух-трех блиндажах, по шесть-восемь человек. Заставы к тому времени имели уже врытые на две трети в землю казармы. Электричество давал дизель, но в целях свето- и звукомаскировки ночью его выключали, после двенадцати служба бегала с лампами.

Питались поначалу из рук вон плохо. Не хватало элементарного – одна ложка на три человека. Приходилось пускать по кругу. Каждый берет по пол-ложки и передает дальше. Котелки и кружки тоже в дефиците.

Но! Гепатита, который косил армейцев, у погранцов практически не было. От жажды спасались настоем верблюжьей колючки. Заваривали в больших баках и пили. Изжога от нее, надо сказать, страшная!

Основные продукты два раза в год завозила большая колонна. Свежей картохи хватало на два-три месяца, остальное время давились сухой.

Пили чай, когда присылала родня в посылках. Правда, это праздник: присылали не каждому, а на круг, сам понимаешь... Иногда завозили арбузы, но это уж вообще!»

Вот такой он, Рустак!

На фото – жилистые улыбчивые мальчишки, позируют, чудачат.

Обыкновенные солдатские снимки. Только рядом с этими ребятами – война. Только часто фоном – пустыня, битая техника, трофеи, развернувшиеся «цветки» разорвавшихся реактивных снарядов с острыми, зазубренными лепестками. А в песне: «Рустак нам стал родимым домом. Он провожал нас, чтобы ждать».

Первый обстрел

Команда «К бою».
Ты срываешься с постели.
Хватаешь каску,
магазин и автомат.
Ты пробегаешь через
ходы сообщений,
А над тобой летают
пули и свистят.

«Я тогда в Афгане был только месяца два, – рассказывает Мазур. – «Духи» поставили на склонах вокруг «точки» три миномета и одновременно открыли огонь. Мы в это время смотрели на заставе телевизор. Тут звучит команда: «Застава, к бою!» А минометчики знали, что эта команда, как правило, для учебы использовалась. Как говорил уже, во время серьезных дел в первую очередь поднимали минбат. Заставские побежали по траншеям кто к окопам, кто к БТР. А мы вышли посмотреть, как они тренируются. Знатный повод для веселья! В это время мины начали рваться уже непосредственно на «точке». У «духов» «работали», скорее всего, батальонные минометы. Полковые не очень-то по горам потягаешь. Мы – пулей к своим позициям. Война учит быстро. Каждый знал, что ему делать, все было отработано до автоматизма. Этого автоматизма не мог победить даже неописуемый страх, который леденил душу, особенно у нас, «молодых».

20 лет после Афгана

А командир батареи, старший лейтенант, действовал вполне осмысленно. Фамилия напрочь стерлась, помню только любимое словцо – «коррида». Так вот, комбат нас сразу же рассредоточил. У нас было восемь минометов (три батальонных, два полковых и три «Василька»). Мы стреляли из всех видов одновременно. Кроме нас открыли огонь все заставы, все «бэтээры» из капониров. Стена огня! И все лупили наобум. От этого тоже все внутри цепенело.

По «молодости» мое дело было подносить мины. У меня пальцы в кровь иссекли шнуры, которые срывал для подготовки мин. На взрывателе есть такой железный колпачок, а на нем еще замасленная веревочка. Я едва успевал срывать эти колпачки. Погребок с боеприпасами был прямо на позиции. Один ящик весит 46 килограммов. Но ни сорванную кожу на пальцах, ни тяжесть ящиков не чувствовал.

Я тогда впервые услышал шорох мины. Она ведь на самом деле не свистит – шуршит. Я слышал, как она шуршала и разорвалась в пятидесяти-ста метрах за спиной. Если бы «духи» опустили свой миномет чуть-чуть ниже, то мина разорвалась бы прямо на нашей позиции.

Позже по разведданным народной армии Афганистана мы узнали, что первый «духовский» миномет мы подавили сразу, случайно попали. Оставшиеся душманы ушли в горы. У них погибло 37 человек. С нашей стороны, слава Богу, обошлось. Даже никого не зацепило. Просто в таком шквальном огне у них не было ни времени, ни возможности выверять расстояние дальномерами, не говоря уже о корректировании стрельбы наблюдателем.

С тех пор на наших «дедов» смотрел с уважением. Мы в такой обстановке действовать расчетливо, с умом еще не умели».

Вглядываюсь в снимки Володиного дембельского альбома. Безусые, коротко стриженные «деды» дурачатся, а вот – «отрабатывают» перед объективом приемы рукопашного боя. Голые пятки, «жуткие» рожи... Позируют, конечно. А может быть, именно в этот момент где-то с гор сквозь прицел снайперской винтовки на кого-то из них смотрит смерть.

Первая кровь

«А если быть честным до конца, – продолжает Мазур, – то «деды» у нас проявлялись не только в бою. Разные они были. Вот Серега Бурундуков, минометчик-ас, за любого в расчете сработает. Сам руки не распускал и другим укорачивал. Это закономерность такая: кто выезжал на «боевые», тот в «дедовщине» не ожесточался. Но были и другие. Сильно, правда, не лютовали.

Помню, перед операцией выдавали спальники. Половина – летние, хотя ожидала холодрыга. Мне попался зимний. «Старики» стали давить морально: «Отдай, я уже отпахал знаешь сколько, неужели и теперь мерзнуть, а ты пока потерпи...» Я ни в какую. Но потом все-таки пришлось уступить санинструктору, он пришел после института, на полтора года, к этим у нас отношение было особое. Операция проходила недалеко от советской границы, даже можно было нашу сторону наблюдать. Мы выгрузились у поджидавшей колонны, сели на броню. Надо было вдоль кишлаков большой участок проскочить. Двинулись. Впереди идущий бронетранспортер поднял такую пыль, что наш водитель буквально утонул в ней. Ориентироваться можно было только по звуку. На месте перекрестка дорога ныряла в большую выемку. Когда водитель ее заметил, тормозить было уже поздно, тогда он резко прибавил скорость: видимо, перепрыгнуть надеялся. Тряхануло порядочно. Я каким-то чудом удержался на броне, два человека с железа слетели, а у санинструктора

нога попала в гусеницу, оторвало стопу. От ужаса и боли он истошно кричал. Несчастному вкололи обезболивающее и отправили бортом в Московский отряд. А у меня еще долго этот крик стоял в ушах. Так я увидел на войне первую кровь. Мне кажется, что именно нелепость случившегося на некоторое время морально парализовала».

Цепочкою кирпичики бросают пограничники

«Представь себе, мы буквально рвались на операции! А все потому, что если не было «боевых», то железно отправляли на стройку. А это у нас считалось куда хуже. Ух и вламывали! За время, которое служил на «точке», практически голую высотку, считай, собственными руками превратили в укрепрайон.

Самым тяжелым считалось производство кирпичей.

С вечера замешиваем босыми ногами глиняный замес, а утром, чуть свет, начинаем его утрамбовывать в ящики из-под патронов, разделенные перегородкой: ящик на два самопальных кирпичика. И до потери пульса. До тысячи штук штамповали! Солнце жарило так, что обходились без печей для обжига. На перекрытие блиндажей, крыш казарм шли те же самые ящики из-под боеприпасов. Дерево у нас было первым дефицитом. На часть одного из перекрытий поста пошла даже дека обветшавшей, первой моей «афганской» гитары, которую привез с собой».

В дембельском альбоме Владимира Мазура фотографии с кирпичного «завода» занимают почти страницу...

12-я застава, Таджикистан

Полковник ***Алексей Вишняков*** *считает 5 лет, проведенные в Афганистане, лучшими в своей жизни. За участие в боевых действиях, проявленные при этом мужество и отвагу награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «За отличие в охране государственной границы СССР»*

Василий Самотохин

«На войне я понял, что такое человек»

Сколько себя помнит, всегда Алексей мечтал стать военным, потому что помнил рассказы родителей о войне. В 1978 году написал в военкомате заявление с просьбой зачислить абитуриентом в Ленинградское высшее артиллерийское командное училище. Экзамен по физической подготовке сдал лучше всех, даже поступавшие после армейской службы не смогли столько раз подтянуться, сколько это сделал Алексей. Поступил на огневой факультет, как и мечтал.

Алексей Вишняков и его друг Виктор Швец терпеливо постигали азы службы, приобретали во время стажировок в войсках воспитательные навыки. Четыре года пролетели, как один день, в 1982 году состоялся офицерский выпуск. Сердца у парней учащенно бились: они – лейтенанты, совсем скоро начнется настоящая служба. И она началась буквально после окончания офицерского отпуска. 15 февраля 1983 года вызвал Вишнякова на беседу начальник пограничного отряда и предложил должность старшего офицера минометной батареи с местом дислокации в Афганистане. 16 февраля отпраздновал Алексей свой 21-й день рождения, а вскоре вертолет доставил его с подчиненными в Афганистан.

Лейтенант Вишняков был старшим на блокпосту Айханым-Даштихолинской погранзаставы Янхе-Калинской ММГ. Первые дни жили в палатках, затем стали строить блиндажи, обосновывались обстоятельно. Начальник оперативной группы Московского пограничного отряда подполковник Василий Карабан инструктировал, что блокпост располагается в очень неспокойном месте, банды душманов хорошо вооружены, в горах восстанавливают силы, производят военно-техническую модернизацию.

Питались поначалу нормально: были тушенка, крупы. Когда еда заканчивалась, пекли лепешки, ловили черепах и варили суп. В боевых условиях очень даже неплохо!

Через несколько недель пограничники почувствовали, почем фунт лиха на афганской земле. В провинции хозяйничала банда «инженера» Наби численностью более полутора тысяч человек. Воевали душманы грамотно, имели базовые склады в горах, эвакуационные средства, современное оружие, связь, классно подготовленную разведку. Иноземные специалисты разрабатывали им тактику, выпускали особые наставления.

...Боевую операцию начала наша авиация, авианаводчики дали летчикам необходимую информацию: места нахождения безоткатных орудий, пулеметов. В бой пошли бойцы ММГ, минометчики лейтенанта Вишнякова четко выполняли поставленную задачу: не давали душманам поднять головы. Часть банды была уничтожена, часть рассеяна. Обычно за такие действия минометчиков награждали, но лейтенанта Вишнякова к награде не представили, просто по радиосвязи сообщили, что пограничники выполнили свое задание достойно.

Ни один из подчиненных Вишнякова за два года не погиб. А ведь арифметика войны – страшная штука: свыше 15 тысяч советских воинов погибли на чужой земле, 6 тысяч скончались впоследствии от ран и контузий.

В октябре 1984 года лейтенант Вишняков прибыл для дальнейшего прохождения службы в Забайкальский пограничный округ, в Приаргунский пограничный отряд. Начальник отряда полковник Павел Павленко сразу же предоставил офицеру отпуск и по его возвращении торжественно вручил ключи от квартиры.

В течение нескольких месяцев шла интенсивная боевая учеба: стреляли из минометов, стрелкового оружия, метали гранаты. Старший лейтенант Вишняков учил подчиненных тому, что знал сам, не раз повторяя солдатам и сержантам слова: «Кто хочет победить, тот уже близок к победе».

В феврале 1985 г. старшего лейтенанта Вишнякова, как боевого офицера, направляют в Афганистан во второй раз. Мог, конечно, отказаться, но ответил кратко: «есть», попрощался с женой и убыл в Тахта-Базарский пограничный отряд в составе ММГ под командованием Сергея Маринушкина. Место, где дислоцировались пограничники, называлось Карези-Ильяс. Душманы неоднократно обстреливали их, но обходилось без жертв. Вишняков учил подчиненных передвигаться, ориентироваться на местности, действовать в засадах, вести бой на ходу и многому другому.

Однажды разведчики доложили, что в зоне их ответственности готовятся пройти бандиты. Они начали переправляться ночью, уверенные в том, что пройдут незамеченными. Но не тут-то было! Из четырех минометов пограничники открыли огонь на поражение. Десятки «духов» были уничтожены, практически никому из них не удалось уйти обратно, среди пограничников безвозвратных потерь не было. Больше полгода длилась эта командировка. Вишнякова представили к медали «За боевые заслуги», но где-то в штабах документы затерялись, и награда нашла героя только спустя 10 лет, когда офицер уже служил в Мурманске.

В июне сдали технику и вернулись в Забайкалье. Сразу же убыл в отпуск, а когда приехал, то кадровики «обрадовали»: «Готовься, едешь в Афганистан». Пытался объяснить кадровику отряда, что он уже там дважды был и в третий раз судьбу испытывать не намерен. Старший начальник удивился: «Ну, ты даешь, капитан, вот твой рапорт, сам же написал, что хочешь продолжить службу в Термезском пограничном отряде». Алексей посмотрел на рапорт, написанный от руки. Это был не его почерк, такого рапорта он не писал. Сказал об этом, но услышал в ответ: «В округе все уже утверждено, едешь командиром батареи. Из-за тебя одного никто списки переделывать не будет».

В третий раз его, как старого знакомого, встречали афганские горы на участке Мазари-Шариф. И опять — боевые будни. На долю пограничников выпало еще и защищать от бандитов мирных граждан. Спасаясь от душманов, дехкане окрестных кишлаков шли на дорогу к нашим постам и сторожевым заставам, ища у шурави приюта. Пограничники чем могли, тем и помогали: вывозили их в безопасные места, оказывали раненым медпомощь, а порой рисковали собой, чтобы спасти простых афганцев.

...Несколько лет генерал Расул был на стороне правительства. Дисциплина строгая, боевая учеба на высоком уровне. Но как-то один большой афганский начальник оскорбил Расула, и тот, недолго думая, повернул свои войска против правительства и в течение нескольких месяцев наголову разбил вчерашних союзников. Против Расула начали воевать солдаты правительственных войск, армейцы и пограничники. Бои шли каждый день с применением гаубиц, минометов, авиации. По нашим солдатам стреляли из РПГ, пулеметов, автоматов. У армейцев были погибшие и раненые, но пограничников судьба хранила.

Капитан Вишняков занял со своим подразделением выгодную позицию, грамотно организовал систему огня, и они уничтожили несколько огневых точек противника. За самоотверженность и храбрость, проявленные при выполнении поставленных задач, капитана Алексея Вишнякова наградили медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Он до сих пор помнит до мельчайших подробностей операцию под Мармолем. Несколько бандформирований буквально терроризировали местное население. Их главари проявляли жестокость не только по отношению к советским воинам, но и к местным жителям, которые были на стороне правительства. Некоторые кишлаки вырезали подчистую, не щадили ни старых, ни малых. Пограничникам и армейцам поступил приказ разгромить укрепрайон и не дать бандитам продолжать свои бесчинства дальше. Атаковать в лоб не представлялось возможным. Армейские части попробовали, и десятки солдат и офицеров остались лежать в каменистой пустыне.

Подчиненные Вишнякова расположились на окраине элеватора. По ним открыли огонь реактивными снарядами. Бой разгорался жаркий. Минометчики стреляли прицельно, с первых же залпов

уничтожили две огневые точки. А затем еще несколько, потерь среди личного состава не было. Начальник пограничного отряда полковник Анатолий Чечулин, впоследствии генерал-лейтенант, командующий группой пограничных войск в Таджикистане, писал: «Выполняя специальные задания по оказанию интернациональной помощи ДРА, капитан Алексей Вишняков показал себя волевым и мужественным офицером. Неоднократно принимал участие в боевых операциях по ликвидации бандформирований, проявляя при этом инициативу, решительность, смелость. Достоин представления к ордену Красной Звезды».

...Завершающий этап вывода советских войск из Афганистана был трудным: морозы, ветер. Пограничники уходили из Афганистана последними. Многочасовые дежурства в засадах и боевых машинах пехоты, круглые сутки на пронизывающем ветру. Пограничники были готовы к отражению нападения на советские колонны. В основном поставленную задачу выполнили – избежали возможного кровопролития.

Затем Вишняков служил в Термезе и командиром дивизиона минометов в Хорогском пограничном отряде. Через два с половиной года последовал перевод на вышестоящую должность начальником службы ракетно-артиллерийского вооружения узбекских пограничных войск, где Алексей Николаевич и служил до марта 1995 года.

Потом кадровики предложили три места дальнейшей службы: Хабаровск, Челябинск и Мурманск. Выбрал Мурманск, был старшим офицером службы РАВ, последние годы – старшим инспектором организационно-контрольного отделения пограничного управления, стал полковником.

– Поверьте, пять лет, проведенные в Афганистане, стали самыми лучшими в моей жизни, – говорит полковник. – Я выполнил воинский долг, и у меня не погиб ни один солдат. Вот что важно...

Почему так? Отчего война – лучшее время? Ответить и понять офицера можно: несмотря на ежедневный риск, кровь и жестокую истину смерти, только война проверяет в полной мере человека в погонах на прочность. Можно всю жизнь прожить и не подозревать о своей мужественности и собственных душевных качествах. Или о том, что ты слабый духом человек и не способен на настоящий поступок. Конечно, лучше бы и вовсе обойтись без такого пробного камня, как война.

Я спросил полковника Вишнякова, что дали ему годы войны. Он сказал: «На войне я понял, что такое человек, и сам в большей мере, чем прежде, стал им».

На боевой позиции артиллеристов – старшие лейтенанты Алексей Вишняков (справа) и Олег Бучнев

Для многих офицеров служба в спецподразделениях Пограничных войск КГБ СССР на территории Республики Афганистан стала настоящей школой жизни, которая помогла в последующем достичь немалых высот. Показательна в этом плане судьба **Сергея Владимировича Шишина.** 23-летним старшим лейтенантом в 1986 году он попал «за речку». Начинал с должности заместителя начальника заставы ММГ Термезского погранотряда, затем стал начальником заставы. Более чем в 30 операциях принимал участие за два года. Две медали «За боевые заслуги» и медаль «За отличие в охране государственной границы СССР» отметили боевой путь отважного офицера в Афганистане. На афганских фотографиях Сергея Шишина трудно перепутать с кем-либо другим: рост за два метра делает его заметным в любой компании.

Потом Сергей Владимирович служил в военной контрразведке, в 1995–2000 гг. возглавлял боевые подразделения спецназа в Управлении специальных операций ФСК России и Управлении «В» АТЦ и Центра специального назначения ФСБ России, организовывал и непосредственно руководил операциями антитеррористической направленности, был начальником Управления собственной безопасности, а также Службы обеспечения деятельности ФСБ России, являлся членом Коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

С февраля 2007 года генерал-полковник запаса, почетный сотрудник контрразведки, доктор экономических наук, профессор С.В. Шишин работает старшим вице-президентом Банка «ВТБ», а также является членом Наблюдательных Советов и Советов Директоров ряда крупных компаний и банков. Он награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени с мечами, Мужества, «За военные заслуги», Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени с мечами и многими другими государственными наградами.

Генерал-полковник С.В. Шишин

Старший лейтенант С.В. Шишин

Н.А. Бородкина

Дом – крепость

(Из воспоминаний А.А. Нургалиева)

Десантно-штурмовая группа по тревоге поднималась за считанные минуты. И вот опять звучит «суровая команда» выходить на вертолетную площадку Московского пограничного отряда. Вторая десантно-штурмовая застава Восточного пограничного округа во главе с начальником разведки ДШМГ майором Р. Ракимовым, начальником заставы старшим лейтенантом А. Исправниковым осуществила десантирование в одном из приграничных районов Республики Афганистан в зоне ответственности пограничного отряда. Сам перелет на вертолетах занял не более 10–15 минут.

«Карты, карты, господа!». Однако географические карты у офицеров отсутствовали. В ряде случаев и при наличии таких карт они больше вредили, но не помогали, так как были очень старыми и не соответствовали реальной местности. Намеченные на таких картах маршруты передвижения в несколько километров, особенно в горной местности, в ряде случаев занимали у десантников дневной переход. Составителями маршрутов выдвижения не учитывались резкие перепады высот, горные реки, отсутствие горных троп и тяжелая экипировка десанта. 82-мм минометы, СПГ-9, АГС-17, пулеметы и боеприпасы – все переносилось на спинах десантников. Кроме того, по этим же картам совершали полеты авиаторы, результатом чего были частые ошибочные высадки десанта.

Десантировались в районе боевых порядков одной из мотоманевренных групп, откуда поступило распоряжение выдвигаться в указанном направлении, туда, где завершалось блокирование намеченного участка.

Около часа перехода, и вторая десантно-штурмовая застава достигла указанного рубежа. Майор Р. Ракимов направился на командный пункт уточнить, где занимать боевые порядки, когда к десантникам прибыл подполковник, как выяснилось – стажер, который сообщил, что сейчас вместе с ним следует выдвигаться дальше.

Переход к новому рубежу занял около двух или трех часов времени, а достигнув его, десантно-штурмовая застава, распрощавшись с проводником, получила очередную задачу идти в направлении едва видного на пригорке дома и окончательно замкнуть район блокирования. Через полчаса хода прибыли к указанному дому, осмотрели местность, выбрали позиции. Первая боевая группа расположилась в пересохшем арыке – почти готовые окопы в полный профиль, где при незначительной инженерной доработке получился отличный оборонительный рубеж с прекрасным обзором местности.

Вторая десантная группа во главе со старшим лейтенантом Г. Симаковым по распоряжению майора Р. Ракимова направилась к указанному дому.

Дом был окружен высоким глинобитным забором с массивными воротами. Непосредственно сам дом состоял из длинного коридора метров 50 и десяти обширных комнат, расположенных друг против друга вдоль коридора с выходом в одной из них на крышу здания.

Нургалиев Аскар Абилхаевич (р.12.08.1959) проходил службу на различных офицерских должностях в Краснознаменном Восточном пограничном округе КГБ СССР. Участник боевых действий в ДРА с 1982 по май 1984 г. в составе ДШМГ КВПО КГБ СССР. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Осмотрев дом, десантники обнаружили, что его недавно покинули жители, очаг продолжал дымить, а в первой комнате находились остатки недоеденной пищи. В нескольких комнатах в больших мешках были складированы запасы зерна. Поднявшись на крышу, десантники увидели, что этот дом не был здесь единственным. Оказалось, что двор перегорожен полуразрушенным глинобитным забором, а за ним стоял такой же дом-близнец. Осмотрели второй дом. Присутствие людей не обнаружили, здание для проживания людей не использовалось.

Вернувшись в «свой» дом, старший группы отдал приказание подготовить его к обороне. На крыше дома установили АГС-17 и приступили к оборудованию позиций для расчетов пулеметов и стрелков.